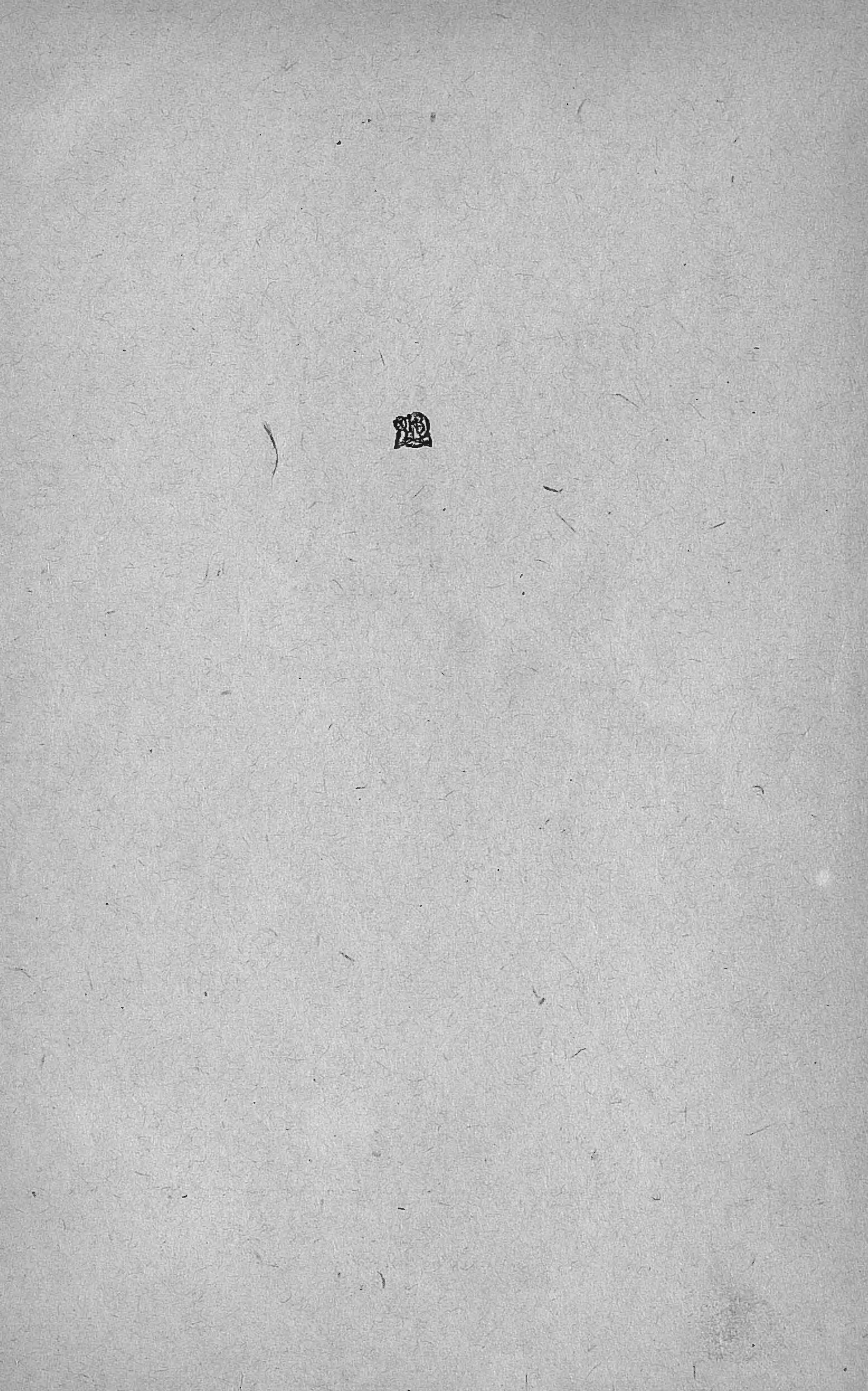
И. АРТАМОНОВ

ОЧЕРКИ ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ХАЗАР

L'Académie N. Marr de l'Histoire
de la culture matérialle

M. ARTAMONOV

ETUDES D'HISTOIRE ANCIENNE DES KHAZARES

Éditions d'État
Édition Sociale-Économique
Section de Leningrad
1936

Государственная академия истории материальной культуры имени Н. Я. Марра

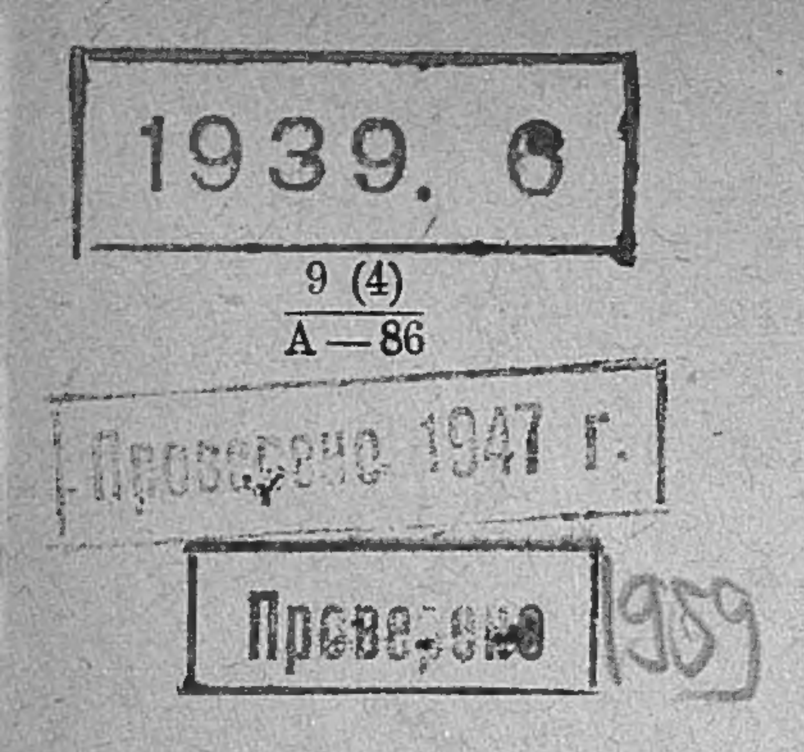
М. И. АРТАМОНОВ

ОЧЕРКИ ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ХАЗАР

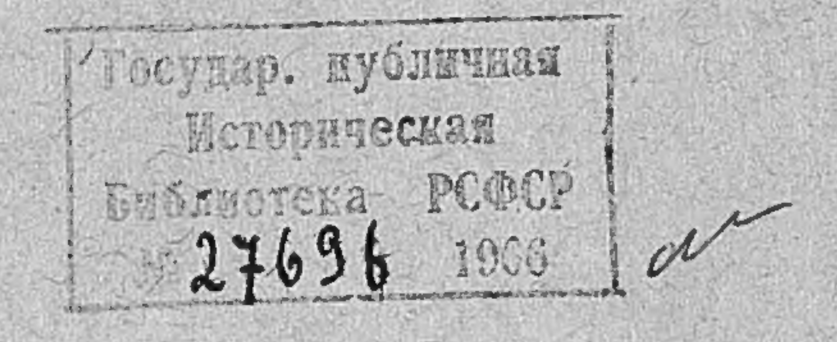
Государственное Социально-экономическое издательство Ленинградское отделение

1936

«Очерки древнейшей истории хазар» М. И. Артамонова охватывают один из наименее изученных периодов в истории южной половины европейской части Советского Союза, а именно, время от распадения гуннского племенного союза до образования Хазарского царства (V—VII вв.), являясь введением в историю последнего.

Работа рассчитана на историков, преподавателей и студентов исторических факультетов.

ОТ АВТОРА

В исторических обзорах, посвященных древнейшей истории нашей страны, мы встретим упоминания о могущественном и обширном Хазарском царстве, указания на сообщение летописи о том, что некоторые славянские племена платили дань хазарам, сведения о том, что через Хазарию шли оживленные торговые сношения восточных стран с богатым мехами севером, и пересказ некоторых наблюдений арабских географов о наиболее примечательных особенностях политического устройства и быта хазар. Но мы вовсе не найдем в этих обзорах попыток осмыслить роль хазар в историческом развитии нашей страны. Наша историография в отношении хазар живет тем наследием, которое оставил XIX в., даже, точнее, первая половина XIX в. Серьезная научная разработка истории хазар, начатая в ту эпоху, затем прервалась. Статьи востоковеда Григорьева, написанные несколько более 100 лет тому назад, до сих пор остаются наиболее солидными и наиболее полными обобщениями по истории хазар и до сих пор служат главнейшим источником для изложения истории этого политического образования в общих курсах и учебниках.

Чем объяснить отсутствие научного внимания к хазарам? Прежде всего, конечно, недостаточностью, а главное, недоступностью письменных источников. Данные о хазарах разбросаны в византийских, армянских и арабских хрониках и сочинениях. Они до сих пор полностью не изучены и не сведены. Кроме того, они отрывочны и случайны. Требуется большая предварительная работа для их критической проверки.

Но, конечно, одним недостатком письменных источников и затруднениями, связанными с их исследованием, слабую степень изученности истории хазар объяснить нельзя. Причины отсутствия внимания к хазарам коренятся глубже — в узком национализме русской дворянско-буржуазной историографии. Занятая исследованием истории Русского государства, дворянско-буржуазная историческая наука крайне неохотно касалась таких явлений прошлого, которые нельзя было связать с русским народом как важнейшей действующей силой. Как было русскому шовинизму примириться с политическим и культурным преобладанием Хазарии, выступающей в качестве государства, почти равного по силе и политическому значению Византии и арабскому халифату в то время, как Русь еще только выходила на историческую арену и то в роли вассала Византийской империи. Как можно было допустить наличие у колониальных эксплоатируемых царской империей народов своего славного прошлого. В виду этого Хазария оставлялась в тени, даже те данные о ней, которые были доступны, оставались не использованными.

Традиционное пренебрежение к Хазарии полностью еще не изжито и в наше время, и теперь нередко приходится сталкиваться с мнением, что хазары — это экзотика, что хазары для истории народов нашей страны не представляют существенного значения, что хазары — это эфемерное образование, которое не оставило после себя никаких

следов. Это мнение ошибочно: оно свидетельствует о близорукости, о неизжитости традиционного пренебрежения к истории нерусских народов. В действительности, Хазарское государство, объединившее громадную часть нашей страны, конечно, не прошло бесследно. Оно наложило определенный отпечаток на всю дальнейшую историю. В его недрах началось формирование целого ряда народов, существующих поныне и теперь имеющих блестящую будущность.

Помимо всего прочего, необходимость и важность изучения истории хазар определяется той ролью, которую они играли в социально-экономическом, а в особенности в политическом развитии нашей страны, находясь на рубеже между доклассовым обществом и феодальным государством. В Хазарском государстве варварское общество юго-восточных степей впервые нашло форму классовой организации, не осложненную привнесениями античной цивилизации. В этом своем виде оно оказало весьма сильное влияние на позднейшие аналогичные по своей социально-экономической природе образования, важнейшим из которых было Киевское феодальное государство.

Хотя Киевское государство и нельзя считать непосредственным продолжением Хазарского каганата ни в одной из форм связи, устанавливаемой некоторыми гипотезами, существовавшими в русской историографии (имею в виду как старую — Эверса-Юргевича — о хазарском происхождении Руси, так и новую — Пархоменко — о возникновении Русского государства в недрах Хазарии), все же Хазарское государство нельзя не учесть как важнейшее условие образования Киевской Руси в тех конкретно-исторических формах, в какие это государство вылилось как в политическом, так и в культурном своем содержании. Еще важнее роль хазар в истории Северного Кавказа и Поволжья, тех территорий, которые составляли основное ядро Хазарского каганата, и тех соседних областей, которые развивались под знаком хазарского политического и культурного влияния.

Недостаточность и отрывочность письменных известий о хазарах, казалось, давно бы должны были вызвать потребность в иного рода источниках исторического исследования в этой области, а именно, в вещественных памятниках. Однако, специальных разысканий в этом направлении до последнего времени, можно сказать, вовсе не производилось, а имеющийся случайный археологический материал столь же фрагментарен, как и данные письменных источников, и количественно еще более беден. Достаточно указать, что из всех многочисленных хазарских городов, имена которых известны, определены местонахождение и остатки только одного — Саркела,[1] что с нижней Волги, где находился политический центр Хазарского царства, вовсе нет сведений о памятниках хазарской эпохи, что восточно-прикавказский край, откуда, по словам Константина Багрянородного, шли «все средства к жизни и все довольство хазар», в археологическом отношении почти совершенно неизвестен. Одно время хазарам приписывались памятники так называемой Салтовской культуры, распространенные в виде могильников и городищ в бывших Воронежской и Харьковской губерниях, т. е. вдали от центра Хазарии. Принадлежность этих памятников к хазарской эпохе несомненна, но какое отношение они имеют к хазарам и хазарской культуре — остается неопределенным.

Вещественные (археологические) памятники имеют весьма важное значение для истории Хазарского царства. Только посредством их можно учесть те отношения, какие существовали между оседлыми и кочевыми племенами юго-востока, а также те процессы, которые происходили внутри кочевых племен и явились основою возникно-

---

[1] М. И. Артамонов, Средневековые поселения на Нижнем Дону, Изв. ГАИМК вып. 131, Огиз, 1935.

вения государственной организации. К числу важнейших явлений эпохи возникновения Хазарского царства надо отнести развитие земледелия в степной полосе и оседание части кочевников. Зимовники кочевников окружаются пашнями, появляются земледельческие деревни. Рядом с данническими отношениями старых земледельческих племен образуется зависимое земледельческое население внутри кочевых обществ. К прежним формам эксплоатации присоединяются новые. Археологические исследования в одном из пограничных хазарских городков — Саркеле доставили важный материал для истории степей в хазарскую эпоху. Необходимо начатые здесь археологические исследования распространить на центры Хазарской державы — степи Северного Дагестана, Чечено-Ингушетии и на низовья Волги. Только в результате широких археологических исследований можно рассчитывать на удовлетворительное разрешение мало известной истории хазар и на полное выяснение роли хазар в историческом развитии Восточной Европы.

Автор предлагаемых вниманию читателей «Очерков древнейшей истории хазар» — археолог, отнюдь не считающий себя достаточно подготовленным для исследования лингвистических и литературных источников (тем более, написанных на восточных языках, которых он не знает). Занимаясь вопросами археологии хазарской эпохи и древней Хазарии, он вынужден был одновременно заняться разработкою и таких источников, которые до сих пор оставались недостаточно использованными и без учета которых невозможно обойтись и в специально-археологических трудах, если сознательно не отрывать археологию от истории, не превращать ее из исторической дисциплины, какой она стала в Советском Союзе, в пособие для коллекционеров.

Издаваемые очерки составляют часть задуманной автором работы. Они охватывают один из наименее изученных периодов в истории южной половины нашей страны, а именно, время от распадения гуннского племенного союза до образования Хазарского царства, являясь введением в историю последнего. Это период господства в степной полосе Восточной Европы гунно-болгарских племен, из среды которых вышли хазары, сделавшиеся центром уже не племенного, а государственного объединения.

Автор в данной работе опирается, главным образом, на письменные источники и занимается по преимуществу вопросами внешне-политической истории и исторической географии, имея целью посредством тщательного подбора данных различного происхождения и их сравнительного изучения разъяснить те противоречия и загадки, какие возникают при использовании скудных, отрывочных данных по исследуемому периоду. Установленные, таким образом, факты составят остов дальнейшего исторического построения, основанного на совокупности данных разнородных источников, в особенности археологических, и имеющего целью выяснение тех социально-экономических процессов, какие привели к возникновению хазарского государства, были основой его кратковременного расцвета и послужили причиной его гибели.

Автор надеется, что товарищеская критика будет способствовать не только исправлению публикуемых очерков, но и поможет ему избежать многих ошибок в дальнейшей работе.

Ленинград, 17 октября 1936 г.

I. В-Н-Н-Т-Р'Ы ПИСЬМА КАГАНА ИОСИФА

Среди немногочисленных источников хазарской истории письмо кагана Иосифа, написанное около середины X в. испанскому сановнику, еврею Хасдаю Ибн-Шафрута, занимает исключительное положение в качестве уникального памятника хазарского происхождения. Уже по одному этому оно возбуждает большой интерес и вызывает повышенные требования в отношении признаков подлинности и достоверности. Известное в еврейской литературе еще в конце XI[1] и в XII веке,[2] это письмо впервые было опубликовано в XVI в., а затем в 1660 г. переиздано Буксторфом и в этом «довольно небрежном» (по оценке Коковцева)[3] издании служило источником последующих переизданий и переводов, в том числе и на русский язык.[4] В 1874 г. А. Я. Гаркави разыскал в известном собрании караима Фирковича другую — более пространную редакцию письма хазарского кагана,[5] находившуюся в рукописи, относящейся по мнению этого ученого гебраиста ко времени около 1080 г.[6] В 1932 г. П. К. Коковцев заново издал проверенные тексты обеих редакций письма кагана Иосифа, снабдив их переводами и обширным комментарием.[7]

Сличение новой редакции хазарского письма со старой, по словам П. К. Коковцева, «показывает, что в основе обеих лежит безусловно один и тот же основной текст... Судя по выдержке, сохранившейся у Иехуды бен-Барзиллая, этот основной текст вообще лучше сохранился в пространной редакции, благодаря которой также удалось

---

[1] Иехуда бен-Барзиллай в «Книге о праздничных временах» приводит начальную часть этого письма; П. К. Коковцев, Еврейско-хазарская переписка в X в., Л., 1932, стр. VIII, 128 сл.

[2] Иехуда Галеви и Авраам Ибн-Да'уда, Коковцев, у. с., стр. VIII.

[3] Там же, стр. IX.

[4] Д. Гартенштейн, Два еврейских письма о хазарском царстве, Чтения в Об. Ист. и Др. Росс., 1847, № 6, стр. 1—11; А. Я. Гаркави, Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве, 1874, стр. 85—119; Его же, Сообщения о хазарах, А. Хазарские письма, Еврейская библиотека, VII, 1879, стр. 144—153.

[5] Русский перевод был издан А. Я. Гаркави в Еврейской библиотеке, 1879, VII, стр. 153—162.

[6] Ein Briefwechsel zwischen Cordova und Astrachan zur Zeit Swjatoslaw's (um 960), Russische Revue, VI, стр. 91.

[7] Еврейско-хазарская переписка в X в., Изд. Акад. наук СССР, Л., 1932.

исправить ряд ошибочных чтений краткой редакции». [1] Тем не менее, именно пространная редакция письма Иосифа считается подозрительной в отношении подлинности, по крайней мере, части своего содержания.

Особенно сомнительными в смысле подлинности представляются следующие сообщения пространной редакции, не содержащиеся в краткой и заставляющие подозревать достоверность и других добавлений пространной редакции, содержание которых само по себе могло бы считаться вполне вероятными: 1) сообщение о времени обращения хазар в иудейскую религию, по которому это важнейшее событие хазарской истории должно относиться к первой четверти VII в., и 2) упоминание в перечне крымских местностей Мангупа, существование имени которого в X в. считается совершенно невероятным. Отмечая, кроме того, чисто редакционные добавления пространной редакции в виде многочисленных эвлогий, П. К. Коковцев говорит, что «сам по себе факт наличности эвлогий в *безупречном* документе X в. не смог бы, пожалуй, возбудить серьезных сомнений в отношении их подлинности», [2] но в связи с упоминанием имени Мангупа и другими подозрительными местами он считает и их признаком позднейшей переработки хазарского письма и притом специально в караимской среде, одним из старых центров которой был Мангуп в Крыму. [3] Он датирует пространную редакцию письма Иосифа в том виде, в каком она дошла до нас, XII или XIII веками, оговаривая, что «вопрос о древности и первоначальности тех ее добавлений, относительно которых, за отсутствием всяких данных, в настоящее время нет никакой возможности высказаться с полной определенностью», остается открытым и предложенной датировкой не предрешается. [4] Следует отметить, что самую рукопись, в которой содержится пространная редакция письма Иосифа, П. К. Коковцев считает «довольно старого времени», но палеографического определения ее не дает. Его датировка основывается на одних только стилистических особенностях памятника, значительность которым, по его собственным словам, придает только небезупречность документа по содержанию.

Основным доказательством караимской переработки письма Иосифа является упоминание в пространной редакции названия Мангуп. Вопрос о древности этого наименования разбирался еще в связи с подделкою Фирковичем надписей на еврейских надгробиях из Чуфут-Кале. [5] Это название признается турецким или монгольским, и время его появления определяется не ранее татарской эпохи. [6] «В виду того, что турецко-татарские названия в Крыму, к числу ко-

[1] Еврейско-хазарская переписка в X в., изд. Акад. наук СССР, Л., 1932, стр. XV—XVI.
[2] У. с., стр. XX.
[3] Там же, стр. XXI.
[4] Там же, стр. XXIII.
[5] Д. А. Хвольсон, Сборник еврейских надписей, СПБ., 1884. Мангуп упоминается с годами 804, 843 и 968; А. Куник, Тохтамыш и Фиркович, СПБ., 1876.
[6] Tomaschek, Die Goten in Taurien, Wien, 1881, стр. 51.

торых, вероятно, принадлежит и Мангуп, появляются позднее и для X в. никак, по моему мнению, объяснены быть не могут, я полагаю — писал А. А. Васильев — что перечень 13 географических пунктов в рукописи Фирковича есть действительно позднейшая вставка. Уже одно название Мангуп должно заставить всех отнестись к тексту рукописи Фирковича в высшей степени осторожно».[1]

Из чего однако следует, что название Мангуп (Mankas, Mangatch) татарское, т. е. турко-монгольского происхождения? До сих пор оно, к сожалению, лингвистически не анализировано и ни из турецких, ни из каких-либо других языков не объяснено.

Несомненно, что город, носивший это имя, взят был татарами в 1238 г., но что он свое название получил только с этого времени, а не много раньше, до сих пор никак не доказано. А. Л. Бертье-Делагард обратил внимание на то, что столица Крымской Готии в западных источниках называемая Феодоро, в русских, польских, венгерских и молдавских в то же время известна только под именем Мангуп, что даже Стефан, воевода Молдавский, тесно связанный с владетелем Феодоро, все же знает столицу последнего только как Мангуп. Из этого он заключает, что название Мангуп употреблялось и в самой Крымской Готии, [2] и, добавим, весьма возможно с очень давней поры, как собственное имя города в отличие от наименования Феодоро, распространявшегося на всю страну. Если бы название Мангуп появилось только в XII-XIII вв., во время, к которому П. К. Коковцев относит рукопись письма в пространной редакции, странно было бы включение в список хазарских владений именно этого нового названия, а не более древнего — Феодоро, Дорос, Дори, которое означало, как доказывал еще Брун, [3] тот же город, что и Мангуп, и еще долго сохранялось, хотя бы в официальном употреблении.

На основании материалов, полученных в результате раскопок, Н. И. Репников утверждает, что древний Дорос не тождественен с Мангупом, а находился на месте Эски-Керменского городища, где обнаружены остатки древнего, большого, хорошо укрепленного и обстроенного поселения.[4] Вместе с тем, по его мнению, «вряд ли подлежит сомнению, что на плато Мангуп-Кале находится город не древнее XI—XII вв.», [5] так как все, что открыто раскопками на этом месте, относится ко времени не ранее этой даты. Будь это заключение неоспоримо, оно окончательно решало бы вопрос о наличии интерполяции в пространной редакции письма Иосифа. Ясно, что название города, который возник не ранее XI в., не могло появиться в памятнике, относящемся к X столетию. Однако приведен-

[1] А. А. Васильев, Готы в Крыму, Известия ГАИМК, V, стр. 251.
[2] А. Л. Бертье-Делагард, Каламита и Феодоро, Симферополь, 1918, стр. 34.
[3] Ph. Bruhn, Notices historiques et topographiques concernant les colonies italiennes en Gazarie, Mémoires de l'Acad. des Sciences, ser. VII, vol. X, 9, (1866) стр. 72—73.
[4] Н. И. Репников, Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928—29 гг., Готский сборник, Изв. ГАИМК, т. XII, в. 1—8, стр. 134 сл.
[5] Там же, стр. 135.

ное заключение Н. И. Репникова, несомненно, чересчур поспешно.

Еще в 1890 г. Ф. А. Брауном,[1] а затем в 1912-1914 гг. Р. Х. Лепером[2] в Мангупе были произведены раскопки, в результате которых была открыта большая базилика, по плану, по характеру кладки и по найденным в ней капителям колонн и обломку надписи имп. Юстиниана относящаяся к VI в.[3] Правда, Н. И. Репников датирует ее позже X в.,[4] но его аргументация совершенно не убедительна. Одной этой базилики VI в. достаточно для доказательства существования поселения в Мангупе ранее не только XI, но и X в. Хотя в поздних эпиграфических памятниках Крымской Готии, столицей которой был Мангуп, титул ее главы обозначался как «владетель города Феодоро»,[5] я не нахожу достаточно убедительных доказательств для признания последнего наименования вторым названием Мангупа. Как известно, греческое слово «полис», переводимое обычно как «город», означает еще и государство, и вышеприведенный титул, видимо, употреблялся вовсе не в том смысле, какой ему придают в настоящее время: он означал не владетеля города Феодоро, а главу государства, княжества Феодоро, главный город которого мог носить совершенно иное имя, а именно Мангуп. С этой точки зрения предположение Н. И. Репникова, что древний Дори (Дорос), видоизменением названия которого является позднейшее Феодоро, находился не в Мангуп-Кале, а на месте Эски-Керменского городища, представляется вполне приемлемым. К X в. этот город пришел в полный упадок и уступил первенствующее положение Мангупу, хотя страна и продолжала называться по его имени.

Если согласиться с приведенными доводами, упоминание имени Мангупа в пространной редакции письма хазарского кагана придется рассматривать отнюдь не в качестве доказательства интерполяций, а скорее как аргумент в пользу большей близости ее к первоначальному тексту, подвергавшемуся в дальнейшем не столько расширениям, сколько вполне естественным сокращениям, памятником которых является другая редакция этого письма.

Еще менее убедительна, в качестве доказательства неподлинности добавлений пространной редакции, ссылка на указанную в ней дату принятия хазарами иудейской религии. «Само собой разумеется, — говорит по этому поводу П. К. Коковцев, — что датировка, переносящая действие рассказа и участие в нем мусульманского кадия за 340 лет до времени написания письма, т. е. ко времени до 621 г.

---

[1] ОАК, 1890, стр. 15 сл.

[2] ОАК, 1913—1915 гг., стр. 72 сл.; Археолог. исследов. в Мангупе в 1912 г., ИАК, в. 47, стр. 73 сл.; Сообщение о раскопках на Мангупе в 1913 г., ИТУАК, в. 51, стр. 297 сл.

[3] А. Л. Якобсон, Мангупская базилика, доклад в ГАИМК 13/IV 1936 г.

[4] Н. И. Репников, у. с., стр. 141—142. Бертье-Делагард относил эту базилику ко времени не позже VII—VIII вв. (у. с., стр. 40).

[5] В этом отношении весьма показательна надпись Алексея, 1427 г., происходящая повидимому из Инкермана (Н. В. Малицкий, Заметки по эпиграфике Мангупа, Изв. ГАИМК, 71, стр. 26—27). В генуэзских грамотах готский князь именуется «владыка Феодори и Готии» (А. Васильев, Готы в Крыму, Изв. АИМК, I, стр. 50).

п. э., не могла находиться в документе X в.».[1] П. К. Коковцеву почему-то кажется странным замечание А. Я. Гаркави, что рассказ этот передает только легенду, от которой нельзя требовать хронологической точности.[2] Каган Булан, которому приписывается принятие иудейской религии, был, без сомнения, во времена Иосифа личностью уже легендарной. Автор письма, сообщая генеалогию хазарских каганов, восходящую к Булану, не знает имен его наследников и дает перечисление хазарских каганов, только начиная с «сыновей его сыновей», т. е. якобы с внуков Булана, из которых первым известным по имени каганом был Обадия, который и «утвердил веру надлежащим образом и по правилу»[3] и с которого начинаются каганы с еврейскими именами. Судя по числу каганов, которые правили между Обадией и автором письма Иосифом, первый действительно мог жить в первой половине VIII в., т. е. в то время, к которому относит принятие хазарами иудейской религии Иехуда Галеви[4] и которое считается наиболее вероятной датой этого события. Знания хазарского кагана Иосифа о прошлом своего народа, как мы увидим дальше, были не настолько отчетливы и не настолько далеко проникали в глубь времен, чтобы представление об обстоятельствах принятия новой религии в его изложении не могло украситься совершенно невероятными для нас подробностями и не получить легендарной формы, подобно известным рассказам о крещении Руси.

Наиболее сомнительные места пространной редакции письма кагана Иосифа при ближайшем рассмотрении их содержания оказываются таким образом вовсе не столь очевидными позднейшими вставками, как их представляют некоторые чрезмерно требовательные исследователи. Они не только не доказывают подложности всего документа в целом, но даже существенной порчи первоначального текста позднейшими вставками. Относительно еще одного добавления в пространной редакции, представляющего для нас в данном случае наибольший интерес, даже П. К. Коковцев высказывается без особой подозрительности в отношении достоверности и соответствия основному тексту. Речь идет об имени народа в-н-н-т-р, которое отсутствует в краткой редакции. «Против подлинности добавления, в котором говорится о народе в-н-н-т-р — пишет этот ученый — могло бы говорить то соображение, что в дословной выдержке из письма хазарского царя Иосифа, которую дает Иехуда бен-Барзиллай и которая, как уже было указано, вообще следует тексту пространной редакции, этого добавления не имеется».[5] Однако это обстоятельство, по мнению П. К. Коковцева, можно объяснить и не только более поздним появлением в списках хазарского документа имени в-н-н-т-р, но и случайным пропуском соответствующего ме-

[1] П. К. Коковцев, у. с., стр. XVII. Письмо Иосифа датируется временем около 960 г.
[2] А. Я. Гаркави, у. с., Еврейская библиотека, VII, стр. 164.
[3] П. К. Коковцев, у. с., стр. 80, 97.
[4] Там же, стр. 131—132.
[5] Там же, стр. XIX.

ста в источнике Иехуды бен-Барзиллая или в сохранившейся до нас копии выдержки из его труда, «легко объясняющимся наличностью здесь homoioteleuton в еврейском тексте».[1]

Имя народа в-н-н-т-р упоминается в письме кагана Иосифа в связи с рассказом о древнейшей истории хазар, который и следует положить в основу исследования в этом направлении, как с целью проверки его достоверности, так и в качестве единственного источника туземного происхождения, передающего нам те представления о прошлом хазар, какие в X в. существовали в наиболее осведомленных кругах самой Хазарии.

Каган Иосиф сообщает следующие сведения о начальной истории хазар: «У меня записано, что когда мои предки были еще малочисленны, всесвятой,—благословен он, — дал им силу, мощность и крепость. Они вели войну за войной со многими народами, которые были могущественнее и сильнее их. С помощью божией они прогнали их и заняли их страну, а некоторых из них заставили платить дань до настоящего дня. В стране, в которой я живу, жили прежде в-н-н-т-р'ы. Наши предки, хазары, воевали с ними. В-н-н-т-р'ы были более многочисленны — так многочисленны, как песок у моря, но не могли устоять перед хазарами. Они оставили свою страну и бежали, а те преследовали их, пока не настигли их, до реки по имени «Дуна». До настоящего дня они расположены на реке «Дуна» и поблизости от Кустандины, а хазары заняли их страну до настоящего дня».[2]

Первый вопрос, возникающий при рассмотрении вышеприведенного сообщения, касается народа в-н-н-т-р, победой над которым начинается записанная история хазар. Что это за народ, изгнанный из своей страны хазарами и живший во времена Иосифа за Дунаем поблизости от Константинополя? Признакам местоположения этого народа при Иосифе, т. е. в X в., более всего соответствуют дунайские болгары. Орда болгар под предводительством Аспаруха около 679 г. действительно явилась из-за Дуная во Фракию и, подчинив жившие здесь славянские племена, положила начало особому Болгарскому государству. Если эти болгары — тот самый народ, который в письме Иосифа назван в-н-н-т-р, они должны были ранее переселения за Дунай жить на Нижней Волге или в степях Северного Предкавказья, т. е. в той стране, которую в X в. занимали хазары.

О древнем местожительстве болгарских племен имеется известие в сочинении неизвестного византийского автора, написанном, повидимому, в эпоху переселения болгарской орды за Дунай и сохранившемся в выдержках, включенных в исторические труды двух других византийских писателей — Феофана и Никифора. Один из них, Никифор (ум. в 829 г.), занимал патриарший престол в 806—815 гг. и известен, как энергичный противник императора-иконоборца Льва V Армянина (813—820). Он написал так называемую

[1] П. К. Коковцев, у. с., стр. XX.
[2] Там же, стр. 92.

сокращенную историю, охватывающую время с 692 по 797 г. [1] Другой—Феофан (род. в 758 г., умер в 818 г.), названный исповедником, был также ревностным иконопочитателем. Его хроника излагает события с 284 по 813 г. [2] Оба были современниками и написали сочинения, тексты которых во многом буквально совпадают, но, по всей вероятности, писались независимо друг от друга. Авторы черпали из одного и того же более старого источника, в котором находился и интересующий нас рассказ о Древней Болгарии.

В хронике Феофана под 6171 г. говорится: «По ту сторону, на северных берегах Евксинского Понта, за озером, называемым Меотийским, со стороны океана через землю Сарматскую течет величайшая река Атель; к сей реке приближается река Танаис, идущая от ворот Иверийских в Кавказских горах; от сближения Танаиса и Ателя, которые выше Меотийского озера расходятся в разные стороны, выходит река Куфис и впадает в Понтийское море близ Мертвых врат, против мыса Бараньего лба. Из означенного озера море, подобно реке, соединяется с Евксинским Понтом при Боспоре Киммерийском, где ловят мурзулию и другую рыбу. На восточных берегах Меотийского озера за Фанагорией, кроме евреев, живут многие народы. За тем озером, выше реки Куфиса, в которой ловят болгарскую рыбу коист, находится древняя Великая Болгария и живут соплеменные болгарам котраги». [3]

Несмотря на крайнюю сбивчивость географических представлений автора приведенного описания, нетрудно понять, что древняя Болгария находилась на восточном побережьи Азовского моря, между Доном и Кубанью, так как она указана выше реки Куфис, т. е. Кубани (Гипанис Страбона). Там ее локализует большинство исследователей, например, Иречек, [4] Иловайский [5], Соколов. [6]

Рассматривая географические представления о странах северного Причерноморья, изложенные в приведенном отрывке из хроники Феофана, Ю. Кулаковский полагал, что автор описания «имел перед глазами картину, приближающуюся к живописным картам Косьмы Индикоплова и тем, что дошли до нас от средних веков. Очертания материков были искажены, и местности весьма отдаленные сближены. Эти недостатки карты, — заключает Ю. Кулаковский, — объясняют погрешности географического описания, сохраненного нам через посредство Феофана». [7] Едва ли однако географическая путаница автора описания может быть объяснена

---

[1] Nicephori archiepiscopi Konstantinopolitani, Opuscula historica. ed. C. de Boor, Lipsiae, 1880. Цитирую по изд. Corpus Byzantinae, ed. Bonnae, 1837.

[2] Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта, перев. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского, б. г.; Theophanis Chronographia, ed. Bonnae, 1839—1841; лучш. изд. de Boor'a, Leipzig, 1883—85.

[3] Летопись Феофана, перев. Оболенского, стр. 262.

[4] К. Иречек, История болгар, Одесса, 1878, стр. 157.

[5] Д. Иловайский, Разыскания о начале Руси, М., 1882, стр. 184.

[6] М. Соколов, Из древней истории болгар, СПБ., 1879, стр. 74.

[7] Ю. Кулаковский, Свидетельства о водворении болгар за Дунаем и имениях болгарских ханов, Экскурс II, История Византии, т. III, Киев, 1915, стр. 37 .

таким образом: ни на какой географической карте невозможно изобразить Дон (Танаис) вытекающим из Кавказских гор, а Кубань (Куфис) впадающей в Черное море близ Некропил (Мертвых врат), нынешнего Каркинитского залива, омывающего Крымский полуостров с северо-западной стороны. Истоки Дона в этом описании, видимо, спутаны с Кубанью, Куфис же, по всем признакам, означает реку, впадающую в Черное море к западу от Крыма, т. е. Днепр или Буг, который в древности так же, как и Кубань, назывался Гипанис [1] и смешивался иногда с Днепром (Страбон, Птоломей). [2]

Ф. Вестберг считает сообщение Феофана о Древней Болгарии нескладной компиляцией, причем, в качестве одного из признаков механического перенесения им данных своего более древнего источника, указывает выражение «до сего дня», употребленное в рассказе о дани хазарам, которую должен был платить один из вождей болгарских — Батбай. Будь последний действительно современником Феофана, ему бы следовало насчитывать совершенно невероятную цифру возраста—более полутораста лет. [3] Следует заметить, что приведенное выражение в хронике Феофана, определяющее приблизительную дату ее источника и механическое заимствование из него, отнюдь не решает вопроса о том, в котором из этих сочинений впервые появилась та географическая путаница, какая наблюдается в описании Древней Болгарии. В этой связи важно отметить, что, судя по другому месту в хронике Феофана — тому, где описывается бегство Юстиниана II из Хазарии в Дунайскую Болгарию, этому автору было известно истинное положение Некропил между Херсонесом и Дунаем. [4] Следовательно, он не мог спутать Куфис с Кубанью.

Река Куфис у Феофана напоминает Ф. Вестбергу реку с тем же названием у Константина Багрянородного, находящуюся в промежутке между Дунаем и Саркелом, возле Буга, [5] причем он считает возможным предположить, что это название, может быть, есть не что иное, как новое обозначение Днепра, (который является у Константина не только под именем Данаприс, но и Варух),[6] или же Буга [7]. Напомним, что Константин Багрянородный знает еще реку Куву, [8] которая может означать тот же Куфис и которая, будучи показана между Варухом-Днепром и Труллом-Днестром, должна быть отождествлена с современным Бугом, как было сказано, еще в древности носившим одинаковое имя с Кубанью, т. е. Гипанис.

Итак, если Куфис Феофана есть нынешний Буг или Днепр, то Древнюю Болгарию следует помещать не к востоку от Азовского моря, вблизи Кубани, а к западу от него. «Под Великою Болгарией, —

---

[1] География Страбона, перев. Мищенко, М., 1879, стр. 505 (кн. XI, гл. 2, § 9).
[2] С. М. Середонин, Историческая география, П., 1916, стр. 42, 58.
[3] Ф. Вестберг, Записка готского топарха, Виз. Врем., XV, 2—3, стр. 241.
[4] Летопись Феофана, стр. 274.
[5] De administrando imperio, гл. 42, О народах, пер. Г. Ласкина, стр. 150.
[6] Там же, гл. 38, стр. 144.
[7] Ф. Вестберг, у. с., стр. 242.
[8] О народах, гл. 38, стр. 144.

заключает Ф. Вестберг, — следует разуметь земли от Азовского моря до Днепра приблизительно». [1] Этот вывод логически вытекает из вышеприведенных данных. Однако в правильности его все же можно усомниться — и вот на каком основании: Феофан или его источник, без сомнения, могли спутать Гипанис-Кубань с Гипанисом-Бугом и приписать первому признаки второго и притом с тем большим основанием, чем определеннее были у них сведения о поселениях болгар к западу от Азовского моря в той стране, которая носила наименование земли котрагов, соплеменников болгар. С ней-то они и отождествили Древнюю или Великую Болгарию, а заодно, и болгарские земли к востоку от Азовского моря по-настоящему Куфису-Кубани. Указание Константина Багрянородного очень мало значит в решении этого вопроса, так как царственный автор был очень близко знаком с произведением Феофана и в своем сочинении заимствовал у него целые отрывки. Не исключена возможность, что Куфис оказался в перечне рек Северного Причерноморья у Константина только потому, что это название автор вычитал у Феофана. Об этом яснее всего свидетельствует то обстоятельство, что Константин не определяет сколько-нибудь точно место этой реки и, приводя рядом названия Куфиса, Буга и Днепра, тем самым показывает, что не отождествляет первое ни со вторым, ни с третьим. В другом его же перечне рек, видимо известных Константину из другого источника, где Варух означает Днепр, а Куву, несомненно, Буг, Куву представляет ошибочное написание названия не Куфис, а Кузу (Κουβοῦ — Κούζου), известного по имени страны Ателькузу, упомянутой у того же автора.

Название «болгары» впервые встречается у латинских, западных писателей: Комиса Марцелина и Иордана; у византийских оно появляется не ранее первой четверти VII в. (у Феофилакта Симокатты). [2] Зато котраги, соплеменники болгар, под именем кутургуров, кутригуров, котрагиров и т. п. вариантов того же самого наименования, были хорошо известны византийским писателям VI в.: Прокопию, Агафию и продолжателю последнего — Менандру. Делая географический обзор восточных берегов Черного моря, Прокопий в своем сочинении «О готской войне» сообщает, что выше сагидов или сагинов, возле готов-тетракситов и по соседству с аланами «обитают многие гуннские народы». Страна их простирается до Меотийского озера и Танаиса. Она называется Евлисией и населена по берегам и внутри варварами, которые «в древности именовались киммериями, а теперь называются утургурами». Область, которую во время Прокопия населяли готы-тетракситы, ранее, по

---

[1] Ф. Вестберг, у. с., стр. 242; ср. И. Забелин, История Русской жизни, ч. I, М., 1876, стр. 398—399.

[2] Roesler, Romänische Studien, Leipzig, 1871, стр. 234 сл.; Дринов, Заселение Балканского полуострова славянами, М., 1873, стр. 90; K. Müllenhoff, Deutsche Altertumskunde, Berlin, 1877, Bd. II, стр. 379 сл.; Шишмановъ, Критиченъ прѣгледъ на въпроса за происхода на прабългаритѣ отъ езиково гледище и етимологиитѣ на името «българинъ», Сборникъ за нар. умотв. науки и книжн., кн. XVI, XVII, София, 1900.

его словам, также была занята «большими толпами гуннов, называвшимися тогда киммерийцами и находившимися под властью одного государя. У одного из этих государей родилось два сына, из коих один назывался Утургур, а другой Кутургур. По смерти своего отца, сыновья разделили между собою власть и сообщили свои прозвания управляемым ими народам; и до сего времени, замечает Прокопий, одни называются утургурами, а другие кутургурами. Все они жили здесь вместе, имея одни и те же учреждения, но не вступая в сношения с другими людьми, обитавшими на другой стороне Меотийского болота и вытекающего из него рукава». [1]

Из приведенного текста Прокопия явствует, что кутургуры были одного происхождения с утургурами и вместе с ними жили на восточном берегу Азовского моря, т. е. там, где надо поместить Великую или Древнюю Болгарию Феофана, если Куфис этого автора признать за Кубань. Утургуры и после жили в этих местах; что же касается кутургуров, то они, по сведениям Прокопия, переселились к востоку от Дона и Азовского моря при следующих обстоятельствах. После того, как некоторые из готских народов, называвшихся некогда скифами и обитавших к западу от Керченского пролива и Азовского моря, удалились, а именно, вандалы в Африку, а визиготы в Испанию, несколько киммерийских юношей в погоне за ланью открыли брод через Меотиду. Пользуясь этим переходом, гунны (или киммерийцы) напали на готов, «одних перебили, других заставили выселиться и овладели территорией». После этого «кутургуры вызвали к себе детей и жен и основались там, где живут и в мое время» (т. е. во время Прокопия). «Они каждый год получают большие дары от императора и, переходя реку Истр (Дунай), делают набеги на римские владения, бывая в одно и то же время и врагами, и союзниками римлян. А утургуры со своим предводителем собрались в обратный путь домой, где они стали бы жить одни». Далее рассказывается, что на обратном пути у Меотиды они встретили готов-тетракситов и, не желая биться, вошли с ними в соглашение с тем, чтобы сделаться союзниками и поселиться вместе. Готы перешли с утургурами на восточный берег Меотиды и обосновались у нынешнего Керченского пролива. [2] Таким образом, согласно легенде, произошло разделение утургуров и кутургуров, после чего границей между землями тех и других стали Азовское море и река Дон. Продолжая свой географический обзор, Прокопий говорит, что нужно перейти Меотиду и реку Танаис, чтобы вступить во владения гуннов-кутургуров. В другом месте он сообщает, что при нападении на кутургуров утургуры прежде всего должны были переправиться через Дон. [3]

---

[1] Procopius, De Bello Gothico, IV, 4—5; В. Г. Васильевский, Русско-Визант. отрывки, VII, Житие Иоанна Готского, Труды, II, 2, СПБ., 1912, стр. 372 сл.; Д. Иловайский, у. с., стр. 173 сл.; Васильев, у. с., Изв. АИМК, I, 66, 67.

[2] Там же.

[3] Procopius, IV, 19; Васильевский, у. с., стр. 375.

В рассказе Прокопия заселение кутургурами областей к западу от Азовского моря относится ко времени после удаления вандалов в Африку, а визиготов в Испанию, т. е. к V в. У других писателей с аналогичной легендой о лани или корове, показавшей брод, связывается появление гуннов в IV в. Уже Созомен в первой половине V в. приводит эту легенду в форме, близко напоминающей позднейший рассказ Прокопия,[1] затем она имеется у Иордана[2] и у Агафия Миринейского,[3] живших так же, как и Прокопий, в VI в. Своим происхождением эта легенда восходит к греческому мифу об Ио, обращенной ревнивой Герой в корову.[4] Миф этот, связанный с Киммерийским Боспором (Керченским проливом), представляет, быть может, только греческое оформление старого туземного культо-тотемического образа. Соединяя сообщение о расселении утургуров и кутургуров с легендой о лани, которую другие писатели связывают с нападением гуннов в IV в., Прокопий или путает два разных события, или подразумевает под кутургурами и утургурами тех же гуннов, что и другие авторы, но ошибается в хронологии их нападения на готов. Иловайский ставил сообщение Прокопия о переселении кутургуров к западу от Азовского моря в связь с указанием Иордана на двойное нашествие гуннов. Он полагал, что «под первым нашествием надо разуметь движение настоящих гуннов», а второе и есть «та война кутургуров и утургуров с готами, которую мы встретили у Прокопия».[5] А. А. Васильев пытался разобраться в этом смешении Прокопия, так же разлагая его на два хронологических слоя: относя движение гуннов на запад к IV в., он выделял возвращение утургуров в восточное Приазовье через Крымский полуостров после смерти Аттилы в 453 г. и распадения его огромной державы. Это второе вторжение в Крым возвращающихся гуннов-утургуров и послужило, по его мнению, основой для рассказа Прокопия, припутавшего сюда же сведения, относящиеся к первому нападению гуннов на готов.[6] Как бы то ни было, признавая достоверность сведений Прокопия о размещении кутургуров и утургуров, мы не можем с той же степенью доверия относиться к его рассказу о времени и обстоятельствах появления этих племен на обозначенных им местах. Нельзя не отметить при этом заслуживающего внимания сопоставления Иловайским названия кутургуры или котраги с именем скуты-скифы,[7] связывающего происхождение этого болгарского племени с древним населением между Дунаем и Доном, в связи с чем и самый вопрос о переселении кутургуров из-за Дона может совершенно отпасть. Лично мне такое сопоставление представляется вполне закономерным, однако решительное заключение остается за специалистами-лингвистами.

[1] В. В. Латышев, Изв. др. пис. о Скифии и Кавказе, СПБ., 1890, т. I, стр. 763.
[2] Jordanis Romana et Getica, XXIV, 123—126.
[3] Agathiae Historiarum, V, 11, ed. Bonnae, стр. 299—300.
[4] А. А. Васильев, у. с., Изв. АИМК, I, 1921, стр. 33.
[5] Д. Иловайский, у. с., стр. 181.
[6] А. Васильев, у. с., стр. 44, сл.
[7] Д. Иловайский, у. с., стр. 171.

Некоторые подтверждения сведениям Прокопия о происхождении гунно-болгар можно было бы извлечь из вышеуказанного рассказа о Древней Болгарии, сохранившегося в произведениях Феофана и Никифора. Вслед за приведенным уже географическим описанием в нем говорится, что владетель Болгарии и котрагов Кубрат (или Кроват), скончавшись, оставил пятерых сыновей, которым завещал никогда не расходиться, ибо только таким образом они могли всегда владычествовать и остаться непобедимыми для других народов. Но сыновья не исполнили его завещания: спустя немного времени после его смерти у них начались раздоры между собой, и они разошлись в разные стороны—каждый с подвластным ему народом. Старший сын, по имени Батбай (Ватвиан), [1] соблюдая завещание отца, «поныне» остался в земле своих предков; второй брат его, по имени Котраг, перейдя Танаис, поселился напротив старшего брата; четвертый и пятый перешли за Истр или Дунай; один из них покорился аварскому кагану и остался с народом своим в Паннонии аварской, другой, явившись в Пентаполис при Равенне, покорился царям христианским. Третий по старшинству брат, перейдя Днепр и Днестр, остановился у р. Онгл, текущей севернее Дуная, и поселился между нею и вышеназванными реками, находя страну эту отовсюду безопасной и недоступной: впереди она болотиста, с других сторон защищена реками и тем самым для народа, ослабленного разделением, была безопасна от врагов. Когда они таким образом разделились на пять частей и в отдельности стали малочисленны, то хазары, великий народ, вышедший из Берсилии, самой дальней страны первой Сарматии, овладели всей запонтийской Болгарией до самого Понта и наложили дань на старшего брата Батбая, которую «он платит до сего дня». [2]

Этот рассказ, подтверждающий вывод о местоположении Великой Болгарии, сделанный на основании предшествующего ему географического описания, а равным образом указание Прокопия относительно первоначального местожительства кутургуров, или котрагов, и переселения их к западу от Дона и Азовского моря, представляет существенное значение для подкрепления и расширения тех сведений, какие сообщаются в письме хазарского кагана Иосифа. Однако достоверность этого рассказа также небезупречна. Уже Иловайский удивлялся, «каким образом такие писатели, как Шафарик, не обратили внимания на очевидные противоречия между подобными рассказами и несомненными историческими фактами и даже с самими собой». [3]

По изложенной выше легенде распадение гунно-болгар на пять частей и расселение их относится ко времени после смерти Кубрата. Но Кубрат был вполне историческим лицом и умер в царствование Константина II, официально Константина III (641—668). Разде-

[1] У Никифора — Баян.

[2] Летопись Феофана, стр. 262—263; Theophanis Chronographia, ed. Bonnae, стр. 545; Nicephori, ed. Bonnae, стр. 38.

[3] Д. Иловайский, у. с., стр. 185.

ление же болгар на разные группы и поселения их к западу от Дона и Азовского моря известны задолго до этого времени. [1] Еще в 482 г. болгары появляются на нижнем Дунае по приглашению императора Зенона, натравившего их против остготов. Теодорих, один из вождей остготов, разбил их и затем вторично нанес им поражение в 488 г. при переходе остготов в Италию. В 499 г. болгары вторглись во Фракию и разбили римского полководца Ариста. Следующее вторжение их в пределы Византийской империи относится к 502 г.[2] В 514 — 515 г. они принимали участие в восстании Виталиана. [3] В то время и другие варвары, в особенности склавины и анты, частыми набегами опустошали империю и Фракию, доходя до предместий самого Константинополя. Для защиты от них при Юстиниане был построен ряд укреплений по Дунаю, принимались меры к тому, чтобы уничтожать шайки варваров и отнимать у них награбленную добычу. Кроме того, византийские политики, применяя подкуп и задаривание варварских вождей, стремились возбуждать вражду среди своих опасных соседей и натравлять одно племя на другое. Они небезуспешно пытались обратить против гуннов племя антов. Особое внимание было обращено ими на утургуров, которые, вследствие своей отдаленности от границ империи, не представляли для нее непосредственной опасности, но зато находились в тылу ближайших соседей и врагов Византии и могли быть для них весьма серьезной угрозой.

Прокопий приписывает инициативу включения утургуров в сферу византийской политики готам-тетракситам. Послы их, явившиеся при Юстиниане I (в 548 г.) с просьбой дать им епископа, «в тайном свидании объяснили все выгоды, которые империя могла получить, возбуждая столкновения среди соседних варваров». [4] Надо думать, что выгоды такого образа действий византийцам нечего было объяснять, но вполне вероятно, что готы, находившиеся в союзе с утургурами, с одной стороны, и будучи христианами, с другой, сыграли немаловажную роль в установлении прочных связей между утургурами и Византией. О враждебных отношениях приазовских гуннов к Византии в предшествующее время можно судить по тому, что посольство патрикия Проба, отправленное к ним при императоре Юстине I (517—527) в 522 г. с целью набрать войско

[1] Первое известие о болгарах сохранилось в латинском переводе греческой хроники, кончающейся 257 г., где в таблице народов указаны в конце списка «Ziezi ex quo Volgares», Mommsen, Über den Chronographen vom Jahre 254, Lpz. 1850, стр. 591; Куник, О родстве болгар с чувашами, Изв. Ал-Бекри, ч. I, СПБ., 1878, стр. 148. Панегирист Евнодий (Латышев, Изв. др. пис. о Скифии и Кавказе, II, 434) и современник его Кассиодорий считали болгар в 488 г. за остатки гуннских полчищ (Zeuss, Die Deutschen und ihre Nachbarstämme, стр. 710). После разрушения Гуннской державы болгары были оттеснены гепидами, остготами и др. племенами на восток.

[2] Roesler, Romän. Stud., стр. 234; М. Соколов, Из древней истории болгар, СПБ., 1879, стр. 40—41; Иречек, История болгар, стр. 103—104.

[3] Летопись Феофана, стр. 125.

[4] О Готской войне, IV, 4; В. Н. Васильевский, у. с., стр. 373; А. Васильев, Изв. АИМК, II, стр. 66.

для войны с персами, окончилось неудачей.[1] Что под гуннами в этом сообщении подразумеваются именно приазовские утургуры, можно заключить из того, что миссия была направлена в Боспор, и из того, что находившиеся далее на восток племена аланов и савиров в то же время охотно вступали на службу Византии, впрочем так же, как и ее восточного врага — Персии. Возможно, что причиной вражды между утургурами и Византией был город Боспор, незадолго до прибытия Проба перешедший во власть Византии.[2]

Прокопий говорит, что в древности этот город был независимым,[3] но был ли он таковым перед подчинением Византии? Константин Багрянородный в главе, посвященной истории города Херсонеса, рассказывает ряд легендарных историй о борьбе, которую этот город вел с Боспором во время царствования Диоклетиана, Констанция-Хлора и Константина Великого, т. е. в конце III — начале IV вв. Глава Боспора назван у него савроматом, но не в качестве собственного, а только нарицательного имени. Эти савроматы владели не только жителями Боспора, но и сарматами, жившими вокруг Меотийского моря.

В первом из этих рассказов говорится о походе одного из савроматов в страну лазов и о нападении херсонесцев во время его отсутствия на Боспор с целью оказать помощь бессильному отразить вражеское нашествие начальнику римского войска трибуну Константу — Констанцию-Хлору, отцу Константина Великого.

Во втором рассказе сообщается о войне другого савромата, внука первого, затеянной им против Херсонеса для отмщения за предшествующее поражение. Война кончилась опять неудачно для Боспора, и результатом ее было установление границы между этими двумя государствами на месте Кафы (Феодосии), до которой действительно простирались владения Боспора, но неизвестно, чтобы когда-нибудь доходили пределы власти Херсонеса. Еще одна война, которую начал третий савромат, окончилась ограничением западных территорий Боспора линией Асандрова вала.[4]

В заключение приводится занимательная легенда о браке Асандра Боспорского с дочерью херсонесского правителя Гикией и о раскрытии ею попытки мужа хитростью овладеть Херсонесом.[5]

Все эти рассказы еще Моммсен оценил, как баснословные и непригодные для исторических заключений. К этой оценке присоединился и Латышев.[6] Думается все же, что некоторые элементы исторической действительности они отражают. Эти рассказы относятся к наиболее темному периоду в истории как Боспора, так и всего Северного Причерноморья, и уже по одному этому не могут быть отбро-

---

[1] Прокопия Кесарийского история войн римлян с персами, перев. С. Дестуниса, СПБ., 1862, I, гл. XII, стр. 57.

[2] Там же, стр. 57.

[3] Там же.

[4] О народах, перев. Г. Ласкина, М., 1899, гл. 53, стр. 193—206, прим. 828.

[5] Там же, стр. 200—206.

[6] В. В. Латышев, История Боспорского царства, Понтика, СПБ., 1909, стр. 122.

шены без внимания. На основании их, кажется, можно заключить, что в готскую эпоху Боспор являлся центром для организации борьбы с римскими провинциями в Крыму — специально с Херсонесом. Сопоставляя рассказ Константина Багрянородного с сообщениями Зосимы и нумизматическими данными, приходится думать, что, несмотря на распространение на Боспор власти варваров (готов), он продолжал сохранять известную автономию, хотя и вынужден был оказывать им свое содействие, по словам Зосимы, «скорее из страха, чем по расположению». «Вораны, — сообщает этот автор, — попытались даже переправиться в Азию и легко устроили это при посредстве жителей Боспора, скорее из страха, чем по расположению, давших им суда и показавших путь при переправе. Пока у них были цари, получавшие власть по праву наследования от отца к сыну, то вследствие дружбы с римлянами, правильно организованных торговых сношений и ежегодно посылаемых им императорами даров, они постоянно удерживали скифов, желавших переправиться в Азию. Когда же, по исчезновении царского рода, во главе правления стали недостойные и потерянные люди, то, боясь за себя, они предоставили скифам проход через Боспор в Азию, переправив их на собственных судах, которые они взяли обратно, и возвратились домой».[1] Здесь речь идет о морских походах готов на малоазийское побережье Черного моря, в окрестности Трапезунда, имевших место в пятидесятых годах III в., т. е. в начальную пору готских завоеваний в Северном Причерноморьи.

Вопреки указанию Зосимы, зависимость Боспора от готов не связывается с исчезновением здесь старой царской династии; она остается еще в течение долгого времени. Однако после Рескупорида II Боспорское царство, судя по монетам, несколько раз оказывается возглавляемым двумя царями, причем неясно, происходило ли это вследствие разделения его на две половины или потому, что вместе с боспорской династией Тибериев-Юлиев власть над ним принадлежала царям соседних варварских племен.[2] Второе предположение мне кажется более вероятным, так как во всех случаях династическое имя Тибериев-Юлиев носит только один из одновременно правивших царей. Если это так, то отношения между этими одновременными царями нужно представлять в виде подчинения автономного Боспора верховной власти царя соседних варваров. Возможно, что в таких отношениях подчинения, не исключающего известной самостоятельности, Боспор находился не только при готах, но и при новых завоевателях — гуннах и их наследниках в ближайшем соседстве с этим городом — утургурах.

Еще в начале VI в. (521 г.), когда Боспор подчинялся уже Византии, в нем существовала своя династия, как о том свидетельствует эпиграфическая находка 1888 г. с именем Тиберия-Юлия Диптуна, друга кесаря и друга римлян, благочестивого. Назван-

[1] В. В. Латышев, Известия древн. пис. о Скифии и Кавказе, СПБ., 1890, т. I, стр. 790.

[2] В. В. Латышев, История Боспорского царства, стр. 117 сл.

ные в этой надписи имена епарха Иегудия и комита Опадина указывают на византийских чиновников, представлявших верховную власть империи на Боспоре.[1]

К концу III в. на Боспоре начинает распространяться христианство. В 325 г. представитель боспорской епархии Кадм принимал участие в I-ом вселенском соборе.[2] Позднее епископ боспорский был, повидимому, одновременно и главою церкви готской. Известно, что во время своего патриаршества Иоанн Златоуст (398—404) назначил епископом готским некоего Унилу и после смерти последнего очень заботился, чтобы эта кафедра осталась под его влиянием. Так как сам Иоанн в это время (404 г.) был уже в ссылке, то в письмах своим друзьям он советовал всячески затягивать с назначением готам епископа (о чем просило посольство, прибывшее от правителя готов), рекомендуя в качестве повода для отсрочки ссылаться на невозможность плавания в Боспор в зимнее время.[3]

С переходом Боспора под власть Византии перед готами христианами должен был встать вопрос о новом устройстве своих церковных дел. Вышеупомянутое посольство готов-тетракситов в 548 г. имело целью получение себе епископа, независимого от Боспора. В. Г. Васильевский полагает, что речь шла о замещении Фанагорийской кафедры, существование которой обнаруживается еще в 519 г., когда епископ фанагорийский Иоанн подписался под определением Константинопольского собора.[4] Едва ли это так, ибо сомнительно, чтобы судьба Фанагории, исторически столь тесно сплетенная с Боспором, отличалась от судьбы последнего. Судя по указанию Прокопия о разорении варварами Боспора, Фанагории и Кепы, все эти пункты, как в его время, так и ранее, с момента присоединения Боспора к Византии находились в ее владениях. Поэтому фанагорийскую кафедру не приходится рассматривать в качестве специально готской.

По указанию анонимного перипла Черного моря, относящегося к V в., по Черноморскому побережью, в окрестностях современных Анапы и Геленджика, жили евдусиане, говорившие на готском и таврском языке.[5] По всей вероятности, это и есть те готы, которых другие источники называют тетракситами. Поводом для обращения готов-тетракситов в Константинополь за назначением им епископа, по словам Прокопия, было основание епархии лазов и абхазов и построение Юстинианом великолепного храма в городе Пицунде, или Никопсии, теперь называемого Батевинтским.[6] Эта новая Никопсийская епархия находилась по соседству с евдусиана-

[1] Insc. ant. orae septent. Ponti Euxini, II, 49; Кулаковский, Керченская христ. катакомба 491 г. МАР № 6, СПБ., 1891, стр. 26; А. Васильев, у. с., Изв. АИМК, I, стр. 180, прим. 4. Последний известный по монетам царь Боспора Рескупорид VI правил в первой половине IV в.

[2] А. Васильев, у. с., Изв. АИМК, т. I, стр. 11 сл.

[3] Там же, стр. 37 сл.

[4] В. Г. Васильевский, у. с., стр. 384.

[5] Там же, стр. 376 сл.; А. Васильев, у. с., стр. 69.

[6] Там же, стр. 384; Прокопий, De bello Gothico, IV, 3.

ми-тетракситами и могла вызвать у них мысль об аналогичном разрешении их собственных церковных дел.

Готы, явившиеся в Константинополь, кроме явной цели своей миссии, имели еще и тайное поручение наладить отношения с Византией своих союзников утургуров, готовых, видимо, примириться с переходом Боспора под власть империи и, вероятно, в первую очередь озабоченных упорядочением торговых связей с этим важнейшим для них рынком. Боспор с давних пор играл важную роль в торговле с варварами. Нет сомнения, что и в рассматриваемую эпоху он был местом, куда варварские племена, в том числе и утургуры, сбывали свои продукты: скот, зерно, кожи, сало, меха и т. п. в обмен за соль, вино, ткани и предметы роскоши. По сообщению Иордана, отсюда шли в Византию меха, которые он называет мышами. [1]

Подчинение Боспора Византии создавало новые условия для торговли варваров и давало в руки Византии возможность давления на такие варварские племена, которые раньше находились вне сферы ее воздействия. Немудрено, что утургуры стремились ценою союза с Византией обеспечить за собою некоторые привилегии и льготы на рынке, без которого обходиться уже не могли.

О политике Византии в Приазовьи после присоединения Боспора можно судить по истории с гуннским князем Гродом. Этот князь в царствование Юстиниана (527—565), прибыл в Константинополь и принял крещение, а вместе с тем и определенные обязательства по отношению к Византии. По словам Феофана, новообращенный, получив богатые подарки, вернулся в собственную страну с тем, чтобы охранять римские пределы и город Боспор. Вместе с тем Юстиниан отправил в Боспор трибуна как для охраны города, так и для собирания положенной дани с гуннов. Вскоре после этого на рынках Боспора явился новый вид товара, говорит В. Г. Васильевский, перелитые в слитки изображения идолов. [2] Действительно, Грод собрал идолов, которых гунны делали из серебра, и перелил их. Дальше история развивается так же, как и 1000 лет тому назад со скифским царем Скилом: гунны возмутились, убили Грода и поставили своим вождем брата его Муагерия.

Что причиной восстания гуннов против Грода была не только излишняя ревность неофита к новой религии, свидетельствуют последующие события. По словам Феофана, из опасения возмездия за убийство Грода со стороны Византии гунны напали на Боспор, убили византийского трибуна Далматия и воинов его отряда и захватили город. Из указаний Прокопия мы знаем, что Боспор некоторое время находился в руках варваров; должно быть, тогда же «соседними варварами» были взяты и разрушены Кепы и Фанагория. Для возвращения боспорских городов, Юстиниану пришлось снарядить большую военную экспедицию, во главе которой

[1] Joannis Malalae, Chronographia, ed. Bonnae, 1831, 432; Jordanes, Romana et Getica, rec. Mommsen (Mon. Germ. hist.), 5, 38.
[2] В. Г. Васильевский, у. с., стр. 383.

был поставлен консул Иоанн, которому, кроме того, было придано значительное вспомогательное войско из скифов с вождями Годиллой из Одиссополя и Вадурием во главе, т. е. набранное в западном Причерноморьи. Боспор был возвращен и укреплен заново построенными стенами.[1]

Во главе каких гуннов стоял Грод, остается неизвестным. «Страну между Херсонесом и Боспором держат в своих руках варвары, преимущественно гунны», замечает Прокопий в связи с рассказом о разрушении варварами Боспора и о восстановлении его стен Юстинианом.[2] Таким образом, Грод с одинаковым основанием может считаться вождем или крымских или кубанских гуннов. Маркварт относит его к утургурам.[3] Я склоняюсь к тому же мнению, так как в рассказе о возвращении Боспора из рук варваров говорится, что последние, узнав о приближении византийского войска, бежали и таким образом отдали город без сопротивления. Такой исход экспедиции едва ли был бы возможен, если бы варвары, захватившие Боспор, жили в Крыму, так как византийское войско, набранное среди скифов, надо думать, двигалось не морем, а через крымские степи и не могло не столкнуться с гуннами и не встретить никакого сопротивления при вторжении во вражескую страну. Наоборот, если предположить, что Боспор захватили кубанские гунны—утургуры, исчезновение их при приближении сильного византийского войска станет вполне понятным. Перенесение войны в их собственную страну представляло весьма трудную и опасную затею, на которую византийские военачальники, конечно, не пошли, удовольствовавшись возвращением разрушенных врагами боспорских городов. При этом допущении более понятен также и попутный захват варварами Фанагории и Кепы, которые для крымских гуннов, без сомнения, были менее доступны, чем для кубанских.

Еще Д. Иловайский заметил, что крещение Грода означало не что иное, как превращение его в вассала Византийской империи.[4] Христианизация варваров была одной из форм связи их с империей и являлась актом в большей мере политическим, чем религиозным. Подкупая вождей, наделяя их богатыми подарками и пышными титулами, рассылая своих епископов и священников, империя расширяла сферу своего непосредственного политического влияния и власти. Таким образом, если Грод был действительно утургурским вождем, крещение его означает, что еще в первой половине цар-

---

[1] Летопись Феофана, стр. 137; Joannis Malalae Chronographia, стр. 431—433; Procopius, De bello Gothico, IV, De aedificiis, III и IV. Памятником византийского владычества на восточной стороне Керченского пролива является надпись, найденная в Тамани, свидетельствующая о сооружении здесь какого-то здания при участии имперского комита и трибуна, В. Латышев, Христианские надписи Юга России, 98.

[2] Goth, IV, 480, B.; История войн римлян с персами, перев. С. Дестуниса, изд. Дух. Вед., СПБ., 1862, 1, 12, стр. 57. По Иордану в Крыму жили Альзагиры.

[3] J. Marquart, Die altbulgarischen Ausdrücke in der Inschrift von Čatalar und der altbulgarischen Fürstenliste; Известия русск. арх. ин-та в Констант., т. XV, стр. 21.

[4] Д. Иловайский, у. с., стр. 233—234.

ствования Юстиниана, т. е. до прибытия посольства от готов-тетракситов с предложением союза с утургурами, Византии удалось добиться очень существенных успехов в деле вовлечения последних в орбиту византийского влияния. Грод не только признал власть Византии над Боспором, но и обязался охранять его от других варваров. Правда, планы Византии временно потерпели неудачу. Утургуры не хотели примириться с потерей Боспора и не желали быть послушным орудием Византийской империи. Произошло возмущение, Грод был убит, и утургуры захватили Боспор.

Д. Иловайский спрашивает, не помогало ли им в этом деле население самого Боспора, успевшее поближе познакомиться с образом действия Византии в своих владениях и не было ли здесь антивизантийской партии?[1] Для положительного или отрицательного ответа на этот вопрос данных недостаточно. Ясно, что Византия цепко ухватилась за Боспор, как важнейший политический и торговый пункт, и варвары скоро убедились, что они не в состоянии удержать его за собой. Они ушли — и Византия прочно укрепилась на Боспоре.

Тот же Д. Иловайский, отчасти отвечая на свой же приведенный выше вопрос, говорит: «Повидимому, боспориты или пантикапейцы, признавшие над собою верховную власть императора Юстина I, чтобы иметь защиту от варваров, до этого времени еще сохраняли тень своего самоуправления; а теперь они должны были подчиниться византийским начальникам».[2] Действительно, никаких следов существования после этого боспорской туземной династии уже не встречается. Боспор превратился в рядовую провинцию Византии.[3]

В 540 г. послы отложившихся от Византии армян, убеждая Хозроя начать войну с Юстинианом, перечисляли факты захватнической политики Византийской империи и между прочим говорили: «Не послал ли он к боспоритам, подвластным гуннам, своих военачальников и не покорил ли себе этот город без всякого на то права?»[4] По мнению современников, Боспор был законным владением гуннов, которое отнято было у них посредством насилия. Вместе с тем устанавливается и дата этого события: между 527 и 540 г., из коих «post quem» означает начало царствования Юстиниана.

Возвращаясь к посольству готов-тетракситов, мы видим, что оно происходило в то время, когда Боспор находился в безусловной власти Византии и, следовательно, те побуждения, которыми оно, по нашему мнению, было вызвано, имели полную силу.

---

[1] Там же, стр. 325, примеч.

[2] Там же, стр. 235.

[3] При преемнике Юстиниана Юстине II представитель власти императора на Боспоре носит титул дукса, а не комита, как было до захвата города гуннами. Этот новый, более высокий ранг византийского чиновника свидетельствует о более прочной связи города с империей (ИАК, в. 18, стр. 121—123).

[4] Война с персами, II, 3, стр. 162.

События 551 и 559 гг. показывают, что утургуры к этому времени находились в полном подчинении у византийской политики. В 551 году 12 000 кутургуров во главе с вождем своим Хиниалом, с помощью своих паннонских союзников гепидов, переправились через Дунай и вторглись в пределы Византийской империи, производя опустошения и грабежи. Юстиниан обратился с письмом к вождю утургуров Сандилху, в котором, ссылаясь на давние отношения и милости, которыми пользовались у него утургуры, упрекал его в том, что он не противодействует разорению своих союзников, т. е. Византии. Он ловко разжигал жадность варваров, указывая, что кутургуры, получая ежегодно от Византии большие дары и постоянно грабя византийские области, вовсе не думают делиться своей добычей с утургурами, так что последним нет решительно никакой выгоды поддерживать их. Само собой разумеется, что эти доводы сопровождались более внушительными аргументами в виде даров и обещаний еще больших.

Сандилх собрал большое войско, в состав которого вошли 2000 союзных с утургурами готов-тетракситов, перешел с ним через Дон и напал на становища кутургуров. Хотя последние и поспешили собраться, чтобы оказать сопротивление, утургуры были сильнее, так как главные силы противника находились в походе против Византии. Кутургуры были разбиты, и Сандилх захватил большую добычу. Он угнал главное богатство своих противников— табуны лошадей и взял в плен их жен и детей. Тысячи византийских пленников, находившихся в рабстве у кутургуров, воспользовались этим разгромом и бежали на родину.

Византийцы сами поспешили известить Хиниала о разгроме, произведенном в его стране утургурами. Получив вместе с тем некоторую сумму денег от Византии, Хиниал заключил с ней мир и поспешил возвратиться в отечество.

По мирному договору кутургуры выговорили себе право, в случае невозможности вернуть родную землю, поселиться в пределах Византийских владений во Фракии с обязательством защищать границу от вторжений других варваров. В силу этого условия, часть кутургуров, особенно сильно пострадавшая от набега соплеменников утургуров, явилась в Византию и получила земли во Фракии. В числе предводителей этих переселенцев был Синнион, известный в Византии в качестве начальника наемных гуннских отрядов, сражавшихся под командованием Велизария против вандалов в Африке.

Слухи о предоставлении кутургурам земли во Фракии привели Сандилха в сильное негодование, о чем он и довел до сведения императора. В интересах Византии, говорили послы Сандилха, утургуры выгнали своих сородичей, а Византия предоставила им убежище, в котором они пользуются гораздо большими удобствами, чем на прежнем месте жительства: они имеют в изобилии вино, дорогие ткани, золото и сверх того возможность наслаждаться римскими банями, тогда как утургуры, несмотря на все свои труды и

заслуги перед Византией, продолжают обитать в бесплодной пустыне.[1] Само собой разумеется, что эти жалобы нетрудно было удовлетворить увеличением количества даров, причитающихся вождям утургуров за помощь, оказанную империи.

В 559 г. при аналогичных обстоятельствах утургуры опять выступают на стороне Византии против кутургуров. Полчища кутургуров, вместе с которыми Феофан и Кердин называют славян, перейдя по льду Дунай, вторглись в пределы Византии и разделились на три отряда. Причиной нападения византийские писатели выставляют зависть к утургурам, получавшим от империи ежегодные подарки, тогда как кутургуры ничего подобного не имели. Желая внушить к себе страх и не оставаться в пренебрежении, кутургуры и напали на византийские владения. Семитысячный отряд варварской конницы под начальством вождя кутургуров Завергана, беспрепятственно прошел через длинную стену Анастасия, сооруженную в 512 г. для защиты подступов к Константинополю, и лишь в 17 милях от столицы встретил серьезное сопротивление.

Еще Г. Финлей разъяснил причину слабости империи перед варварами в конце царствования Юстиниана. Византийская армия, совершившая перед тем громадные завоевания, была сильно сокращена. Константинопольский гарнизон состоял из плохо оплачиваемых линейных полков и небоеспособной привилегированной императорской гвардии — схолариев. Кроме того, в распоряжении империи не было кавалерии, столь важной для борьбы с конными варварами. Отражение кутургуров от Константинополя было поручено прославленному, но в то время уже престарелому полководцу Велизарию, который и вышел против них с большой, но крайне разношерстной, мало дисциплинированной и плохо обученной армией. Феофан сообщает, что для создания кавалерийского отряда Велизарий забрал коней из дворца, с ипподрома, из богоугодных домов и у всех, у кого они имелись. Благодаря большой воинской опытности и благоразумной осторожности, Велизарию удалось нанести варварам небольшое поражение, достаточное, чтобы они не рисковали больше подступать к городу.

Но и византийское войско не решалось идти дальше длинной стены, для возобновления которой вышел сам царь и с ним все население столицы. Узнав, что Византия готовит флот, чтобы отрезать им отступление через Дунай, варвары предложили покинуть страну, если им будет обеспечено беспрепятственное возвращение вместе с награбленной добычей. Презрение варваров к силе Византии было при этом настолько велико, что они потребовали сверх того выдачи значительной суммы денег и выкупа захваченных ими пленников, угрожая, в случае отказа, избиением последних.

Действия двух других отрядов варваров были менее удачны. Отряд, направленный в Грецию, был задержан в Фермопилах и

---

[1] Procop., Goth, 4, 19, 21; Иловайский, у. с., стр. 177—178; Ю. Кулаковский, История Византии, II, стр. 224.

вернулся, не будучи в силах прорваться; другой — неудачно осаждал фракийский Херсонес.

Хотя Юстиниан и прислал своего племянника и куропалата, чтобы обеспечить варварам беспрепятственное возвращение из пределов империи, это не значит, что Византия примирилась с унижением и не искала средств наказать дерзкого врага. Юстиниан вновь обратился к утургурам с упреками в бездействии и с угрозами прекратить выдачу обычных даров, так как деньги, предназначавшиеся союзникам, приходится платить в качестве откупа врагам. Он предупреждал, что, вместо утургуров, заключит союз с кутургурами, как более смелыми и сильными. Подействовали ли угрозы Юстиниана или утургуров соблазнила богатая добыча, нагруженные которой возращались кутургуры после удачного похода, — Сандилх, вождь утургуров, собрал войско, вторгся в страну кутургуров и, подстерегши возвращающихся из-за Дуная соплеменников, разбил их и отнял всю добычу. [1]

Несколько иную версию сообщает Менандр. По его словам, когда войско кутургуров удалилось из пределов Византии, Юстиниан, опасаясь новых нападений с их стороны, не давал покоя вождю утургуров Сандилху, подстрекая его всеми способами воевать против Завергана. Он обещал передать ему то жалованье, которое Византия выплачивала ежегодно кутургурам, если только Сандилх их одолеет. Сандилх ответил, что хотя он и желает находиться в дружеских отношениях с Византией, однако считает неприличным и беззаконным вконец истреблять своих соплеменников, не только говорящих одним языком с утургурами, но и ведущих одинаковый образ жизни, носящих одинаковую одежду и родственных с ними, хотя и подвластных другим вождям. Чтобы успокоить Юстиниана, он обещал все же отобрать у кутургуров коней, чтобы им не на чем было ездить и невозможно было вредить империи. [2]

Ловкая политика Юстиниана, по сообщению Агафия, вызвала ожесточенную войну между двумя родственными болгарскими племенами, которая довела их почти до полного взаимного истребления. Оставшаяся часть их, по сообщению этого писателя, рассеялась среди других племен и приняла их имена. Сведения Агафия не совсем точны, так как оба племенных названия—утургуры и кутургуры — упоминаются еще в связи с аварами.

Первое упоминание об аварах находится у Приска Панийского. Рассказав об опустошениях Италии вандалами Гезериха, он прибавляет: «около сего времени к восточным римлянам отправлены были посольства от сарагуров, урогов и оногуров, народов, оставивших свою страну, потому что с ними вступили в бой савиры, изгнанные аварами. Последние также были изгнаны народами, жившими

---

[1] Агафий, у. с., II, ed. Bonnae, стр. 209 сл.; Летопись Феофана, стр. 179; Г. Финлей, Греция под римским владычеством, М., 1877, стр. 229 сл.; Д. Иловайский, у. с., стр. 178 сл.

[2] Византийские историки, изд. Дух. Вед., СПБ., 1860, стр. 320, (отр. 3).

на берегах океана». [1] Эти события относятся ко времени около 461—465 гг., после чего об аварах не слышно вплоть до 558 г., когда посольство их явилось в Константинополь, удивляя привычное к иностранцам население столицы своим странным видом. «Авары носили длинные волосы, откинутые назад, связанные бечевками и заплетенные в косу—говорит Феофан о наиболее примечательной особенности впервые появившихся варваров—в остальном наружностью своею они походили на прочих гуннов». [2]

Вопрос о происхождении авар до сих пор не может считаться разрешенным. Шаванн усматривал в них кермихионов, [3] под именем которых у Феофана впервые появляются турки, а ранее, по Маркварту, обозначались жуань-жуани, разгромленные турками в пятидесятых годах VI в. Наиболее распространенное отождествление аваров с жуань-жуанями было предложено еще Дешнем и Клапротом. [4] Томсен считал, что авары тот самый народ, переселившийся из Центральной Азии на запад, который в древнетурецких текстах упоминается под именем apar-aparum. [5] Говорс причислял их к монголам, [6] а Аристов считал их частью тургешей или близким к ним родом на том основании, что в официальной географии манджурской династии говорится, что в VII в. китайское правительство именовало земли тургешей областью у-а-ла. На алтайское происхождение авар, по его мнению, указывает приток Урусула Уар или Угар. [7] По Потанину один из омонголившихся турецких аймаков в Западной Монголии именуется до сих пор уар-гуни. [8] В Гань-му под 521 г. говорится, что родиной жуань- жуаней была великая песчаная степь Да-цзи (Гоби). [9] Основателем жуань-жуаньского княжества китайская летопись считает некоего Мугуеюя. К 390 г. это княжество было еще совершенно незначительным и состояло, по словам летописца, из всякого сброда, общим обозначением которого и стало название жуань-жуань, которое не было племенным именем. В дальнейшем, в результате удачных войн, оно значительно расширилось.

В китайских летописях сохранилось предание о 500 семействах турецкого рода Ашина, попавших в 424 — 451 гг. под власть жуань-жуаней и у южного Алтая добывавших для своих повелителей

---

[1] Сказания Приска Панийского, перев. Г. С. Дестуниса, Уч. Записки, II отд., ИАН, кн. УII, в. I (1861) стр. 87.

[2] Летопись Феофана, стр. 178.

[3] Ed. Chavannes, Les pays d'Occident d'apres le Wei-Lio, Toung Pao, ser., II, v. VI, 1905.

[4] Deguignes, Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux, I, Paris, 1756—58; Klaproth, Tableaux historiques de l'Asie, Paris, 1826, 116.

[5] Thomsen, Inscriptions de l'Orkhon, Mém. de la Soc. Finno-Ougrienne, 1896, V.

[6] Howorth, TheAvars, Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Irland, XXI, 3, 1889.

[7] Аристов, Заметка об этническом составе тюркских племен и народностей, Жив. стар., 1896, III—IV, 310.

[8] Потанин, Очерки С.-З. Монголии, II, стр. 23.

[9] Иакинф Бичурин, Зап. о Монголии, III, Стр. 101.

железо. Это, по китайским данным, была, с одной стороны, прямая отрасль древних гун-ну, а с другой, — предки орхонских турок.

В 552 г. глава этого народа уже объявил себя верховным каганом и владел всей Монголией и целым рядом завоеванных областей к западу от нее, составивших вместе большую и могущественную Турецкую державу. [1] Царство жуань-жуаней было при этом уничтожено. Осколком разгромленных жуань-жуаней считаются авары.

Феофилакт Симокатта, писавший в первой половине VII в., утверждает, что явившиеся в Европу авары были не настоящими аварами. По его словам, эти псевдо-авары принадлежали к племени огор, которое жило возле реки Тиль (Волги). Часть этого племени по именам своих древних князей называлась вар и хуни. Спасаясь от турок, вар-хуни приблизились к сарсельт, уногурам и савирам, которые приняли их за авар и поднесли дары. Когда вар и хуни заметили эту полезную для них ошибку, они сами начали выдавать себя за авар, ибо, объясняет Феофилакт, из всех скифских народов авары отличаются наибольшей даровитостью. [2] Еще раньше вархонитами называет авар Менандр. Наименование вархониты или вар-хуни могло составиться по распространенному у византийских писателей обыкновению соединять собственное имя племени с общим наименованием варваров-кочевников — гунны; таким образом собственным именем авар могло быть «вар». Родство их с огорами, на котором настаивает Феофилакт, также не возбуждает сомнений, если принять во внимание, что во время междоусобий и развала в Турецкой державе в царствование имп. Маврикия (582—602), часть огоров в числе 10 000 человек также удалились и присоединились к аварам, находившимся тогда уже в Паннонии. [3]

Этих огоров, или угуров, как их называет Менандр, видел вблизи Волги византийский посол Земарх в 568 г., т. е. еще до окончательного разгрома, но уже подвластных туркам. [4] Количество огоров, бежавших со своей родины при первом столкновении с турками (около 558 г.) и сделавшихся известными под именем авар, турецкие послы в Константинополе в 568 г. определяли всего только в 20 000, добавляя, что остальные авары, т. е. огоры, остались и преданы туркам. [5]

Непонятно, в каком отношении друг к другу находятся авары, упомянутые Приском, и вархониты или псевдо-авары других византийских авторов. Нападение первых на савиров относится к шестидесятым годам V в., т. е. ко времени, задолго предшествующему не только продвижению турок на Волгу, но и разгрому ими жуаньжуаней (552 г.). С этим разгромом могло быть связано только появле-

[1] Иакинф Бичурин, Собр. сведений о народах, обитавших в Средней Азии, СПБ., 1851, стр. 267.

[2] Theophilacti Simocattae Historiarum, ed. Bonnae, кн. VII, стр. 284; Д. Иловайский, у. с., стр. 244.

[3] Феофилакт Симокатта, VII, 8, стр. 286; Д. Иловайский, там же, стр. 244—245, примеч.

[4] Византийские историки, стр. 382.

[5] Там же, стр. 374.

ние псевдо-авар около 558 г., но и то лишь в том смысле, что после окончательной победы над своими предшественниками по политической роли в Азии турки распространили свою власть на огорские племена, расположенные к востоку от Волги. Часть из них бежала на запад от этой реки и была принята савирами за тех самых авар, с которыми им пришлось иметь дело почти 100 лет тому назад. Если авары были действительно одним из племенных имен жуань-жуаней, то можно предположить, что первое появление авар на границах Европы было связано с завоеваниями жуань-жуаней, оставившими о себе такую память у пограничных племен, что ничтожная орда бежавших от турок огоров, носившая сходное название «вар», не встретила никакого сопротивления именно потому, что была принята за своих страшных предшественников.[1]

Положение псевдо-авар в прикавказских степях было, видимо, непрочно. Они не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы справиться с туземными племенами, и вместе с тем боялись мести слишком близко отсюда находящихся турок, которые временно оставили их в покое только потому, что были заняты войной с ефталитами.[2] Через аланского вождя Сарозия псевдо-авары завязали сношения с начальником византийского войска в кавказской Лазике и, получив разрешение императора, отправили свое первое посольство в Константинополь.

Менандр сохранил нам имя аварского посла — Кандих — и содержание той речи, с которой он обратился к императору. Аварский посол хвастливо говорил: «К тебе приходит самый великий и сильный из народов; племя аварское неодолимо; оно способно легко отразить и истребить противников. И потому полезно будет тебе принять аваров в союзники и приобрести себе в них отличных защитников; но они только в таком случае будут в дружеских связях с римскою державою, если будут получать от тебя драгоценные подарки и деньги ежегодно и будут поселены тобой на плодоносной земле».[3] Авары достаточно хорошо были осведомлены о той системе подкупов и задариваний, какую применяла Византия к варварам как для того, чтобы отвести их жадность от своих границ, так и для натравливания их друг на друга. Очутившись вблизи византийских границ, авары хотели немедленно урвать свою долю вынужденных милостей империи. Кроме того, они нуждались в земле для поселения и рассчитывали получить ее в пределах империи, подобно многим другим племенам, поселившимся на территории, которая считалась владением Византии.

В Византии аварское посольство было принято благосклонно. Для вручения им даров был отправлен мечник Валентин, в дальнейшем дважды совершавший посольства к туркам. Ему было предписано заключить союз с аварами и заставить их действовать против

[1] Zeuss (Die Deutschen und ihre Narbarstämme, 729) также сомневается в тождестве авар Приска с вархонитами позднейших известий.

[2] Византийские историки, стр. 328 (Менандр, отр. 10).

[3] Там же, стр. 322 (отр. 4).

врагов Византии. В Византии при этом рассуждали так: «победят ли авары или будут побеждены, и в том и в другом случае выгода будет на стороне римлян». [1] По совету племянника Юстиниана Юстина, того самого военачальника в Лазике, через которого произошло первое знакомство Византии с аварами, человека, видимо, хорошо осведомленного в делах варваров, для поселения новых союзников были предназначены земли, занятые гепидами в так называемой второй Паннонии, находившейся в нынешней Юго-Славии, с правой стороны Дуная, между рр. Савой и Дравой. Однако авары не спешили переселяться — и Юстин доносил, что они замышляют под видом переселения в качестве союзников перейти Дунай и со всеми силами напасть на Византию. Поэтому в Византии также оттягивали окончание дела о предоставлении земли новым союзникам и задерживали аварское посольство, явившееся в 562 г. с целью добиться предварительного осмотра отводимой для поселения авар территории. [2] Все это, само собой разумеется, не могло не привести к взаимным неудовольствиям.

Окончательное место для поселения досталось аварам только в 568 г., т. е. 10 лет спустя после появления их на исторической арене, благодаря следующим обстоятельствам. [3] После удаления готов в Италию, Византия уступила Паннонию лангобардам. Однако на эту землю заявили притязания гепиды, и лангобардам пришлось отбивать ее у своих соперников. В 567 г. лангобарды призвали на помощь авар и совместно с ними почти совершенно уничтожили своих врагов. По условию договора с аварами лангобарды обязались предоставить им десятую часть своего скота, половину добычи и занимаемое гепидами Потисье [4] и, таким образом, после победы над гепидами оказались в соседстве с аварами. Повидимому это соседство было настолько беспокойно и опасно, что всего через год лангобарды перебираются в Италию, оставив авар полными хозяевами Паннонии.

О десяти годах, проведенных аварами в степях юга нашей страны, известно очень мало. Обычно их представляют в виде ряда побед над туземными племенами, обеспечившими аварам господство от Кавказа до Дуная. Уже Цейс [5] и Дринов [6] показали, что это мнение весьма грешит против действительности, что даже ближайшие к паннонским аварам племена находили в себе силы, достаточные для отпора их притязаниям. После рассказа об установлении связи между Византией и аварами, появившимися к северу от Кавказа, и о решении императора использовать их с целью возбуждения вражды между варварами, Менандр добавляет, что авары действи-

[1] Византийские историки, стр. 323 (отр. 5).
[2] Там же, стр. 326—327 (отр. 9).
[3] Rössler, Zeitpunct d. slaw. Ansiedelung am unt. Donau, S. B. W. A. h. ph. cl. LXXIII, стр. 86; К. Я. Грот, Моравия и мадьяры, СПБ., 1881, стр. 38.
[4] Византийские историки, 385—387 (Менандр, отр. 24, 25).
[5] Zeuss, Die Deutschen, 735.
[6] Дринов, Заселение Балканского полуострова славянами, М., 1873, стр. 103—106.

тельно завели войну с утигурами (утургурами), потом с залами и сокрушили силы савир.[1] Судя по этому сообщению, более других пострадали от авар савиры.

Впервые савиры в форме савары упоминаются еще Птоломеем (II в. н. э.).[2] Они указаны им ниже аорсов, рядом с борусками до Рипейских гор. Аорсов знает уже Страбон.[3] По его словам, они, занимая пространство между Меотидой и Каспийским морем, спускаются к югу до Кавказских гор. Далее он более определенно говорит, что аорсы живут по Танаису, но эти аорсы составляют только часть племени, господствовавшего над Каспийским побережьем. Исходя из этих данных и указания Птоломея, помещающего саваров ниже аорсов, савиров-саваров надо искать ближе к Каспийскому морю, где-то в районе р. Кумы. Там их локализует и Армянская география, обозначающая их местоположение к востоку от находившегося в нынешнем Дагестане «Царства гуннов» и вплоть до реки Тиль (Итиль-Волга).[4] Прокопию также было известно, что савиры обитают где-то севернее Кавказа: за аланами, авасгами и зихами.[5]

Известное Геродоту название Волги—Оар[6], позднее передающееся как «Ра», вероятно, связано с именем аорсов, живших возле Каспийского моря и хорошо известных в первые века нашей эры, как посредники в торговле с востоком.[7] Царь их Евнон помогал брату Митридата Котису и римскому полководцу Юлию Аквиле в борьбе с самим Митридатом. Ему именно сдался Митридат после того, как его союзники сираки были побеждены соединенными силами римлян, боспоранцев и аорсов.[8] Возможно, что в названии авар выступает старое имя аорсов, причем неясно, получили ли его авары потому, что их собственное имя было похоже на «аорсы» или, наоборот (что мне кажется вероятнее), приволжское племя аорсов-вар было принято за более отдаленных авар.[9] Само собой разумеется, что такое выгодное для пришельцев заблуждение не могло длиться долго. Вар'ы были узнаны принявшими их прикавказскими племенами и после этого, видимо, уже не встречали с их стороны той покорности, какая им была оказана вначале.

Действительный характер отношений между аварами и савирами нам остается все же неизвестным, если не считать приведенного выше указания Менандра о разгроме, какой первые нанесли вторым. Судя по тому, что этот разгром указан Менандром после войны авар с утургурами и залами, можно предположить, что в борьбе

---

[1] Византийские историки, стр. 324 (отр. 5).
[2] Латышев, Изв. др. пис. о Скифии и Кавказе., I, 231.
[3] Там же, стр. 130, 147—148; см. также Плиний, там же, II, стр. 171.
[4] Патканов, Из нового списка географии, припис. Моисею Хоренскому, Ж. М. Н. Пр., 1883, стр. 27.
[5] Война с перс., стр. 290 (II, 29).
[6] Латышев, Изв. древн. пис. о Скифии и Кавказе, I, стр. 48.
[7] Там же, стр. 148 (Страбон).
[8] Там же, II, стр. 238—240 (Тацит).
[9] Ср. Гиббон, Ист. упадка. и разр. Римск. имп., т. IV, М., 1884, стр. 485, прим. 3.

с этими двумя племенами авары опирались на поддержку савир и вообще трудно верится, что авары в Прикавказских степях выступали в одиночку против главнейших из туземных племен. Без сомнения, они вступили в дружеские отношения с аланами, при посредничестве вождя которых Сарозия завязали сношения с Византией. Дружеские отношения с аланами продолжались, видимо, в течение всего времени, проведенного аварами в степях к северу от Кавказа, так как о столкновениях между теми и другими нет никаких известий. К тому же впряженные в колесницу византийской политики, авары не имели оснований ссориться со старыми союзниками империи—аланами, ибо в своих войнах они, без сомнения, руководствовались указаниями Византии. В частности, войну авар с савирами можно связать с нередкими выступлениями последних против Византии на стороне Персии.

Упомянутые в числе врагов авар — залы совершенно неизвестны. По мнению Маркварта они тождественны с барсилами, о которых речь будет ниже. Однако эта догадка ничем, кроме близости второй части названия бар-сил'ы с именем залы-салы, не подтверждается. [1] Может быть, с племенным именем залы-салы следует связывать наименование одного из левых притоков низового Дона — р. Сал и локализовать это племя в нынешней Сальской степи.

Война с утургурами, врагами кутургуров, повидимому, явилась основой для дружеского союза авар с последними. О столкновении авар с кутургурами нам ничего неизвестно; зато имеются совершенно определенные данные о союзе авар с этим племенем. Совместно с кутургурами авары вступают в войну с антами, многочисленные племена которых, по Прокопию, жили к северу от утургуров, а по Иордану, — от Днестра до Днепра, который он называет Дунаем. Соединяя эти известия, мы получаем обширную область распространения антов, тянущуюся вдоль всей северной границы Причерноморских степей. С какими именно из этих антских племен столкнулись авары, остается неясным. Сообщение о войне между теми и другими слишком фрагментарно, чтобы дать возможность составить об этом событии сколько-нибудь отчетливое представление. В одном из отрывков, сохранившихся из истории Менандра, говорится, что «владетели антские приведены были в бедственное положение и утратили свои надежды» вследствие грабежей и опустошений, которые производили в их земле авары. Они отправили к аварам посла Мезамира, сына Идаризиева, брата Келагастова, ближайшей целью которого был выкуп некоторых пленников из числа антов, попавших в руки авар. Мезамир, явившись к аварам, вел себя так надменно и дерзко, что был убит аварами, несмотря на его звание посла. По сведениям Менандра, совет расправиться таким образом с дерзким послом был дан аварам одним котрагом, связанным с последними родством. Он говорил им: «Этот человек (т. е.

[1] Marquart, Die altbulgarische Ausdrücke, стр. 17; ср. Müllenhoff, Deutsche Altertumskunde, III, 100.

Мезамир) имеет великое влияние между антами и может сильно действовать против тех, которые сколько-нибудь его неприятели. Нужно убить его, а потом без всякого страха напасть на неприятельскую землю». Послушавшись этого совета и разделавшись с влиятельным антским послом, авары «пуще прежнего стали разорять землю антов, не переставали грабить ее и порабощать жителей». [1]

Изложенный отрывок вследствие своей фрагментарности допускает множество самых разнообразных толкований и догадок. На основе его создавались грандиозные, хотя и крайне непрочные, даже фантастические построения, среди которых первое место, бесспорно, принадлежит творению Маркварта. Основываясь на весьма отдаленном сходстве имен антских вождей Мезамира и Келагаста с болгарскими ханами Безмером и Гостуном, упомянутыми в известном болгарском именнике, Маркварт заключает, во-первых, о тождестве Безмера с Мезамиром и, во вторых, о том, что в пятидесятых годах VI в. анты находились под властью славянизированного болгарского рода.[2] В другой своей работе Маркварт считает, что Гостун и Безмер представляют не славянизированный болгарский род, на возможность чего указывал еще Пейскер, а антскую, т. е. славянскую династию, господствовавшую над западными болгарами. Более того, в известном у Масуди государстве Валинана и короле его Маджаке Маркварт усматривает тех же антов и Мезамира. Валинана — это волыняне, одно из антских племен, т. е. побужские дулебы, по арабскому сообщению, соединившие под своей властью все другие славянские племена и, по Маркварту, господствовавшие над болгарами, а затем, в результате борьбы с аварами, оттесненные в среднедунайские области и положившие здесь начало позднейшей Чехии. [3] Основой всех этих построений является отождествление имени Мезамира с Безмером. Действительно, оба имени имеют славянский характер, но никаких оснований считать их тождественными, а тем более принадлежащими одному и тому же лицу, — нет. Без этого же вся сложная постройка, возведенная Марквартом, рушится. Весьма возможно, что славянизация западных болгар происходила уже в VI в., и болгарские ханы из владетельных родов дуло, как Безмер, или ерми, как Гостун, могли носить славянские имена задолго до передвижения болгар за Дунай, но отсюда еще далеко до правомерности вывода о господстве антов над болгарами или, наоборот, болгар над антами.

Из других византийских известий мы знаем, что анты находились то во вражде, то в союзе с кутургурами. Одно время Византия пыталась опереться на антов в своей борьбе с кутургурами и склавинами. Кутургуры воспользовались появлением авар для того, чтобы натравить их на своих врагов. Повидимому, между ними

[1] Византийские историки, стр. 324—325 (Менандр, отр. 6).
[2] J. Marquart, Die altbulgarische Ausdrücke, стр. 11.
[3] Marquart, Streifzüge, стр. XXV, 123—127; 193—194; Он же, Der Chronologie der alttürk. Inschriften, Leipzig, 1898, стр. 78—80; Грушевский, Киевская Русь, т. I., 1911, стр. 462 сл.

и аварами был заключен военный союз. На дружеские отношения между кутургурами и аварами указывают, в частности, родственные связи упомянутого Менандром котрага, должно быть, кутургурского вождя, с вождем авар. Мне представляется вероятным, что не только война с антами, но и с утургурами была начата аварами по призыву ослабленных в борьбе со своими сородичами и искавших союзников кутургуров и что именно в результате союза с последними авары передвинулись из Северокавказских степей далее на запад — в Причерноморские степи, куда их звали и где их радушно приняли кутургуры. В самом деле, трудно было бы представить себе движение авар на запад иначе, так как мы знаем, что орда их не была велика. Она одна не в состоянии была бы проложить себе путь сквозь значительные племена, населявшие южную половину нашей страны, если бы действовала только силой.

Покинув в результате военного поражения свою страну и очутившись во враждебном окружении, без собственной территории и без достаточного количества основного источника существования кочевников — скота, авары поневоле должны были существовать на счет своих новых соседей, — войной и грабежом. Как чисто военная организация, они были опасным врагом для туземных племен, но грозным лишь постольку, поскольку эти туземные племена, раздираемые взаимной враждой, искали в аварах себе союзников в борьбе с соседями, поскольку давали им приют в своей стране и усиливали их мощь своими подкреплениями.

Аварам понадобилось десять лет, чтобы пробраться через восточноевропейские степи до места своего окончательного поселения. Это отнюдь не свидетельствует о том, что они с самого начала имели определенную цель для своего движения. Наоборот, беглецы все это время жили там, где их терпели или где в них нуждались. Не удержавшись в Северокавказских степях, они передвинулись в Причерноморье, но и там они не почувствовали себя дома. Их послы настойчиво требовали у Византии предоставления обещанной территории, такой, которая принадлежала бы им на законном основании, которую они могли бы считать своей. Они охотно пошли на помощь лангобардам, которые обещали им и землю и скот,[1] т. е. то, чего у них все еще не было, несмотря на то, что они прошли вдоль всей восточноевропейской степи.

Можно ли при таких условиях говорить об аварском завоевании, об образовании аварами могущественной державы от Волги до Дуная ранее, чем они обосновались в Паннонии? Конечно, нет. И немудрено, что когда аварский хан в 565 г., т. е. еще до утверждения авар в Паннонии, потребовал через своих послов, явившихся в Константинополь, увеличения подарков на том основании, что авары не нападали на римские владения, хотя и имели к тому возможность, и что они истребили тех соседей Византии, которые постоянно разоряли Фракию, то византийские политики настолько низко оце-

[1] Византийские историки, стр. 385 сл. (отр. 24 и 25).

цили самостоятельное значение авар, что ответили ему резким отказом.[1]

Три года спустя авары завладели Паннонией и сделались близкими соседями Византии. Они заявили претензию на г. Сирмий, находившийся в стране гепидов и захваченный Византией. Авары попытались было отнять его силой, но неудачно. «Не вините меня в том, что я поднял на вас оружие, — говорил аварский хан Баян византийцам, — вы первые подали повод к войне. Едва после стольких трудов и столь долгого скитания завоевал я эту страну, как вы насильно отняли ее у меня». Условием мира он ставил, во-первых, возвращение аварам г. Сирмия и, во-вторых, выплату ему, сверх обычного жалования, тех денег, которые ранее Византия платила кутургурам и утургурам, так как, говорили аварские послы, «в настоящее время этими народами владеет Баян».[2] Теперь авары были уже не тем, чем прежде, и скоро сумели заставить Византию удовлетворить их требования.

Авары теперь играли самостоятельную роль и являлись ядром значительного политического объединения. В первую очередь в него входили те племена, которые византийцы по традиции продолжали именовать скифскими и которые главным образом состояли из славян.

Отношение этих племен к аварам хорошо понимал полководец Тиверий, который при заключении мирного договора с аварами предпочитал получить в качестве заложников детей не самого кагана, а «скифских» князей. Он был уверен, что эти князья могут помешать нарушению мира, даже если бы этого хотел сам каган.[3] Без сомнения, под князьями здесь подразумеваются вожди тех племен, о которых сам Баян говорил, что они по союзу следуют за ним и в глазах которых он боялся пасть в случае неудачи.[4] В аварский военный союз, конечно, входили не только славяне. Здесь были и другие племена, увлеченные аварами в их движении на запад, особенно же для завоевания Паннонии. Повидимому, немало среди них было болгар, в частности — кутургуров. «Я таких людей пошлю на Римскую землю, — цинично заявлял Баян римскому полководцу, — потеря которых не будет для меня чувствительна, хотя бы они совсем погибли». Вслед за этим, в пределы Византии было направлено 10 000 кутургуров.[5]

О значительном количестве болгар в Паннонской Аварии свидетельствуют те события, которые разыгрались здесь после неудачного похода авар на Константинополь в 626 г. Начавшийся еще перед тем процесс разложения аварского союза, выразившийся в образовании самостоятельного славянского царства в нынешней Чехии во главе с Само, привел к возникновению двух группировок в самой

---

[1] Византийские историки, стр. 356 сл. (Менандр, отр. 14).
[2] Там же, стр. 287 сл. (Менандр, отр. 26, 27, 28, 29).
[3] Там же, стр. 399 (отр. 33).
[4] Там же, стр. 390 (отр. 27).
[5] Там же, стр. 391 (отр. 27).

аварской Паннонии. После смерти хана каждая из них выдвинула своего претендента на ханскую власть, причем одна из этих группировок была собственно аварская, а другая болгарская. В результате разгоревшейся между этими двумя группировками междоусобной войны, болгары оказались побежденными и должны были бежать из Паннонии во владения франков (630—631 г.); король Дагоберт сначала разрешил им поселиться в Баварии, а затем приказал баварцам истребить опасных пришельцев. По сообщению Фредегара, из 9000 болгар спаслось только 700 человек, которые во главе с князем своим Альцеком бежали сначала к славянам, а затем в Италию к лангобардам и в конце концов поселились там в пределах Беневентинского герцогства.[1] Павел Диакон замечает, что в его время (IX в.) эти болгары говорили по-латыни, но еще помнили и свой язык.[2]

В свете тех данных, которые обрисовывают нам отношения между аварами и их соседями, едва ли приходится сомневаться в том, что власть паннонских авар никогда не простиралась не только до Кубани, но и до Днепра. Союзники отпадали столь же легко, как и присоединялись вновь. О прочной власти авар за пределами венгерской равнины не может быть и речи. Крепким связям к востоку и северу от Паннонии, помимо всего прочего, мешали Карпатские горы. Можно верить, что в пору наибольшего могущества авар в их ополчения собирались даже варвары из Северного Причерноморья, но власть аварского хана над причерноморскими кутургурами или приазовскими утургурами, какой похвалялся аварский каган перед византийцами, на самом деле так далеко никогда не простиралась. Хвастовство аварского хана, если и имело какой-либо повод, то только в наличии в составе аварской орды довольно многочисленных болгарских отрядов, которые присоединились к ней во время движения в Паннонию.

Вопреки сообщению Агафия, болгарские племена в Приазовьи и Причерноморьи и после сильно ослабившей их междоусобной войны кутургуров с утургурами и даже после прохождения через степи аварской орды — не исчезли. Утургуры вновь упоминаются в 578 г. на старых местах в Приазовьи. К этому времени относится их подчинение туркам, распространившим свою власть к западу от Волги. Византийский посол Валентин, направляясь к туркам, проехал из Крыма через «страну Аккаги — женщины, начальствовавшей над тамошними скифами. Она была поставлена над ними Анагеем, владетелем племени утигуров» (утургуров), который сам незадолго до прибытия византийского посольства должен был покориться туркам.[3]

В первой половине VII в. среди болгарских племен на первое место выдвигаются уннгундуры. Вождю их Кубрату удалось объединить болгарские племена и на короткое время организовать большую Болгарскую державу. Общее имя болгар, рано становящееся

[1] Fredegari et aliorum chronica, ed. Krusch, 1888, гл. 72.
[2] Paul Diac., H. L., 5, 29; Ю. Кулаковский, История Византии, III, стр. 90.
[3] Византийские историки, стр. 417—418, 420 (Менандр, отр. 45).

известным западным писателям, входит в употребление в византийской литературе довольно поздно. Долгое время здесь болгары называются или гуннами, или — по именам двух главнейших племенных объединений — утургурами и кутургурами, без сомнения покрывающими множество более частных наименований. Одним из них видимо и является выплывающее на поверхность в VII в. название — унногундуры. Это-то имя некоторые исследователи отождествляют с в-н-н-т-р'ами письма кагана Иосифа, т. е. с тем народом, с которым хазары вели войну и часть которого прогнали к Дунаю.[1] Другие исследователи полагают, что в-н-н-т-р'ы означают оногур.[2] По мнению П. К. Коковцева, и то и другое отождествление палеографически одинаково возможно. В первом случае чтение W-n-n-t-r получилось на еврейской почве из первоначального W-n-g-dur или W-n-g-n-d-r, во втором случае из первоначального W-n-gur.[3]

Имя оногуров впервые упоминает Приск на ряду с сарагурами и урогами, причем все они выступают к северу от Кавказа. Несколько позже их первого появления на страницах истории, оногуры, по сведениям Агафия, были разбиты лазами, построившими на месте сражения крепость Оногурис.[4] Лазы, как известно, занимали западную часть южных склонов Кавказа, из чего можно заключить, что оногуры, помещавшиеся к северу от Кавказских гор, находились также в западной части этой страны, вблизи Азовского моря. Еще в VII в. здесь была известна страна Оногория, о которой в космографии равеннского анонима сказано следующее: «Item juxta mare Ponticum ponitur patria, quae dicitur Onogoria, quam subtilius Livanius philosophus vicinam paludis Maeotidis orientalis esse decernit»,[5] т. е. возле Понтийского моря расположена страна, называемая Оногория, которую остроумный философ Либаний помещал к востоку от Меотийского болота, по соседству с ним. В свете этих данных, оногуры оказываются находящимися на месте, где, по другим сведениям, помещались утургуры. Цейс и Радлов отождествляют первых со вторыми.[6] По мнению последнего, утургуры, отуйгуры есть просто описка вместо онигуры-оногуры.[7] Если даже это и не так, то ничто не мешает считать оногуров одним из племен, может быть, даже наиболее значительным из числа входивших в утургурский союз. Возможно, что имя этого племени иногда покрывало весь союз и, во всяком случае, известно ранее появления названия утур-

---

[1] Гаркави, Russ. Rev., стр. 92; Он же, Евр. Библиотека, VII, стр. 164.
[2] Аристов, Заметки об этнич. составе тюркских племен и народностей, Жив. стар. 1896, в. III—IV, стр. 401.
[3] П. К. Коковцев, у. с., стр. 92, примеч. I.
[4] Агафий, 3, 5; К. Ган, Изв. др. греч. и римск. пис. о Кавказе, ч. II, Виз., пис., Тифлис, 1890, стр. 136. Царевич Вахушти (Геогр. Грузии, Тифлис, 1904 г., стр. 225) указывает гору Унагара.
[5] Ravennatis Anonymi Cosmographia, ed. Pinder et Partley, Berolini, 1870, кн. IV, 2.
[6] Zeuss, Die Deutschen, стр. 714.
[7] В. В. Радлов, К вопросу об уйгурах, 1893, стр. 111.

гуры. Оногуры, таким образом, вполне могли быть тем народом, который в письме кагана Иосифа именуется в-н-н-т-р'ами.

С локализацией племени, называвшегося унногундурами, дело обстоит значительно сложнее. Как сказано, оно впервые выступает в связи с именем болгарского вождя Кубрата, известного в качестве освободителя болгар из-под власти авар. Известно также, что Кубрат находился в тесной связи с Византией. Еще его дядя Органа, после которого он, видимо, наследовал положение вождя, вступил в сношения с Константинополем и, по мнению Маркварта, был тем именно неизвестным по имени князем, который с большой свитой явился в 619 г. в столицу империи, крестился и был пожалован императором Ираклием саном патрикия.[1] Трудно объяснить, замечает при этом сам Маркварт, почему имя этого князя, известное значительно позже в Константинополе, осталось неизвестным источнику Никифора. Маркварту кажется вероятным, что это был глава северокавказских гуннов-ефталитов, главным городом которых, опять-таки по его соображениям, был Варачан, указываемый армянскими источниками в нынешнем Северном Дагестане. Таким образом, по Маркварту, получается, что унногундуры, вождем которых Кубрат стал после Органы, были не кто иные, как гунны-ефталиты Северного Дагестана, те самые, к которым император Ираклий заходил со своим войском во время войны с персами в 624 г.[2] Более или менее вероятным из всего изложенного построения Маркварта можно считать отождествление неизвестного князя, крестившегося в Константинополе в 619 г., с дядей Кубрата Органой. Все остальное совершенно фантастично.

Неизвестно, на чем основывает Маркварт свое мнение о принадлежности северокавказских гуннов к ефталитам, которых как византийские, так и армянские писатели знают совершенно в другом месте. По армянским данным, в Северном Дагестане действительно был город Варачан, о котором нам еще придется говорить специально, но он совсем не тождествен с ефталитским Валаамом.[3] Сходство в наименованиях этих двух городов, повидимому, явилось основою для сближения северокавказских гуннов с ефталитами. Понять, почему эти гунны есть унногундуры во главе с Органой — еще труднее. Повидимому, Маркварт, имея в виду союз, заключенный Органой с Ираклием, полагал, что именно вследствие этого последний и мог во время войны с персами в Закавказьи пойти в страну гуннов, о чем сообщает Феофан в описании похода 624 г.[4] Разбирая это известие Феофана, Кулаковский считал совершенно невозможным, чтобы Ираклий переходил Кавказский хребет. По его мнению, страной гуннов, в которую отступило

---

[1] Никифор, стр. 12, 20, ed. de Boor; Marquart, Die altbulgarische Ausdrücke, стр. 21.
[2] Marquart, Die altbulgarische Ausdrücke, стр. 21.
[3] Приск Панийский, перев. Дестуниса, стр. 98.
[4] Феофан, стр. 249 (611—615 гг.).

византийское войско, была область Сакашен в провинции Ути по нижнему течению р. Куры.[1]

Если мы теперь перейдем к истории Кубрата, то и здесь не найдем достаточно прочных и ясных данных для локализации унногундуров. Время жизни этого болгарского вождя точно неизвестно. По сообщению Иоанна Никиусского[2] он еще ребенком, в качестве заложника, был привезен в Константинополь, крещен там и затем воспитывался при императорском дворе. По словам этого автора, Кубрат находился в близких отношениях с Ираклием и, будучи осыпан им благодеяниями, остался признателен императору и после его смерти поддерживал его семью. После смерти Ираклия (в 641 г.) во главе империи остались два его сына Константин и Ираклион и жена Мартина. Первый процарствовал очень недолго и, как говорят, был отравлен мачехой при содействии патриарха Пирра, желавших, чтобы власть принадлежала одному родному сыну Мартины Ираклиону. Однако после Константина осталось двое сыновей: Констант и Феодосий. Второй из них был убит, по одной версии, Ираклионом, а по другой — своим же братом Константом, а Констант, вопреки желанию Мартины и ее сына, был сделан соправителем Ираклиона. Вскоре затем по городу распространились слухи о заговоре, имевшем целью устранение сына Константина. Вдохновителем этого заговора считали преданного Ираклию и Мартине болгарского вождя Кубрата. Возбуждение, вызванное этими слухами, разрешилось свержением Ираклиона, причем ему был отрезан нос, а матери его — язык, и ссылкой обоих на остров Родос, где они и окончили свою жизнь.[3]

Упоминаемый в связи с этими событиями Кубрат уже заступил место дяди своего Органы и находился на вершине могущества. По словам Иоанна Никиусского, «силой и светом животворящего крещения он победил всех варваров и язычников». Патриарх Никифор разъясняет, что это значит. По его словам, в то время (около 635 г.) Кубрат, племянник Органы, вождь унногундуров восстал против авар, которые господствовали весьма надменно, изгнал их из своей земли и, отправив посольство к Ираклию, заключил с ним союз, который сохранял до конца жизни, так как тот (т. е. Ираклий) прислал ему дары и почтил титулом патрикия.[4]

Между известиями Иоанна Никиусского и Никифора имеется расхождение относительно времени заключения союза Кубрата с Ираклием. По одному, Кубрат сначала заключил союз и затем победил варваров и язычников, а по другому — союз был заключен после освобождения болгар от ига авар.[5] Если предпочесть версию Иоанна Никиусского, как принадлежащую автору более близкому

[1] Ю. Кулаковский, История Византии, III, стр. 343—344, стр. 71, примеч. 3.

[2] Chronique de Jean, évêque de Nikiou, trad. par Zotenberg, Notices et extraits de manuscrits de la Bibliot. national, Paris, 1883, т. 24, гл. 120, стр. 579—581.

[3] Ю. Кулаковский, Ист. Визант., III, стр. 171—181.

[4] Nicephori Opuscula historica, ed. de Boor., p. 24.

[5] Н. Златарски, Нови извѣстия за най-древния периодъ на българската история, Сб. наученъ отдѣлъ, кн. XI, стр. 145—154.

ко времени описываемых событий и более осведомленному относительно роли болгарского вождя при византийском дворе, то нельзя не отметить, что он, говоря о победах Кубрата, вовсе не называет авар. Ни о подчинении унногундуров аварам, ни о свержении их господства Кубратом этот автор ничего не знает или, странным образом, умалчивает. Точно также ничего не знает о столкновениях Кубрата с аварами и современник Никифора — Феофан Исповедник, хотя оба они видимо пользовались одними источниками. Спрашивается, сохранил ли нам Никифор такие сведения, которые, не дойдя до других писателей и не подтверждаясь ими, все же заслуживают доверия, или его упоминание о власти авар над унногундурами и о свержении ее Кубратом является только домыслом этого автора? Историки, касавшиеся этого вопроса, относятся к сообщению Никифора с полным доверием, хотя им и приходится в связи с этим строить весьма сложную и совершенно гипотетическую картину овладения аварами южнорусскими степями из Паннонии. Маркварту, например, представляется, что степи между Волгой и Доном не раз переходили из рук в руки: вслед за аварами ими завладели турки, а потом над населявшими их племенами опять господствовали авары. Имея совершенно несомненные данные о том, что турецкое завоевание Приазовья относится к шестидесятым годам VI в., он все же находит возможным предположить, что уже в первой четверти VII века турки были оттеснены отсюда аварами.

Основанием для этого ему служит рассказ Моисея Каганкатваци о пути хазарского посольства к императору Ираклию в Константинополь. Оно было направлено не через Боспор, а через Закавказье. Этот опасный путь посольства незачем было бы выбирать, говорит Маркварт, если бы была свободна дорога в Крым, которой пользовались прежние турко-византийские посольства. Но, во-первых, нам известно только одно посольство Валентина, которое направилось к туркам через Крым; все остальные, путь которых известен, двигались через Кавказ, [1] а во-вторых, и самый факт хазарского посольства в Константинополь — того, которое имеет в виду Маркварт, сомнителен: хазарскому посольству незачем было отправляться так далеко, когда император Ираклий сам находился в Закавказьи. [2] Заключения Маркварта нередко отличаются чрезмерной поспешностью и недостаточной обоснованностью. Осторожнее других Ю. Кулаковский, который, повторяя сообщение Никифора об изгнании Кубратом авар, указывает местоположение унногундуров и болгар очень неопределенно — «на Черноморском побережьи», [3] хотя в другой своей работе прямо называет Батбая, вождя утургуров, живших вблизи Боспора, к востоку от Азовского моря, сыном Кубрата. [4]

---

[1] Ю. Кулаковский; К истории Боспора Киммерийского в конце VI в., Виз. врем., III, 1896 г., стр. 8.

[2] Он же, История Византии, т. III, стр. 345—346.

[3] Он же, История Византии, II, стр. 90—91.

[4] Он же, Прошлое Тавриды (1914 г.), стр. 65.

Большинство историков вовсе не замечает никаких противоречий в имеющихся у нас данных о древнейшей истории болгар. Вслед за пересказом сведений о турецких завоеваниях они приводят сообщение о восстании болгар против авар, ни мало не заботясь о согласовании этих данных между собой. Нам нет надобности вновь возвращаться к доказательствам полнейшей невозможности считать власть авар простиравшейся до восточного Приазовья как в VI, так и в первой трети VII в. Здесь болгары если и могли против кого-нибудь восставать, так только против турок, а никак не против авар. Таким образом приходится думать, что или сообщение Никифора о борьбе Кубрата с аварами неверно, или что в нем авары названы вместо турок, или, наконец, что местом действия Кубрата было не Приазовье, а западное Причерноморье, находившееся в недалеком расстоянии от Паннонии и в силу этого сохранившее более тесные и более продолжительные связи с аварами, чем это можно предполагать в отношении части степи, расположенной далее на восток. Остается разобраться, какое из этих предположений следует считать наиболее вероятным.

В приведенной выше, по Феофану, легенде о происхождении болгарских племен Кубрат назван обладателем Болгарии и котрагов. [1] Под котрагами здесь разумеются кутургуры; что же касается Болгарии, то это, без сомнения, Великая или Древняя Болгария, в местоположении которой, как мы видели, Феофан путается, указывая ее выше р. Куфиса, т. е. Кубани или Буга. Не повторяя приведенных выше аргументов, необходимо признать, что Великая, Древняя Болгария помещалась с восточной стороны Азовского моря и что Кубрат, следовательно, владел всем протяжением восточноевропейской степи, занятой болгарскими племенами. О широком охвате власти Кубрата свидетельствует и то обстоятельство, что вожди различных болгарских племен выведены в легенде сыновьями Кубрата, поделившими отцовское наследство.

Некоторое подтверждение данным о распространении власти Кубрата на восточное Приазовье можно найти в эпиграфическом памятнике, открытом в 1803 г. на Тамани. В надписи говорится о возобновлении дворца на Боспоре стратилатом и дуком херсонесским Евпатерием по поручению императора, от имени которого сохранилось только три последние буквы κις. [2] В числе византийских императоров не было ни одного, имя которого оканчивалось бы на κις. Однако, известно, что в Византии личные имена с окончанием ιος нередко употреблялись в сокращенной форме на ις и что окончание κις легко могло быть употреблено, согласно тогдашнему произношению, вместо κης. Применяя одно из этих соображений, в числе византийских императорских имен можно подобрать два, которые могли оканчиваться так же, как в надписи Евпатерия, а именно — Маврикий (582—602) и Исаак II Ангел (1185—1195 и 1203 — 1204). К одному из этих императоров и приурочивали надпись

[1] Феофан, стр. 262.
[2] Латышев, К надписи Евпатерия, Понтика, стр. 201 сл.

ученые, занимавшиеся вопросом о ее времени. [1] Датировку надписи Евпатерия VI-м, а не XII-м веком, Бертье-Делагард подкреплял весьма основательными соображениями о стиле изображений двух крылатых гениев с венками, находящихся по ее сторонам. В них он видел «не что иное, как переживание распространенных изображений языческого времени». [2] В. Латышев обосновал эту дату тщательным разбором палеографических признаков надписи и доказательством употребительности в Византии VI в. выражения «собственный раб» царя, которым обозначает себя Евпатерий. Исходя из указанного в надписи 8 индикта, он датирует ее совершенно точно 590 г., на который единственный раз падает этот индикт в царствование Маврикия. [3]

В специальной статье, посвященной надписи Евпатерия, Ю. Кулаковский приходит к выводу, что, если она и относится к VI в., то все же не может указывать на императора Маврикия, так как в его время Боспор Византии уже не принадлежал. По его мнению Евпатерий был вельможей какого-то варварского царя, а не византийского императора. [4] Действительно, еще около 576 г. Боспор был взят турками.

По свидетельству Менандра, во время посольства Валентина этот город осаждали соединенные силы утургуров во главе с вождем их Анагеем и турок под предводительством Вохана. «Город Боспор был взят в то время, когда римские посланники находились между турками», говорит этот писатель. «Этим обнаружилось, что турки ведут войну против римлян». [5] Поводом для враждебных действий турок против Византии было обвинение последней в союзе с аварами. «Ваш царь, — говорил один из турецких вождей византийскому послу, — в надлежащее время получит наказание за то, что он со мной ведет речи дружественные, а с вархонитами, (он разумел авар), рабами моими, бежавшими от господ своих, заключил договор». [6]

Несколько лет спустя после взятия Боспора турецкие войска находились уже вблизи Херсонеса (около 580 г.). Император Тиверий сообщал об этом аварам, которые хотели переправиться через Дунай под предлогом войны с славянами, и предупреждал их, что если они перейдут за Дунай, то это будет немедленно замечено турками, и поэтому аварам лучше отложить поход до тех пор, пока намерения турок окончательно выяснятся. [7] Враждебные отношения Византии и турок продолжались вплоть до 598 года, когда великий восточный повелитель турок прислал посольство к импе-

[1] Латышев, у. с., стр. 205.
[2] Зап. Одесск. общ. ист. и др., XVI, 1893, стр. 82.
[3] Латышев, К надписи Евпатерия, стр. 206 сл., 211 сл., 210.
[4] Ю. Кулаковский, К истории Боспора кимм. в конце VI в., Виз. вр., III, 1896, стр. 1 сл. В позднейших работах Ю. Кулаковский отказался от этого мнения (см. Ист. Византии, II, стр. 400).
[5] Византийские историки, стр. 422, 423 (отр. 45 и 47).
[6] Там же, (отр. 45).
[7] Там же, стр. 462 (отр. 66).

ратору Маврикию с целью возобновления прежних дружественных отношений. Он извещал вместе с тем, что успокоил внутренние раздоры в своей державе и покорил всех своих врагов. [1] Действительно, перед тем в державе турок происходили внутренние раздоры. В 584 г. произошло распадение ее на две части: западную и восточную. Владыка западной половины Дяньгу Да-тоу принял титул кагана, чем официально выразил свою независимость и равноправность с каганом Шаболю Шэ-ту, на долю которого осталась восточная часть турецкой державы.

Однако это первое разделение было непродолжительно и не привело к существенным изменениям во взаимных отношениях этих частей. Вражда между каганами сменялась союзом для совместных действий против Китая. Тот же Да-тоу, который впервые объявил себя независимым каганом западных турок, после смерти восточнотурецкого кагана Юнь-Юйлуй Ду-ланя объединил обе части турецкой державы под своей властью, но вскоре должен был бежать, в виду вспыхнувшего против него восстания подвластных племен. Турецкая держава опять распалась на две самостоятельные половины. Ханы боролись за верховную власть, и один каган сменял другого.

К внутренним неурядицам прибавились внешние неудачи. К 588—589 гг. относится война с Персией, в которой прославился Вахрам-Чубин. Он разбил царя «маскутского», которого Табари называет Саба, [2] по версии Себеоса, [3] даже убил его и захватил громадную добычу. «И так хорошо пошли дела Гормизда (персидского царя), — добавляет Феофан, — что он стал брать с турок 400 000 золота, тогда как прежде сам платил им столько же». [4]

Очерченные события в турецкой державе охватывают время с 584 по 619 г. Это период ослабления турок, сменивший бурный подъем их могущества в эпоху первоначальных завоеваний и сложения громадной турецкой державы. Повидимому, турецкое посольство, о котором сообщает Феофилакт Симокатта, было прислано в Константинополь еще Дяньгу Да-тоу, утвердившимся в качестве независимого кагана западных турок, но еще до присоединения им восточнотурецких областей, так как объединение под его властью обеих половин относится ко времени после смерти Ду-ланя в 599 г. Да-тоу хорошо знали в Византии под именем Тарду, и с ним именно велись сношения в предшествующий период дружеских связей с турками, когда турецкая держава еще была единой, а верховным каганом был Тобо-хан (572—581), которого византийские источники называют Арсила. [5]

---

[1] Феофилакт Симокатта, VII, 7, стр. 282, ed. Bonnae.

[2] Nöldecke, Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden, zeiden, 1879, стр. 271—274 сл.

[3] История имп. Иракла, соч. Себеоса, перев. с арм. Паткапова, СПБ., 1862, стр. 31.

[4] Летопись Феофана, стр. 200.

[5] Chavannes, Documents sur les Tou-Kue occidentaux, Сборник трудов Орхонск. эксп., VI, 1903, стр. 241.

В свете этих данных, свидетельствующих о временном упадке могущества турок и об отвлечении их внимания от внешних завоеваний к внутренним делам, становится вполне вероятным, что взятый ими около 576 г. Боспор к 590 г. уже вновь находился в руках Византии и управлялся стратилатом и дуком херсонесским Евпатерием. В связи с этим не лишено вероятности предположение, что с возвращением Боспора Византия возобновила старые связи со своими союзниками утургурами и в той или иной мере содействовала их освобождению из-под власти турок. Независимые от других варваров утургуры были необходимы империи для охраны ее владений у Керченского пролива, и их усиление было в интересах византийской политики, направленной как против притязаний турок, так и против авар.

Когда именно произошло освобождение племен Великой Болгарии из-под власти турок, точно сказать трудно. Возможно, что главным деятелем при этом был не Кубрат, а Органа, о союзе которого с Византией нам известно. Этот союз мог быть заключен только тогда, когда власть турок в Приазовьи ослабла, когда болгары хотя бы частично уже освободились из-под нее и искали поддержки у Византии, уже утвердившейся вновь в Боспоре и заинтересованной в создании вассального буфера между владениями империи в Причерноморьи и державой ее опасных друзей — турок. В качестве заложника, обеспечивающего точное соблюдение болгарами принятых по договору с Византией обязательств, и мог быть прислан в Константинополь племянник Органы Кубрат. Возвратившись на родину и заняв место своего дяди, Кубрат, повидимому, продолжал его дело и не только отстоял независимость приазовских болгар, но и объединил под своей властью большую часть болгарских племен. Возможно, что, присоединяя западноболгарские племена, Кубрат столкнулся с аварами, сведения о чем и дали Никифору повод изобразить его освободителем болгар от аварского ига.

Деятельность Кубрата относится ко времени царствования императора Ираклия. В событиях, разыгравшихся в столице после смерти последнего (641 г.), вождь болгар вырисовывается находящимся на вершине своего могущества, способным вызвать подозрения о намерении вмешаться во внутренние дела империи. Он умер в царствование Константина II (641—668), едва ли долго пережив своего покровителя Ираклия. Таким образом, освобождение болгар из-под власти турок надо относить к тому времени, когда турецкая держава вследствие внутренних междоусобий ослабела, т. е. ко времени с 584 г. до правления кагана Тун-шэху, вступившего на престол в 619 г. и начавшего новый период турецкого могущества и напора их на своих соседей.[1]

Возможно, что жестокая расправа турок с огорами, о чем сообщает Феофилакт Симокатта, означает одну из первых попыток освобождения приволжских племен из-под турецкой зависимости. Это вос-

---

[1] Chavannes, у. с., стр. 263 сл.

стание произошло в царствование императора Маврикия (582—602), причем турки были еще настолько сильны, что сумели подавить его и так расправились с непокорными, что, по словам византийского писателя, трупы огоров были рассеяны на протяжении четырех дней пути. Феофилакт сообщает фантастическую цифру убитых при этом огоров — 300 000 человек. Десять тысяч огоров, спасшихся от истребления, бежали на запад и присоединились к аварам, находившимся в то время уже в Паннонии. Они принадлежали к трем племенам: тарниах, кочагиры и завендер.[1] Эта жестокая расправа с восставшими не испугала болгар. Они были удачливее, а может быть и сильнее своих соседей и, видимо, воспользовавшись временным, ослаблением турок, не только стряхнули с себя их власть, но окрепли настолько, что сохранили свою независимость и тогда, когда турки снова начали расширение своих границ и приведение к покорности отложившихся было племен.

Правление Кубрата было временем первого и последнего объединения большей части болгарских племен. Немудрено, что с его именем легенда связывает и самое происхождение болгар, объясняя деление их на несколько находящихся в разных местах племен или племенных групп распрями и расселением сыновей этого общеболгарского вождя. Вполне вероятно, что часть вождей, названных в болгарской легенде, действительно были сыновьями Кубрата, поставленными им во главе наиболее значительных из подвластных ему подразделений болгар. В легенде сохранилось совершенно историческое имя Аспаруха, который обозначен в ней третьим по старшинству сыном Кубрата; указан старший сын последнего — Батбай и второй — Котраг. Имена остальных двух сыновей не названы, да и самое существование их совершенно невероятно. Одному из них приписывается переселение с подвластным ему племенем в Паннонию и подчинение аварскому кагану, а другому переход в Италию — в Пентаполис возле Равенны и подчинение «царям христианским». Присоединение двух последних болгарских групп к числу племен, возглавляемых сыновьями Кубрата и вышедших из Великой Болгарии после смерти их отца, без сомнения, является домыслом византийского книжника, который, зная о наличии значительной группы болгар в Паннонии, а также о поселении болгар в Италии, но не подозревая, что это одни и те же болгары, включил их в качестве особых групп, образовавшихся после смерти Кубрата, в легенду о происхождении болгар. Выше уже указывалось, что в составе паннонской Аварской державы находилось значительное количество болгар, кутургуров, присоединившихся к аварам задолго до Кубрата, а также, что все они или частично после междоусобной войны с аварами из-за ханской власти должны были выселиться из Паннонии и, в конце кон-

---

[1] Theoph. Simocatta, ed. Bonnae, 7, 8, стр. 285—286. Феофилакт сообщает, что тарниах и кочагиры присоединились к аварам, о завендер же говорит, что они так же, как и первые два племени, — ветвь вар и хуни.

цов, нашли приют у лангобардов в Италии. Что касается третьего сына Кубрата Котрага, то ясно, что это не собственное имя, а название хорошо известного племени котрагов или кутургуров, поселение которого к западу от Азовского моря и Дона также задолго предшествует эпохе Кубрата. Если это племя и управлялось сыном Кубрата, то имя его нам остается неизвестным. Вероятнее же всего, что оно имело вождей из собственной среды. Таким образом вместо пяти остаются только два вероятных сына Кубрата—Батбай и Аспарух. Один из них, по рассказу Феофана, остался на старом месте, подчинился хазарам и платил им дань, а другой выселился со своей родины и перешел за Дунай. Местоположение владений этих двух сыновей Кубрата указывает на территорию, которая была ядром болгарского союза и где, следовательно, надо искать унногундуров.

Большое значение имеют сведения о болгарах, содержащиеся в так называемом Новом списке армянской географии, приписываемой Моисею Хоренскому, но в той редакции, в которой она дошла до нас, без сомнения, относящейся ко времени не ранее конца VII в. [1] Эти сведения пополняют и разъясняют некоторые данные византийских источников. В них, в частности, имеется упоминание об Аспарухе. В этой географии, в описании Азиатской Сарматии, говорится: «В Сарматии лежат горы Кераунские и Гиппийские, которые выпускают из себя пять рек, впадающих в Меотийское море. Из Кавказа текут две реки: Валданис (Vardanes — Кубань), текущая с горы Кракс (Corax), которая начинается у Кавказа и тянется на северо-запад между Меотидой и Понтом. Другая река Псевхрос (Psychrus), рукав Кубани, отделяет Боспор от тех мест, где находится город Никопс. [2] К северу от них живут народы турков и болгар, которые именуются по названиям рек: Купи-Булгар, Дучи-Булкар, Огхондор (Wogĥchondor)-Блкар-пришельцы, Чдар-Болкар. Эти названия чужды Птоломею». [3] Уже Патканов в названиях рек, чуждых Птоломею, усмотрел туземные их наименования, а именно под словом Купи — Cupis или Copĥen (Кубань), как с VI в. стала называться эта река. Далее он сообщает, что французский переводчик армянской географии Сукри под Чдар-Болкар усматривает котрагов—кутургуров, а под Огхондор-Блкар —унногундуров.[4] Отождествления Сукри и Патканова были полностью приняты Вс. Миллером. [5] Маркварт полагал, что реки, по именам которых названы пять болгарских орд или племен, те самые, которые берут начало в Кераунских и Гиппийских горах и текут в Меотийское

---

[1] Вероятным автором Армянской географии считается Анания Ширакаци, живший в VII в., Патканов, Армянская география VII в., СПБ., 1877, стр. XVII сл.; ср. Marquart, Eransahr nach Geographie des Ps. Moses Chorenaci, Berlin, 1901, стр. 4.

[2] Город Никопсия или Пицунда находился в Зихии на р. Никопсис, теперь Ничепсухо в районе Гагр. Брун, Черноморье, II, стр. 259; см. также Вахушти, Геогр. Грузии, Т. 1904, стр. 231.

[3] И. Патканов, Из нового списка географии, приписыв. Моисею Хоренскому, Ж. М. Н. Пр., 1883, стр. 28.

[4] Там же, стр. 29.

[5] В. Миллер, Осетинские этюды, III, М., 1887, стр. 63.

(т. е. Азовское) море. Соглашаясь с тем, что Купи есть не что иное как Кубань, он, в соответствии с указанием географии, к северу от нее перечисляет пять рек, обозначенных у Птоломея с восточной стороны Азовского моря, а именно, идя с юга па север: Антикит, Малый Ромвит, Феофаний, Большой Ромвит и Марувий, [1] и пытается связать с ними имена других болгарских племен. Так как Антикит не составляет особой реки, а есть не что иное, как рукав Кубани, то Дучи, по его мнению, следует отождествлять с Малым Ромвитом, Огхондор с рекой Феофанием и Чдар с Большим Ромвитом. В этом отождествлении сам автор настолько неуверен, что колеблется, помещать ли Огхондор на Феофании или Большом Ромвите. Во втором случае Чдар-Болкар пришлось бы передвинуть еще севернее—на Марувий. [2] Как бы то ни было, пять рек, текущих в Азовское море, никак не поделить без остатка между четырьмя племенами, одно из которых к тому же прочно увязывается с не входящей в число пяти рекою Кубанью. Надо думать, что пять рек, указанных в армянской географии в соответствии с данными географии Птоломея, переделкой которой она является, не стоят ни в какой связи с четырьмя болгарскими племенами, внесенными в Армянскую географию из другого источника. Недаром же автор ее специально оговаривает, что их имена совершенно чужды Птоломею.

Гораздо остроумнее и плодотворнее другая догадка Маркварта, предложенная им в более ранней работе, а именно, чтение названия второго болгарского племени кучи вместо дучи. [3] Вестберг, считая эту поправку удачной, идет далее и, сопоставляя кучи-булгар с названием реки Кочо, в той же Армянской географии, указанной в Европейской Сарматии в качестве впадающей в Понт, [4] а также с наименованием Кузу, у Константина Багрянородного означающим Днепр, полагает, что Кочо, Кучу обозначает также Днепр, от имени которого и получили свое название кучугуры или кутургуры. [5] Константин Багрянородный, как известно, знает не реку, а страну Атель-кузу [6] и реку Куву-Буг, [7] которая, по нашей догадке, может быть Кузу. [8] Название Днепра—Узу появляется только в турецкую эпоху, и его производят от имени узы-гузы (Гаркави). Однако несомненно, что оно значительно древнее появления в Приднепровьи гузов-половцев и, если основываться па Армянской географии, принадлежало даже не отдельной реке, а или целому речному бассейну, или только лиману, в который впадали эти реки. По словам этого

---

[1] В. Латышев., Изв. др. пис. о Скифии и Кавказе, I, стр. 236—237.
[2] Marquart, Die altb. Ausdrücke, стр. 15—16 и прим. I к стр. 16.
[3] Marquart, Chronologie der alttürk., Inschriften, Leipz., 1898, стр. 88.
[4] Патканов, у. с., стр. 27.
[5] Вестберг, К анал. вост. источников о Восточной Европе, Ж.М.Н.Пр., 1908 (март), стр. 45 сл.
[6] О народах, перев. Ласкина, стр. 142, гл. 38,
[7] Там же, стр. 144.
[8] См. выше, стр. 9.

памятника, некоторые из впадающих в Понтийское море рек, соединившись вместе, образуют одну реку, называемую Кочо. [1] Эта одна река есть не что иное, как Днепровский лиман, в который впадает не только Днепр с Ингульцем, но и Буг с Ингулом. Название его — Кочо или Кучу могло распространяться, следовательно, как на Буг, так и на Днепр. Догадка Маркварта о кучи—болгарах-кутургурах представляет интерес в том отношении, что определяет загадочных дучи Армянской географии и объясняет происхождение одного из названий Днепра—Кучу или Кузу, сохранившегося в дальнейшем в турецком его наименовании Узу и в обозначении крепости у переправы через эту реку — Кичкас. [2] Само собой разумеется, что племенное наименование кучугуров-кутургуров происходит не от названия реки, как думал Вестберг, а, наоборот, река названа по имени этого племени. Таким образом два болгарских племени из четырех, названных в Армянской географии, в полном соответствии с византийскими данными прочно локализуются: одно на Кубани, а другое в Поднепровьи. Что касается имени огхондор-волкхонтор булгар, то Вестберг колеблется, ставить ли его в связь с названием реки Волги в соответствии с указанием автора географии, что болгарские племена именуются по названиям рек, или со словом улуг-великий, согласно наименованию дунайских болгар «великими». И, наконец, чдар-болгар, поскольку все остальные производятся от больших рек, может, по его мнению, указывать на Дон. [3]

Относительно чдар-болгар, действительно, трудно сказать, что-нибудь более определенное. Что же касается огхондор-болгар, то нельзя не обратить внимания на эпитет «пришельцы», присоединенный к их названию в Армянской географии. Патканов полагал, что они названы пришельцами вследствие своего переселения в Армению, [4] о чем сообщается в Истории Армении, приписываемой также Моисею Хоренскому. В одном месте этой истории говорится, что вследствие больших смут в стране Булгар, находящейся в поясе великой горы Кавказа, многие из болгар, отделившись от своих соплеменников, пришли в Армению и поселились в плодородной области, которая по имени новых поселенцев вгндур-булгар была названа Вананд. [5] Местом поселения колонии болгар в Армении назван Басен безлесный, у греков Фасиан, нынешний Пасин, находящийся в пределах современной Турции, в верховьях р. Аракса. [6]

Время переселения болгар в Армению относится, согласно Истории Армении, к царствованию Аршака I, т. е. к концу II в. до н. э., что не может не вызвать весьма основательных сомнений. Как

---

[1] Патканов, у. с., стр. 27.
[2] Вестберг, у. с., стр. 48 сл.
[3] Там же, стр. 46.
[4] Патканов, у. с., стр. 29.
[5] История Моисея Хоренского, кн. II, гл. 9 и 6, перев. Эмина, 1858, стр. 81 и 87.
[6] Шопен, Новые заметки на древние истории Кавказа и его обитателей, СПБ., 1866, стр. 161, прим. 143.

бы то ни было, название болгарской колонии Вгндур действительно близко с именем огхондор (Wogchondor), а вместе с тем, и с другим болгарским же племенным наименованием — унногундуры, известным по византийским источникам, которое Вестберг предлагает читать гунны-угунтуры. При маленьком изменении с этим именем совпадает и в-н-н-т-р Хазарского письма, которое тот же Вестберг исправляет в в-г-н-т-р — вогонтор — вогондур — угунтур. [1]

Итак, огхондор Армянской географии означает вгндур армянской истории, унногундуров византийских источников и в-н-н-т-р'ов письма кагана Иосифа. Сомнительно, однако, чтобы они были названы автором Географии пришельцами потому, что часть их когда-то (когда — неизвестно, так как хронология Истории Армении явно фантастична) выселилась вследствие междоусобий в Армению. О переселении этом в Географии нет ни слова, да и странно было бы на том основании, что часть племени ушла в Армению, называть оставшихся пришельцами. О том-же, что Армянская география под именем огхондор имеет в виду болгарское племя, находящееся не в Армении, едва ли надо распространяться. Очевидно, что огхондор или унногундуры названы переселенцами по другому поводу, и он, мне кажется, совершенно отчетливо указан в самой Географии. Сразу же за приведенным перечислением болгарских племен в ней говорится: «Из Гиппийских гор бежал сын Худбарда», [2] а в другом месте, в описании Фракии, мы находим следующее пояснение: «Во Фракии две горы и реки, из которых одна Дануб (Дунай), делясь на 6 рукавов, образует озеро и остров, называемый Пюки (Певка). На этом острове живет Аспар-хрук сын Хубраата, бежавший от хазар из гор Булгарских и прогнавший авар на запад. Он поселился на этом месте». [3] В приведенных текстах речь идет о том же, о чем сообщает и Феофан, а именно, о переселении сына Кубрата Аспаруха с возглавляемым им племенем на Дунай. Это-то переселение и дало повод автору Географии назвать болгарское племя огхондор пришельцами, так как оно действительно было таковым на Дунае в то время, к которому относятся его сведения. Если же именем огхондор называлось то самое племя, которое находилось под властью Аспаруха, то, принимая во внимание вышеприведенные сближения, необходимо вместе с тем признать, что оно же у византийцев называлось унногундурами, а у хазар в-н-н-т-р'ами.

После этого нам остается выяснить, где это племя находилось до своего передвижения на Дунай. Указания на этот счет имеются в цитированных местах Армянской географии. В одном сказано, что Аспарух бежал с гор Гиппийских, а в другом с гор Болгарских. Очевидно, это два названия одной и той же местности.

---

[1] Вестберг, Beiträge zur Klärung oriental. Quellen über Osteuropa, стр. 303; он же, К анализу вост. источников, стр. 45.
[2] Патканов, у. с., стр. 28.
[3] Там же, стр. 26.

Маркварт сопоставляет название Гиппийских гор с именем реки Гиппус, упоминаемой Птоломеем в описании Колхиды, [1] и отождествляет эту реку с притоком Риона Цхенис-Цкали (лошадиная река), о котором в географии царевича Вахушти сказано, что он получил это свое название после того, как затопил 60 000 коней войска, возвращающегося из Анакопии Кру. [2] По словам Маркварта, эта река берет начало оттуда же, откуда вытекает Терек, верховья которого и ныне населены балкарами, потомками древних болгар. На этом основании он заключает, что Гиппийские горы являются той частью Кавказа, где возвышаются снеговые вершины Эльбруса и Дых-Тау и откуда берут начало Терек, Чегем и Баксан. Так как, по Птоломею, вблизи Гиппийских гор находятся колонны Александра, а легенда локализует их у Каспийских, т. е., по его мнению, Дербентских ворот, то для устранения этого противоречия Маркварт предполагает, что в легенде Каспийские ворота названы ошибочно вместо Дарьяльских. [3]

Для согласования предположения Маркварта с данными Птоломея следовало бы устранить еще ряд неувязок. Главнейшая из них заключается в том, что Гиппийские горы у Птоломея показаны между 74°—54° и 81°—52°, вблизи Волги (Ра), тогда как Гиппус помещен под 70°—46°31′. [4] Иными словами, расстояние между этими двумя пунктами настолько велико, что отождествление их является совершенно невероятным. Армянская география, в полном соответствии с данными Птоломея, помещает Гиппийские горы возле Волги. В ней говорится, что эта река «вытекает из неизвестной страны двумя истоками, которые затем соединяются и, дойдя до Гиппийских гор, выделяют из себя рукав к реке Танаису, впадающему в море Меотис. Остальная часть поворачивает к востоку от гор Кераунских. После того соединяются с ней две реки, текущие с северо-востока, с гор Римика, и делают из нее реку с 70 рукавами, которую турки называют Атль». [5] В приведенном описании, основанном, конечно, на той географической картине, какая утвердилась со времен Птоломея, имеются такие детали, которые оставались неизвестными великому античному географу. И здесь так же, как и в перечне народов, Армянская география не только покорно подчиняется авторитету античной географии, бережно сохраняя ее изжитые уже этнографические и географические обозначения, но привносит и свое, основанное на знании живой действительности, на новых, имеющихся в распоряжении автора, сведениях.

Описание Волги в Армянской географии значительно подробнее, чем у Птоломея, хотя, конечно, еще очень и очень далеко от совер-

[1] Латышев, Изв. др. писателей о Скифии и Кавказе, стр. 240.

[2] Царевич Вахушти, Геогр. Грузии, перев. М. Джанашвили, Тифл., 1904, стр. 199.

[3] Marquart, Die altb. Ausdrücke, стр. 16. Относительно местонахождения Каспийских ворот Маркварт ошибается. Древние называли Каспийскими воротами не Дербент, а именно Дарьяльский проход. См. об этом стр. 123 сл.

[4] Латышев, Изв. др. пис. о Скифии и Кавказе, I, стр. 238.

[5] П. Патканов, у. с., стр. 28.

шенной точности. Особого внимания заслуживает указание, что река Волга, дойдя до Гиппийских гор, выделяет из себя рукав к реке Танаису. Здесь речь идет не о том, что Дон является рукавом Волги, как это имеет место у некоторых арабских географов, а о выделении рукава, ответвляющегося от реки по направлению к Дону. Скорее всего под этим рукавом следует подразумевать древний проток самой Волги, тянущийся в виде сухого русла со множеством озер вдоль Ергеней, т. е. нынешнюю Сарпу. От этого места современная Волга круто поворачивает на восток, разветвляясь на множество рукавов обширной своей дельты. В Армянской географии говорится, что поворот Волги к востоку находится у гор Кераунских, после чего в нее вливаются еще два притока, текущие с северо-запада, и только затем начинается дельта с ее многочисленными рукавами. Без сомнения, здесь в географических представлениях автора обнаруживается существенная путаница. Кераунские горы, составляющие по Страбону восточную, приморскую часть Кавказа, [1] оказываются находящимися возле Волги, что, может быть, происходит от того, что как у Птоломея, так и у автора Армянской географии, представление о местоположении их далеко неясное. Повидимому, они не тождественны с Андийским отрогом Кавказа, так как автор географии знает, что на востоке Кавказский хребет делится на два отрога, один из которых заключает Ширван, а другой идет к северо-востоку. [2] Последний при этом особым именем не называется. Остается предполагать, что Кераунские горы находятся далее на север и, как это выходит из описания Армянской географии, сливаются с Гиппийскими. По всей вероятности под Кераунскими и Гиппийскими горами подразумевался водораздел между Азовским и Каспийским морями, сливающийся с приволжскою возвышенностью — Ергени. Что это так, свидетельствует указание Армянской географии на пять рек, берущих начало с Кераунских и Гиппийских (или только с последних) гор и впадающих в Азовское море. Такого мнения держался еще Карл Мюллер. [3] Итак, наиболее вероятно отождествление Гиппийских гор с Ергенями, тянущимися вдоль Сарпы от Волги до Маныча, через степи современной Калмыцкой советской республики, или со Ставропольской возвышенностью. И эти горы были вместе с тем горами Болгарскими и с них, по словам Армянской географии, бежал под натиском хазар сын Кубрата Аспарух вместе со своим племенем огхондор, унногундуров или в-н-н-т-р'ов. Таким образом, мы получаем возможность локализовать загадочных унногундуров византийских писателей, болгарское племя, которое выдвинулось на первое место и сумело объединить другие болгарские племена в то время, когда власть турок, не успевших прочно закрепиться в Приазовьи, ослабла вследствие внутренних раздоров. Они жили

---

[1] Геогр. Страбона, перев. Мищенко, кн. XI, гл. 4, I, стр. 511.
[2] Там же, стр. 29.
[3] K. Müller, Ptolom., V, 8, 9, стр. 913, 22.

там же, где ранее были известны утургуры и оногуры, и их название представляет не что иное, как вариант предшествующего наименования.

Ко времени Кубрата болгарский союз распространился далеко на запад, охватив болгарские племена Северного Причерноморья, до этого, может быть, примыкавшие к аварам. Болгарский племенной союз просуществовал недолго. Вскоре рядом с ним появилось другое племенное объединение — хазарское, под давлением которого одни болгарские племена должны были подчиниться и сделаться данниками хазар, а другие выселиться со старых мест. Удаление орды Аспаруха на Дунай было, по-видимому, завершением борьбы между хазарами и болгарами за преобладание и власть в степях Восточной Европы. Дата этого события устанавливается указанием Никифора о годе перехода болгар Аспаруха через Дунай во Фракию. Аспарух поселился сначала между Днестром и Дунаем в местности, которую Феофан и Никифор называют оглон, т. е. онгл — угол, [1] причем последний добавляет, что это название болгарское. [2] Южная часть Бессарабии в татарскую эпоху называлась Буджак, что тоже значит угол и соответствует летописному наименованию славянского племени уличи или угличи (ультины Константина Багрянородного). [3] Опираясь на указание Армянской географии, Златарский помещает этот угол на островах дунайской дельты. [4] Как бы то ни было, обосновавшись среди населявших этот край славян (о чем свидетельствует его название — онгл), болгары начали набеги на Византийскую территорию за Дунай, для прекращения которых император Константин снарядил большую военную экспедицию, морскую и сухопутную. Однако она кончилась позорной неудачей. Император вследствие болезни должен был внезапно уехать; войско приняло это за бегство и в страхе обратилось назад. Болгары его преследовали и, перейдя Дунай, утвердились во Фракии. [5] Поход Константина против болгар датируется 679 г. Очевидно, что время появления последних на Дунае надо относить к более раннему времени. Бьюри и Златарский высказываются за 660 г., Кулаковский относит это событие к 675 г. [6] Разгром хазарами болгар относится, таким образом, ко времени или немного раньше или несколько позже 670 года.

Следует отметить, что болгарское племя в-н-н-т-р'ов было известно и арабским писателям, которые называли его сходно с хазарами вененндерами или нендерами. В Худуд ал-алем говорится, что это «люди трусливые, слабые и бедные», [7] а Гардизи определяет

[1] Летопись Феофана, стр. 262. Переведено вместо оглон—Ольга; А. Гильфердинг, История сербов и болгар, соч. I, 1868, стр. 24.

[2] Nicephori, 12, 20—29.

[3] Перев. Ласкина, стр. 140.

[4] Периодическо Списание, LXIII, 1900, стр. 313—340.

[5] Летопись Феофана, стр. 263.

[6] Ю. Кулаковский, Ист. Византии, III, стр. 91.

[7] Худуд ал-алем, Рукопись Туманского с введ. В. Бартольда, Л., 1930, стр. 32.

их местоположение следующим образом: «(На берегу) той реки, которая находится влево от них (мадьяр), в сторону славян, живет народ из румийцев; все они христиане; их называют нендерами; они многочисленнее мадьяр, но слабее их... Когда мадьяры живут на берегу реки, они видят этих нендеров; над областью нендеров, на берегу реки, возвышается высокая гора, по склону которой течет река. За горой живет народ из христиан, который называют мардатами; между их областью и областью нендеров 10 дней пути». [1] Река, за которой жили нендеры или венендеры — это Дунай, о чем прямо говорит Гардизи, так что все попытки локализовать венендеров за Кубанью у Кавказа надо признать в корне ошибочными и надуманными. [2] Дунайские венендеры есть не что иное, как в-н-н-т-р'ы письма кагана Иосифа, огхондор-пришельцы Армянской географии или унногундуры византийских источников, т. е. болгарская орда, под натиском хазар поселившаяся за Дунаем. Попутно отметим, что имя венендеров, в-н-н-т-р'ов стало известно арабам, вероятно, через хазар, у которых оно, судя по письму кагана Иосифа, употреблялось еще в X в. Сведения о них, находящиеся у Гардизи, писавшего в 1050—1052 г., были получены в то время, когда болгары приняли уже христианство, т. е. после 864 г., и когда мадьяры находились еще в Ателькузе, т. е. до разгрома их болгарами в 892 г.

В свете изложенных данных, хазарское предание о борьбе с в-н-н-т-р'ами, сохранившееся в письме кагана Иосифа, приобретает значение несомненного исторического факта, вместе с тем подтверждающего достоверность самого документа как исторического источника. Содержащееся в нем сведение о первом сохранившемся в памяти хазар выступлении их на историческую арену оказалось действительно «чистым золотом», [3] а не ловкой фальшивкой. Вместе с тем оказывается, что историческая память хазар не уходит далее середины VII ст. Спрашивается, надо ли и нам начинать историю хазар только с этого времени или мы можем составить себе некоторое представление и о более отдаленном прошлом этого народа, которое привело их к столкновению с болгарами и к победе, открывшей период существования могущественного Хазарского царства, пытавшегося вести независимую политику как по отношению к христианской Византийской империи, так и мусульманскому халифату и сыгравшего важную роль в историческом развитии нашей страны?

[1] В. Бартольд, Отчет о поездке в средн. Азию в 1893—1894 г., Зап. Акад. Наук, VIII сер., том I, 4, СПБ., 1897, стр. 122.
[2] Вестберг, К анализу восточных источников, Ж.М.Н. Пр., март 1908, стр. 22; Marquart, Osteuropäische und ostasiatische Steifzüge, Leipzig, 1903, стр. 114-115.
[3] Гаркави, Altjudische Denkmäler aus der Krim, 1876, стр. 3; П. К. Коковцев, Еврейско-хозарск. переписка, стр. XXV.

II. ХАЗАРЫ И ТУРКИ

Первые сведения о хазарах в византийских источниках относятся ко времени войны Ираклия с Персией, когда хазары выступили союзниками Византийской империи. Надеясь возвратить захваченную персами Армению и проникнуть в центр персидских владений, император Ираклий в 623—624 г. перенес войну в Закавказье и здесь принимал все меры к тому, чтобы увеличить свои силы присоединением кавказских христиан. Оттесненный от персидской границы и покинутый кавказскими союзниками, Ираклий искал новых союзников, с помощью которых можно было бы поправить дело, и нашел их в лице хазар. По одной версии хазарский каган, явившись с войском в окрестности Тбилиси (Тифлиса), где находился тогда император, имел с последним свидание и, получив щедрые подарки, оставил в помощь ему сорокатысячное войско под предводительством Зиевила (Зигевила), который, по словам Феофана, был вторым человеком после кагана. По другой версии переговоры с императором вел именно Зиевил и он же оставил вспомогательное войско во главе со своим сыном. Хазары оказали существенную поддержку византийской армии. В 631 г. император отправил к кагану свою дочь Евдокию в жены, что было обусловлено договором с хазарами, но так как каган к этому времени умер, то Евдокия была возвращена с пути. [1]

С большей подробностью и яркостью, чем в византийских источниках, рассказано о союзе Ираклия с хазарами в армянском историческом сочинении — Истории агван Моисея Каганкатваци. [2] Хотя это сочинение и относится в целом к X в., несомненно, что оно представляет компиляцию более древних литературных произведений. Для многих частей его источники заимствования можно указать, другие, в частности, те страницы, на которых рассказывается о походах хазар в Закавказье, могли быть написаны только современником, настолько они переполнены подробностями и насыщены чувством автора: его ужасом перед варварами и скорбью о страданиях родной земли. О том же свидетельствуют и внешние признаки изложения: рассказ ведется от первого лица, встречаются,

---

[1] Летопись Феофана, перев. Оболенского, стр. 235, 236, Theoph. 316,2—15; Niceph. 15, 20, 16, 20, 25; Кедрен, I, 727—728.

[2] Ист. агван Моисея Каганкатваци, перев. Патканова, СПБ., 1861.

например, такие выражения: «мы видели их сидящими, поджавши колени» или «взяв из рук наших приветственные подарки», «я слышал от верного человека» и т. д. [1] К сожалению, текст Истории агван до сих пор еще критически не проанализирован и состав его полностью не определен. О компиляторе, которому он обязан своим появлением, ученый переводчик Истории агван на русский язык, К. Патканов, отзывается следующим образом: «он собирает разнообразные сведения, где только может достать, и группирует их как попало, не обращая внимания на внутреннюю связь фактов, ни на их хронологическую последовательность». [2] Это замечание совершенно справедливо относительно имеющихся в Истории агван сообщений о хазарах. Поэтому я несколько подробнее, чем это было бы необходимо для развития поставленной темы, остановлюсь на изложении этих сообщений с тем, чтобы расположить их в той последовательности, какая определяется взаимной связью описываемых событий и их хронологией.

У Феофана, оставившего наиболее подробный в византийских источниках рассказ о войне Византии с Персией при Ираклии и Хозрое II Парвизе, сношения Ираклия с «восточными турками, называемыми хазарами», с целью заключения военного союза отнесены к 617 г. или (так как хронология этого писателя отстает от действительной) лучше сказать к первому году второго похода Ираклия в Закавказье, т. е. к 626-му — тому самому несчастному для Византии году, в который соединенные силы персов и авар едва не взяли самый Константинополь. Император в это время был уже в Закавказьи и совместно с хазарами осаждал город Тбилиси. [3] Однако указание Феофана едва ли точно. Едва ли Ираклий возобновил войну в Закавказьи раньше, чем заручился поддержкой со стороны хазар. Опыт первого похода должен был показать Ираклию с достаточной очевидностью, что рассчитывать на серьезную помощь в борьбе с Персией со стороны закавказских христиан не приходится. Под персидским владычеством они чувствовали себя не хуже, если не лучше, чем под властью Византии. Можно думать, что после неудачи первого похода, второй поход и притом через Закавказье был предпринят Ираклием потому, что у него заранее была уверенность найти здесь сильную поддержку со стороны хазар. Трудно верится поэтому, что сношения с хазарами были начаты только в 626 г., когда Ираклий уже находился в Лазике и готовился к возобновлению войны с Персией в закавказских областях.

В Истории агван сообщение об обмене посольствами между Византией и хазарами приведено после рассказа о неудачной осаде Тбилиси византийскими и хазарскими войсками. Прекрасный знаток армянской исторической литературы К. Патканов, пи-

[1] Там же, стр. 125, 126, 130.
[2] Там же, Предисловие, стр. XII—XIII; ср. Н. Я. Марр, По поводу русского слова «сало», Избр. раб., т. V, стр. 70 сл.
[3] Летопись Феофана, стр. 235.

сколько не сомневаясь в такой последовательности событий, излагает рассказ Истории агван о войне Византии с Персией в том же самом порядке.[1] Другие историки ссылкой на Моисея Каганкатваци подкрепляют датировку византийского посольства к хазарам 626 г.[2] Действительно, в Истории агван это посольство указано под 36 годом царствования Хозроя, который вступил на престол в 590 г. На первый взгляд данные об этой дате в Истории агван и у Феофана совпадают и нет решительно никаких формальных оснований сомневаться в ее достоверности. При ближайшем рассмотрении текста Истории агван, однако, оказывается, что порядок в изложении последовательных событий в ней перепутан, что события 36 года царствования Хозроя рассказаны после случившихся в 38 году. Осада Тбилиси, которая по Феофану происходила в один год со сношениями Ираклия с хазарами, отнесена здесь к 38 г. царствования Хозроя, т. е. на два года позже, чем обмен посольствами между Византией и хазарами. Так как осада Тбилиси падает на 626 г., то, исходя из указания Истории агван на заключение союза с хазарами двумя годами ранее этого события, обмен посольствами между Византией и хазарами надо относить не к 626, а к 624 г., т. е. ко времени первого похода Ираклия в Закавказье, что и по другим выше изложенным соображениям является более вероятным.

В Истории агван об этих посольствах рассказывается следующее: На 36 году царствования Хозроя император Ираклий «снарядил и отправил одного из вельмож своих Андрея» с тем, чтобы «подрыть великие Кавказские горы», «открыть врата Чога (Дербентский проход), вызвать различные варварские народы и с ними изгнать гордого Хозроя, царя персидского». Обещаниями «величайших несметных сокровищ» «умный, изобретательный» посланник склонил к союзу с Ираклием джебукагана — наместника северного царя, предводителя «звероподобного, златолюбивого народа косоносцев». Для утверждения условий договора джебукаган вместе с византийским посланником отправил 1000 отборных всадников, которые, прорвавшись через Дербентский проход, «как орлы устремились к великой реке Куре, не щадя никого из встретившихся и, направив свой путь по стране иверцев, егерцев, перешли море и достигли царской резиденции. Они предстали перед великим императором, утвердили друг с другом клятвы по законам обоюдным и взяли от него пропуск, чтобы не быть никем подозреваемыми».[3]

В специальном примечании к своей Истории Византии Ю. Кулаковский, пересказывая это сообщение, считает его простым вымыслом автора с целью придать своему изложению большую связанность и цельность. «Так как, — пишет он, — Ираклий завязал сношения с хазарами из Лазики (Колхиды), т. е. устроил дело при посред-

[1] К. Патканов, Опыт истории Сасанидов, Труды Вост. Отд. РАО, ч. XIV, СПБ., 1869, стр. 72.

[2] Например, Кулаковский, Ист. Византии, III, стр. 93.

[3] Ист. агван, стр. 109—110.

стве алан, как бывало то не раз в течение VI в., то одно уже упоминание о том, что послы хана явились к нему в Константинополь, в достаточной степени подрывает достоверность этого сообщения». [1] Ю. Кулаковский в приведенной оценке сообщения Истории агван, без сомнения, не прав. Если бы автор Истории агван изобрел его для стройности изложения, то он не перепутал бы даты так, как это нами указано. К тому же, для связности изложения этот рассказ в том месте, где он находится в тексте Истории агван, совершенно не нужен. Мы имеем дело, следовательно, не с позднейшим вымыслом, а с сообщением, которому можно верить в той же мере, как и другим частям включенного в Историю агван, хотя и в перепутанном виде, повествования о войне Ираклия с персами при участии хазар. Если другие части этого повествования носят все признаки близости его к описываемым событиям и достоверности в их передаче, то и эта часть заслуживает той же степени доверия. Что касается существа сообщения, то его невероятность зависит только от неправильного приурочения описываемых событий к 626 г. В этот год хазарскому посольству, действительно, незачем было отправляться в Константинополь, так как император находился в Закавказьи, незачем было силой прорываться через находившийся в персидских руках Дербент, когда до императора можно было добраться через дружественные Византии Аланию и Лазику.

В 624 г. императора также не было в Константинополе. Этот год он провел с войском в беспрерывных маневрах в восточной Армении. Под давлением персов византийская армия отступала к Кавказу. Феофан об этом говорит, что «царь пошел в страну гуннов, в страны их непроходимые, по дорогам неровным и трудным». Здесь лазы и абазги, союзники Византии, оставили византийское войско. Положение Ираклия было настолько трудным, что в речах к войску он говорил уже о «мученических венцах». Отступая перед наседавшими персами, Ираклий пришел в области персидской Армении и здесь уже зимой ему, наконец, улыбнулось счастье. Неожиданным нападением Ираклий разбил персидское войско в г. Induction Аречеше, на северном берегу озера Ван. [2]

По всей вероятности неудачи похода 624 г. заставили Ираклия обратиться в поисках союзников к хазарам. Его посланнику Андрею удалось склонить хазарского вождя к союзу с Византией. Для утверждения договора, говорится в Истории агван, хазарами было послано ответное посольство в сопровождении отряда в 1000 человек. Такой отряд был необходим, чтобы пробиться сквозь враждебную персидскую территорию и, очевидно, должен был добраться до императора, находившегося с войском в персидских владениях, так как в Константинополь посольство можно было бы отправить другим путем и не столь опасным способом. Тем не менее хазарское посольство, пройдя Грузию, добралось до моря и здесь на

[1] Кулаковский, у. с., стр. 345.
[2] Летопись Феофана, стр. 249—233 (по ошибочной пагинации вместо стр. 251 поставлена 233).

кораблях прибыло в столицу Византии. Надо полагать, что изменение его цели было вызвано невозможностью добраться до самого императора, отступившего в глубь Армении по направлению к границам Византии. Первоначально местом встречи с императором, видимо, намечалась та самая «страна гуннов», о которой говорит Феофан. По мнению Маркварта, она находилась в Северном Дагестане и туда именно доходили византийские войска. [1] Совершенная невероятность этого предположения очевидна. Если бы дело было так, то Ираклию незачем было бы посылать к хазарам послов; он мог бы все решить личными переговорами с хазарами, которые владели Северным Дагестаном. Ю. Кулаковский ищет страну гуннов в Закавказьи, в области Сакашен, там, где теперь находится город Ганджа, и куда, по сообщению Менандра, в 576 г. были переселены гунны-савиры, [2] считая, вместе с тем, невероятным, чтобы византийские войска доходили до правого берега р. Куры. [3] Локализация страны гуннов между р. р. Курой и Араксом хорошо согласуется с направлением пути хазарского посольства. Прорвавшись через современный Азербайджан и достигнув «великой реки Куры», хазары не нашли Ираклия в Сакашене и, не рискуя следовать по пути теснимого персами византийского войска, отправились через Грузию к морю, чтобы выполнить свою миссию в Константинополе. В Истории агван говорится, что хазарские послы «предстали перед великого императора». Однако в Константинополе они его видеть не могли, так как туда Ираклий вернулся только после окончательной победы над Хозроем. Здесь, действительно, в Истории агван можно видеть неточность, так как свидания с императором могло не быть вовсе или же оно происходило не в Константинополе и не в 624 г., а только в следующем 625 г. — после того, как византийское войско, отступая перед персами, добралось до Киликии, а сам император прибыл в Севастию и, может быть, в Трапезунд.

Должно быть, к концу 625 г. договор с хазарами был уже утвержден, так как, по сообщению Истории агван, в конце 37 года царствования, Хозроя, т. е. на следующий год после отправления посольства, «царь севера» уже начал войну с Персией. Он «отправил обещанное воинственное войско под предводительством племянника своего, которого в честь его княжеской власти называли Шад». Пройдя Агванию и разорив часть Атрпатакана, хазарское войско остановилось у р. Аракса и шад послал к Хозрою вестника с объявлением о союзе с Ираклием, с требованием прекращения враждебных действий против Византии и возвращения ей всех захваченных стран и городов, а также находящихся в руках персов плен-

---

[1] J. Marquart, Die altbulg. Ausdrücke, Изв. русск. арх. и-та в Конст., т. XV, Соф., 1911, стр. 21.

[2] Византийские историки, стр. 411—412 (Менандр, стр. 43).

[3] Ю. Кулаковский, Ист. Византии, III, стр. 343—344, прим. 71. Местонахождение византийского войска в Закавказьи совершенно точно указано Историей агван — в области Ути (древний Сакашен), История агван, стр. 102—103.

ников. [1] Ответ Хозроя в передаче Истории агван очень интересен. Он гласит следующее: «Поди и скажи своему царю и брату моему кагану, что дом ваш с давних времен был уважаем предками моими и мною, как дом любимого брата, потому мы сыновьями и дочерьми часто сроднялись друг с другом. Следовательно тебе не нужно было и не следовало оставлять своих членов и увлекаться словами раба моего, молодца римского». [2]

Повидимому, к тем же переговорам Хозроя с хазарским шадом относятся и те увещевания и угрозы Хозроя, которые в Истории агван изложены несколько ранее, в главе XI. Хозрой угрожал вызвать с запада полководца своего Шахрбараза и с несметными полчищами двинуть его против хазар. [3] Это тот самый Шахрбараз, который изгнал византийское войско под предводительством Ираклия из Персии и в 626 г. осаждал Константинополь. По сообщению Истории агван, хазары, получив грозящую грамоту Хозроя, перестали грабить и возвратились обратно. [4] Первый поход хазар на помощь Византии, по всей вероятности, имел целью отвлечь внимание Персии от Византии и дать возможность Ираклию приготовиться к возобновлению войны совместно с новым союзником. Эта задача, как показывают дальнейшие события, была хазарами выполнена. Ираклий, вернувшись на территорию Византии, со второй половины 625 г. деятельно занялся подготовкой второго похода и в 626 г. был уже в Лазике, готовый к совместному с хазарами, решительному выступлению против персов.

Осаду византийским и хазарским войском Тбилиси Феофан относит к тому же году, что и согласованное нападение авар и персов на Константинополь. [5] Предугадывая замыслы Хозроя, Ираклий подготовил столицу к обороне и увеличил ее гарнизон новыми войсками. Поручив ведение войны с персами в Передней Азии своему брату Феодору, он сам отправился в Закавказье, в Лазику с тем, чтобы, опираясь на хазар, нанести решительный удар Персии.

История агван следующим образом описывает вторжение хазар в Закавказье в этом году: Когда войско шада вернулось после опустошительного набега на Закавказье и «князь, владыка их (т. е. джебукаган) увидел всю добычу, доставленную пленом: людей, животных, золотые сосуды, драгоценные одежды, то задумал сам перейти на ту сторону» (т. е. за Дербент). «Он уведомил о том всех тех, которые находились под властью его — племена и народы, жители полей и гор, живущие в городах или на открытом воздухе, бреющие головы и носящие косы, чтоб по мановению его все были готовы и вооружены». [6] Собрав большое войско, джебукаган вместе с сыном своим шадом выступил в поход. Время его историк агван

[1] Ист. агван, стр. 110—111.
[2] Там же, стр. 111—112.
[3] Там же, стр. 103—104.
[4] Там же, стр. 104.
[5] Летопись Феофана, стр. 235.
[6] Ист. агван, стр. 104.

определяет явно ошибочно 38 и последним годом правления Хозроя, тогда как в действительности он происходил за два года до свержения и казни этого персидского царя.

Первый удар хазары нанесли г. Дербенту, заграждавшему проход между Кавказскими горами и Каспийским морем мощными укреплениями, «для построения которых — добавляет История агван, — цари персидские изнурили страну нашу, собирая архитекторов и изыскивая разные материалы». [1] Как «волны колеблющегося моря», по образному выражению пересказываемой истории, «ударили хазары о город Чога (Дербент) и разрушили его до основания. Видя страшную опасность со стороны безобразной, гнусной, широколицей, безресничной толпы, которая в образе женщин с распущенными волосами устремилась на них, содрогание овладело жителями; особенно при виде метких сильных стрелков, которые как бы сильным градом одождили их; и как хищные волки, потерявшие стыд, бросились на них и беспощадно перерезали их на улицах и площадях города. Глаз их не щадил ни прекрасных, ни милых, ни молодых из мужчин или женщин, не оставлял в покое даже негодных, безвредных, изувеченных и старых; они не жалобились и сердце их не сжималось при виде мальчиков, зарезанных матерей; напротив, они доили из грудей их кровь, как молоко. Как огонь проникает в горящий тростник, так входили они в одни двери и выходили в другие, оставив там деяния хищных птиц и зверей». [2] Нельзя не отметить глубину чувства и высокую выразительность, с какой описывает История агван гибель «великолепного города Чога» и его защитников. Ужас охватил жителей Агвании, сбежавшихся в столицу Партав, когда они узнали о судьбе Чога. Не надеясь выдержать натиск страшного врага, они бросили свое имущество и устремились оттуда в поисках спасения в горы. Хазары настигли часть бегущих у подножия горы, близ селения Каган-кайтук, из которого происходил, по его собственным словам, автор, столь живо описавший нашествие хазар на Агванию. [3]

Разгромив Агванию, хазары направились в Иверию и осадили город Тбилиси, куда явился и византийский император со своим войском. [4] Именно в это время произошла встреча Ираклия с предводителем хазар, о которой рассказывают византийские источники. Предводитель хазарский, которого византийские писатели называют зиевил, а армянские — джебукаган, по словам Феофана, подъехал к императору Ираклию, поцеловал его в плечо и поклонился ему. Войско же турецкое или хазарское пало перед императором ниц, почтя его «честью необыкновенною для других народов». Зиевил представил царю сына своего, уже известного нам шада, «у которого пробивался пушок на бороде». С еще большими подробностями рассказывает об этой встрече Никифор. Ираклий об-

[1] Ист. агван, стр. 105.
[2] Там же, стр. 105.
[3] Там же, стр. 105—106.
[4] Там же, стр. 107.

нял предводителя хазар, назвал его своим сыном и возложил на него свою собственную корону. Затем был устроен роскошный пир, после которого хазарскому предводителю была подарена вся драгоценная сервировка пиршественного стола, а также даны были царские одежды и серьги с драгоценными камнями. Серьгами же были одарены и другие хазарские начальники. Император показал зиевилу портрет своей дочери Евдокии и обещал выдать ее замуж за него, если хазары помогут ему против Персии. [1]

Несмотря на многочисленность войск «севера» (хазар) и «запада» (Византии), на разнообразие изобретенных римскими инженерами машин, «которыми они метко поражали стены и отламывали огромные камни», несмотря на огромные надутые бурдюки, наполненные камнем и песком, которыми осаждающие пытались запрудить р. Куру, чтобы отвести ее воды на город, несмотря на все это — осада Тбилиси была неудачной: город взять не удавалось, защитники его не сдавались. [2] Персы успели ввести в город значительное войско и поручили защиту его «искусному и храброму» полководцу Шаргакагу [3] совместно с царем Иверии Стефаном, при котором Грузия отпала от Византии и присоединилась к Персии. [4] После двухмесячной безуспешной осады, хазарские и византийские войска были утомлены и ослаблены потерями. По словам Истории агван, император Ираклий отпустил хазарское войско, условившись, что оно вернется на будущий год «по истечении жарких месяцев», т. е. осенью, для продолжения совместных действий против Персии; сам же он решил также прекратить осаду города. [5] Защитники города, издеваясь над неудачею врагов, «принесли огромную тыкву, нарисовали на ней изображение царя гуннов (хазар), аршин в ширину и аршин в длину; вместо ресниц нарисовали несколько отрезанных ветвей, которых никто не мог видеть, место бороды оставили безобразно голым; место ноздрей носа шириной в один локоть, редкие волосы на усах... [6] Они принесли это и поставили на стене против них (хазар) и кричали: вот царь, государь ваш, возвратитесь, поклоняйтесь ему, это джебукаган. И взяв в руки копья, кололи и пронзали тыкву, изображавшую лицо его. Так же издевались и насмехались над другим царем (Ираклием), называя его скверным и мужеложником». [7] В грузин-

---

[1] Niceph., 15, 20—16, 20.

[2] Ист. агван, стр. 107—108.

[3] Там же, стр. 107.

[4] Е. Такайшвили, Источники грузинских летописей, II, Жизнь и известие о Багратидах, Сб. мат. для опис. местн. и плем. Кавказа, в. XXVIII, стр. 124 и примеч. 3.

[5] Ист. агван, стр. 108.

[6] Переводчик предупреждает, что описание карикатуры переведено приблизительно, в виду неправильности фраз и непонятности текста (Ист. агван., прим. I к стр. 108). В другом месте он дает следующий перевод: «лицо в длину локоть и в ширину локоть, вместо глаз и ресниц незаметные черточки, на месте бороды отвратительное голое место; ноздри шириною в четверть с редкими волосами на усах» (К.Патканов,Ванские надписи, Ж.М.Н. Пр., ч. CCXXX, отд. 2, стр. 263).

[7] Ист. агван, стр. 108—109.

ских источниках говорится, что Ираклия осажденные обзывали козлом.[1]

По византийским сообщениям зиевил (джебукаган), оставив императору сорокатысячное войско во главе со своим сыном, с остальными войсками возвратился в свою землю. По сведениям Феофана, хазарское вспомогательное войско с наступлением зимы 618 (627) г., «не стерпя трудов, которые должно было разделять с царем», покинуло Ираклия.[2] В его рассказе это произошло более, чем через год после осады Тбилиси. Ю. Кулаковский почему-то полагает, что Ираклий немедленно после неудачной осады Тбилиси предпринял поход вглубь Персии, завершившийся полным разгромом персидского войска, свержением и смертью Хозроя.[3] Так как время этого похода совершенно точно датируется зимой 627—628 г., то осаду Тбилиси Кулаковский относит к лету 627 г. Однако, перенесение даты осады Тбилиси на целый год позже того времени, которое указано у Феофана, решительно ни на чем не основано. Вместе с тем совершенно невероятно, чтобы ослабленные и деморализованные неудачной осадой Тбилиси византийские войска могли быть немедленно двинуты в еще более трудное предприятие. Только на следующий год Ираклий смог возобновить наступательную войну и вторгся вглубь Персии настолько неожиданно, что персидское войско под начальством Рахзада, которое находилось в Армении, в Нахичевани, узнало о движении Ираклия только тогда, когда он находился уже в Атропатене (к юго-востоку от оз. Урмии). Надо полагать, что Ираклий обошел персидское войско Рахзада, поджидавшее его в Армении, и вторгся в Атропатену со стороны Агвании.

Об участии хазар в кампании 627 г. нам известно только по сообщению Феофана. Сорокатысячное войско их, под начальством сына джебукагана, шада, повидимому, оставалось с Ираклием с конца лета 626 г. до начала зимы 627—628 г., когда, не выдержав дальше, хазары «начали мало-по-малу утекать и, наконец, все, оставя его, возвратились».[4] Однако роль хазар в войне с Персией на этом не окончилась. После того как персы были окончательно разгромлены и место убитого Хозроя занял сын его Кавад (Широе), организовавший заговор против отца, когда вернулся в Агванию католикос Виро, находившийся в качестве заложника при персидском дворе в течение 25 лет и освобожденный после смерти Хозроя,[5] «во второй раз», по словам Истории агван, «подул ветер северный... выступил хищный зверь северный с кровожадным орленком своим шатом»...[6], т. е. выступили хазары во главе с джебукаганом и

[1] Имея в виду кровосмесительный брак императора. Такайшвили, у. с., стр. 44 и 126.
[2] Летопись Феофана, стр. 236.
[3] Ю. Кулаковский, Ист. Византии, III, стр. 94 сл.
[4] Летопись Феофана, стр. 236.
[5] Ист. агван, стр. 117—118.
[6] Там же, стр. 119.

его сыном. Они прежде всего устремились на Иверию и против города Тбилиси, найдя удобный случай отомстить за прежнюю неудачу и оскорбления. После непродолжительной осады хазары пошли на штурм Тбилиси. «Подняв мечи свои, они (хазары) все устремились на стены, — так описывает этот штурм История агван — и все это множество, нагромоздясь друг на друга, поднялось выше стен, и мрачная тень пала на бедственных жителей города; отвалились суставы членов их, ослабли руки их; они были побеждены, отступили от стен и как пташки, захваченные тенетами охотников, в недоумении; многие из них не могли дойти до дома своего, чтобы принести страшную и печальную весть, приказать скрыться любимой супруге или похлопотать о рождении чрева своего; родителям некогда было думать о родительских обязанностях. Напротив того, столкнувшись, они старались скрыться; некоторые на кровлях домов, другие в трубах. Но многие устремились под святые своды церкви и ухватились за угол алтаря. Стопы и вопли матерей к детям раздавались подобно блеянию многочисленного стада овец к ягнятам своим. За ними вслед бросились жнецы немилосердные; руки их проливали кровь, ноги их давили трупы, глаза их смотрели на падших, как груды града.

Когда прервались голоса, вопли и стоны и когда ни один не остался в живых, тогда только узнали они, что насытились мечи их. Тогда привели и двух правителей, из которых один был наместником со стороны Персии, а другой из настоящих жителей города, из племени князей иверских. Схватив их, привели связанных пред царя, который приказал выколоть им глаза, потому что они нарисовали портрет его слепым, желая его оскорбить, и потопил их в страшных мучениях. Содрав с них кожу, выделав и наполнив их сеном, повесили их сверху стены». [1] Захватив в Тбилиси большую добычу и отделив из нее свою долю, джебукаган вернулся в Хазарию, а сыну шаду с войском поручил покорение Агвании. [2]

Так рассказывается в Истории агван. В грузинских источниках взятие Тбилиси хазарами и мучительная казнь начальника крепости излагается несколько иначе. В «Обращении Грузии» говорится, что Ираклий оставил для осады Тбилиси «Эристава Джибго», т. е. джебукагана армянского историка, а сам пошел воевать с царем Хуасро (Хозроем): «Джибго этот после немногих дней взял Калу (цитадель Тбилиси), пленил упомянутого начальника крепости, наполнил ему рот драканами (драхмами), затем снял с него живого кожу и послал вслед за царем в Гардабан, в дом Вараза-Григола». [3] То же самое повторяется в «Жизни и известиях о Багратидах».

По грузинским известиям, взятие Тбилиси произошло в тот же самый год, в который была начата осада этого города, и при том захвачен он был силами одних хазар. Ираклий в

[1] Там же, стр. 119—120.
[2] Там же, стр. 120—121.
[3] Е. Такайшвили, у. с., стр. 44.

это время находился далее на восток, в области Гардабан, т. е. Гардман, принадлежавшей к владениям Вараз-Григола или Григора, того самого, который, по Истории агван, был первым князем агванским.[1] Судя по грузинским источникам Ираклий задержался в Агвании на значительное время. Он крестил Вараз-Григола и весь его народ, т. е. надо полагать, заставил перейти из монофизитства в диофизитство, и приступил к постройке церкви. Отправившись в Бердудж, т. е. в Берда, иначе Партав — столицу Агвании, Ираклий заложил здесь церковь пресвятой богородицы и довел ее до сооружения купола.[2]

Ничего из этого История агван не знает или же замалчивает. Последнее более, чем вероятно, так как известия о войне Ираклия с персами в этой истории заимствованы из сочинения, написанного современником событий тогда, когда, по выражению автора, страх и ужас, наведенный на Агванию бесчисленными ордами варваров, еще не изгладился, когда память о событиях, связанных с этой войною, еще была свежа.[3] Тем не менее, о пребывании Ираклия в Агвании в 626—627 гг. в этой истории нет ни слова[4] и это можно объяснить только тем, что с этим пребыванием были связаны слишком неблаговидные, с точки зрения автора, события, о которых он предпочитает умолчать. По всей вероятности автором сочинения, списанного в Истории агван, был не кто иной, как сам католикос (патриарх) агванский Виро,[5] крестивший Вараз-Григора; для него факт перехода его паствы и самого князя в православие, о чем сообщают грузинские источники, мог быть особенно неприятным. Виро, без сомнения, был приверженцем монофизитства, как и большинство из христианского духовенства в Персии. Будучи обвинен за участие в мятеже агванских вельмож против Персии, он, по словам Истории агван, сохранил свою жизнь только благодаря заступничеству царицы,[6] видимо, любимой жены Хозроя Ширин, исповедывавшей христианство и оказывавшей покровительство монофизитской церкви.

Из всех обстоятельств вторичного нападения хазар на Тбилиси, рассказанных в Истории агван, следует заключить, что это событие относится ко времени не ранее 628 г. Оно произошло в то время, когда католикос Виро был уже освобожден после смерти Хозроя и, вернувшись в Агванию, объезжал разные места своей родины.[7] Однако такое заключение о дате падения Тбилиси не согласуется с сообщением грузинских источников, по которому этот город был взят немного спустя после ухода из-под его стен византийского войска, причем точно указывается неизвестное по другим данным

---

[1] Ист. агван, стр. гл. XVII, 135—137.
[2] Такайшвили, у. с., стр. 128.
[3] Ист. агван, стр. 98.
[4] Наоборот, поход Ираклия в Агванию в 624 г., когда византийское войско расположилось в области Ути, возле селения Каганкайтук, в Истории агван описан довольно подробно (стр. 102—103).
[5] Там же, предисловие К. Патканова, стр. XI—XII.
[6] Ист. агван, стр. 118.
[7] Там же, стр. 119.

местонахождение Ираклия в последующее время. Можно было бы предположить, что в грузинской версии спутаны обстоятельства двух походов Ираклия, и указанное в связи со взятием Тбилиси пребывание его в Агвании относится к зиме 623 года, которую Ираклий действительно провел там, или даже имеется в виду посещение им «страны гуннов» в 624 г. Мне все-таки кажется, что нет оснований сомневаться в точности сообщений грузинских источников относительно местопребывания Ираклия после осады Тбилиси. В самом деле, из имеющихся в нашем распоряжении данных о втором походе Ираклия следует заключить, что и на этот раз он прошел через Агванию и что именно здесь он провел зиму 626—627 г. Зато утверждение грузинских источников, что взятие Тбилиси хазарами произошло вслед за уходом Ираклия, менее вероятно. Точность сведений Истории агван в этом отношении, если и можно заподозрить, то только в отношении даты. Рассказывая о снятии первой осады Тбилиси, автор подробно сообщает о соглашении между Ираклием и джебукаганом относительно дальнейших совместных действий против персов, причем вкладывает в уста Ираклия следующую речь, обращенную к предводителю хазар: «возвратись с миром с войсками своими в нынешнем году на место свое, ибо мы видим утомление ваше. Вы не в состоянии во время этого летнего зноя достигнуть страны ассирийской, где у великой реки Тигра стоит столица персидская. При наступлении следующего года, по истечении жарких месяцев, немедленно выступи сюда, и мы исполним желание наше».[1] Речь идет о совместном походе в Персию в 627 г. В этот год Ираклий действительно поздней осенью вторгся в сердце враждебной страны и окончательно разгромил персидское могущество. Известно, что в начале этого похода Ираклия сопровождали хазары, которые с наступлением зимы вернулись обратно. Были ли это те самые хазарские войска, которые, по сообщению Феофана, оставил на помощь Ираклию зиевил (джебукаган) под начальством своего сына (шада) в 626 г., или новые, присланные согласно условию с джебукаганом в 627 г., мы не знаем, но не исключена возможность, что в этом году и сам джебукаган вновь вторгся в Закавказье и, воспользовавшись удобным случаем, захватил Тбилиси. В этом году он мог еще прислать трофеи своей победы—кожу, снятую с начальника Тбилисской крепости, — Ираклию, находившемуся в Агвании вплоть до осени, о чем рассказывают грузинские источники. Но в таком случае Виро не мог быть свидетелем второго похода джебукагана, но он мог вернуться на родину ко времени завоевания хазарами Агвании.

По данным Истории агван, джебукаган, взяв Тбилиси, сам вернулся в Хазарию, а сына своего шада с войском направил для покорения Агвании. Он дал ему приказ: в том случае, если правители и вельможи этой страны не подчинятся добровольно, не сдадут города, крепости и торговлю (доходы от торговли?), сохранять

---

[1] Там же, стр. 108.

в живых только женщин да детей моложе 15-летнего возраста, обратив тех и других в рабство. [1] Вторгшись в Агванию, шад отправил послов к персидскому наместнику, агванскому марзпану и к католикосу Виро с требованием покорности. Персидский наместник бежал, о поведении марзпана история умалчивает, что же касается католикоса, то для спасения страны от разорения и гибели, он согласился вступить в переговоры с хазарами. Одновременно, опасаясь подозрения в измене, он обратился к персидскому царю с письмом, в котором просил разрешить ему сношения с неприятелем. Ожидая ответа на это письмо, Виро посредством подкупа хазарских послов оттягивал с ответом на требования шада. Наконец, последний решил добиться покорности оружием. Хазарские войска по заранее разработанному плану приступили к систематическому разорению Агвании. Отряды их явились одновременно в разных местах и, по словам Истории агван, «в домах и на улицах уста всех взывали: вай, вай! Крики варваров не утихали, и не было никого, кто бы не слышал убийственных возгласов злого неприятеля — и все это в тот же день и в тот же час». Люди сначала разбегались, а затем, мучимые голодом, «невольно сами шли в плен».[2]

Предупрежденный заранее подкупленными хазарскими послами католикос Виро, находившийся в селе Когдагарак, оставил всю находившуюся при нем церковную утварь и бежал в горы Арцаха (Карабах). В Истории агван очень неясно говорится, что хазары настигли епископа. «Скалистые, наполненные оврагами, гористые местности крепкой области Арцах не могли препятствовать набегам неприятелей; грехи наши сделали трудное для них легким, и кони их твердо шли по вершинам гор». [3] Однако католикос каким-то образом спасся и скрылся в крепости Чараберда. Здесь к нему вторично явились хазарские послы с намерением увести силой к шаду. Тогда католикос, собрав всех должностных лиц страны, скрывавшихся в той же крепости, поставил перед ними вопрос: продолжать ли сопротивление или принести покорность хазарам. Решив, что медлить больше нельзя, католикос Виро собрал подарки, заранее осведомившись у хазарских послов «об именах вельмож и князей, воевод и полководцев, начальников каждого племени их войска; о высоком или низком их положении, чтоб узнать, какие подарки им поднести». [4] Сложив дары на телеги, католикос вместе со спутниками своими отправился к ставке шада. Выйдя из горных долин в равнину Урди, в области Утп, тянущейся вдоль правого берега р. Куры, путники, по словам Истории агван, не узнавали знакомой местности, по которой проходили, вследствие «несметного числа войск шада». «Как некогда в Чермном море, так и теперь, когда они шли к шатру царевича, бесчисленные лагери неприятелей стеной

---

[1] Ист. агван, стр. 120—121.
[2] Там же, стр. 122—123.
[3] Там же, стр. 123.
[4] Там же, стр. 124—125.

тянулись по правую и левую сторону их шествия».[1] Ставка шада находилась вблизи города Партава, столицы Агвании.

Дальнейший текст Истории агван Н. Я. Марр переводит следующим образом: «Там мы увидели восседания их (хазар за трапезой), склонившихся на колени подобно каравану тяжелоношных верблюдов, каждого с миской, полной мяса от нечистых животных; при мисках и чаши с соленой водой, куда макали куски, когда они ели, там же серебряные кубки и сосуды для питья с резьбою, целиком (отделанные) золотом, которые и принесены были ими из тифлисской добычи; вместе с тем и громадные сосуды для хлебания — роговые и тыквообразные деревянные, которыми они лакали взвар. С той же неотмытой грязью жира-сала на губах, они по два и по три (пили) из одного и того же кубка и бесчувственно (без чувства меры) наполняли сверх краев ненасытные свои чрева цельным вином или молоком верблюдиц и кобыл, как вздутые бурдюки. Ни виночерпиев не было перед ними по ритуалу, ни слуг за их спинами, даже у царевича, а были только воины с чащею пик, чутко охранявшие дверь сомкнутыми в круг щитами».[2]

Агванское посольство провели от первой стражи до второй. Здесь, у входа в палатку шада заставили послов поклониться три раза до земли, а затем одного католикоса, оставив его спутников у дверей, ввели во внутреннюю палатку, где сидел царевич. «Представ перед ним, католикос поклонился ниц до земли и поднес подарки ему и всем сановникам».[3] Шад милостиво принял изъявления в покорности и обещания служить так же, как служили сасанидам. Он потребовал, чтобы агванцы вернулись в свои дома «к трудам своим» и обещал перенести набеги в соседние страны, прекратив разорение агванских областей, «ибо — говорил шад — получил отец мой три эти страны — Агванию, Чога и Лбинию в вечное владение».[4]

Из дальнейшего повествования Истории агван следует отметить еще несколько любопытных деталей. Угощая католикоса и его спутников, хазары усадили их на колени и поставили перед ними сосуды с мясом, от которого те отказались под предлогом поста; тогда им были предложены тонкие хлебы, жареные на сковороде. Поселившись в городе Партаве в своем доме и часто навещая лагерь хазар, католикос упросил шада отпустить захваченных в плен агванцев. Тот приказал своим войскам освободить пленников и под страхом строжайшего наказания запретил удерживать и скрывать кого-либо из них. «Вместе с этим он отправил знатных мужей, называемых тидиюнами (может быть тиунами) со служителями католикоса, которые войдя в лагерь их, искали в палатках и шатрах их, вытаскивали молодых людей, скрытых под утварью или между скотом, и никто не смел противиться им».[5]

---

[1] Там же, стр. 125.
[2] Н. Я. Марр, По поводу русского слова «сало». Избр. работы, V, стр. 73.
[3] Ист. агван., стр. 126.
[4] Там же, стр. 127.
[5] Там же, стр. 128.

Вслед за разорением страны хазарами Агванию постиг страшный голод и связанная с ним эпидемия. История агван приписывает голод не неприятельскому разорению, а нашествию крыс. Крысы, «съев всю траву, истребили весь плод полей наших». Голодающие ели кору, «несчастные даже мололи и сушили сучки винограда и ели члены мертвецов, даже долговременную шкуру скота, мешки копченые (бурдюки?), голенища старых сапог — все это варили и ели».[1] А когда кончился голод, со всей силой сказалось подчинение хазарам. «Князь севера все более и более усиливался и навел страх и ужас по всей земле. Он отправил смотрителей за всякого рода ремесленниками, имеющими познания в золотопромывании, добывании серебра, железа и выделке меди. Он требовал также пошлины с товаров и ловцов на рыбных промыслах великих рек Куры и Аракса, вместе с тем и дидрахму по обыкновенной переписи царства персидского».[2]

У нас нет точных сведений о том, сколько времени продолжалось господство хазар в Агвании, но уже во всяком случае не целое столетие, как утверждает А. Е. Крымский в своей последней работе.[3] Из дальнейшего, очень сжатого и риторического рассказа Истории агван следует, что на второй год правления Арташира, т. е. в конце 629 или в начале 630 г.,[4] хазары предприняли попытку покорения Армении. Князь севера, по словам Истории агван, отправил передовой отряд под начальством Чорпандархана (тархана) в Армению и через некоторое время со всем войском двинулся за ним сам. Знаменитый персидский военачальник Шахрбараз (Шах-Вараз), бывший в то время фактическим правителем Персии, выслал против хазар начальника турецкой конницы Гонагна с десятитысячным войском, но хазары, применив обычную тактику кочевников, разбили его. Половина хазарского войска выступила навстречу неприятелю, а другая скрылась в засаде. Когда первые, вступив в битву, тотчас же обратились в бегство, остальные, выйдя из засады, окружили преследователей и перебили их, а затем «ограбили трупы, собрали украшения коней, копья и золотом обложенные мечи, щиты, превосходные одежды, деланные искусством греков», и все собранное хазары разделили между собой.[5]

На этом и оканчивается подробный рассказ о хазарах в Закавказьи. Далее все соткано из намеков и иносказаний. «Тогда князь севера — говорится в Истории агван — обратил лицо свое против сыновей своих. Он стал неистовствовать, и страшный гнев его па-

---

[1] Ист. агван, стр. 129—130.
[2] Там же, стр. 131.
[3] А. Я. Крымский, Страницы из истории Северного Азербайджана, Сборник к 50-тилетию С. Ф. Ольденбурга, А. Н., Л., 1934, стр. 298.
[4] Малолетний Арташир царствовал один год и 8 месяцев. Он был убит Шахрбаразом 27 апреля 630 г. вследствие нового переворота в Персии. Узурпировавший царскую власть Шахрбараз продержался на троне сасанидов всего 40 дней и тоже был убит заговорщиками, Nöldeke, Geschichte, (Tabari), стр. 386—388.
[5] Ист. агван, стр. 131—133.

дал на птенцов его... Господь совершил великое, восстав за нас».[1] Повидимому, речь идет о междоусобиях в стране хазар, причем под сыновьями и птенцами князя севера, может быть, подразумеваются джебукаган и его сын шад. Далее говорится, что «они (т. е. хазары) устремились во все три страны: Армению, Иверию и Агванию», но были поражены. История агван передает последствия этого поражения хазар в виде обращения джебукагана к сыну своему шаду, в котором он раскаивается в своей гордости и дерзости и советует сыну поскорее спасаться, — раньше чем народ (под которым подразумеваются, возможно, агване) узнает о происшедшем и приготовит ему гибель.[2]

Как бы то ни было, ко времени последнего сасанида Ездигерда III (632—652) Агвания оказывается вновь в подчинении у Персии. Агванский князь Джеваншир принимал участие в войне персов с арабами, начавшейся в 633 г. и, когда Персия в этой войне ослабела, он, вернувшись в Агванию, в начале сороковых годов VII ст. организовал восстание, разбил персидские войска, посланные для его подавления, и объявил Агванию независимой. Независимость Агвании продолжалась очень недолго. Когда арабское завоевание стало угрожать Закавказью и Агвании, отец Джеваншира отправился к арабам с изъявлением покорности. В Истории агван говорится, что в то же время Джеваншир обратился к Византии с просьбой принять его страну в подданство империи. Во время своего кратковременного пребывания в Армении в 660 г. император Константин II будто бы призвал к себе Джеваншира и богато одарил как его самого, так и приближенных.[3]

Однако у Себеоса мы находим другую, более вероятную версию присоединения Агвании к Византии. По его словам, император, находясь в Западной Армении, послал войска в Иверию, в Агванию и в Сюнию с целью расторгнуть их союз с армянским князем Феодором Рыштуни, стоявшим во главе Восточной Армении и заключившим военный союз с арабами. Повидимому, Агвания в это время находилась в связи не только с Восточной Арменией, но и с самими арабами. Под угрозой со стороны византийского войска Агвания должна была покориться,[4] и таким образом подчинение Агвании Византии вовсе не было таким добровольным, каким оно представлено в Истории агван.

Об участии хазар во всех этих событиях нет никаких упоминаний. В свете изложенных данных становится совершенно ясно, что ни о каком столетнем господстве хазар в Агвании не может быть и речи. Власть хазар над этой страной продолжалась около 3 лет. Завоевав Агванию в 628 г., хазары уже около 630 г. были отброшены обратно за Кавказ.

---

[1] Там же, стр. 134.
[2] Там же, стр. 134.
[3] Там же, стр. 137—149.
[4] Себеос, История имп. Иракла, перев. Патканова, СПБ., 1862, стр, 154—155.

Сообщения Истории агван представляют большой интерес не только с точки зрения исследования исторических судеб Закавказья, но и для характеристики политического и социального строя хазар. Сверх того ее сообщения содержат богатый бытовой материал, относящийся к этому народу. Оставляя пока рассмотрение данных Истории агван о быте и социальном строе хазар, разберемся сначала в сообщаемых ею, а равно, и другими армянскими историческими сочинениями сведениях, могущих служить для выяснения времени и условий появления хазар и на Северном Кавказе, и на исторической арене.

К наиболее раннему времени относят появление хазар грузинские и армянские исторические сочинения. Однако сведения о хазарах поздней грузинской хроники Вахтанга явно фантастичны. В ее сообщениях хазары появляются еще в 2302 г. по сотворении мира.[1] Значительно большим вниманием и кредитом пользуется История Армении, приписываемая Моисею Хоренскому, жившему в V в. н. э. Хазиры, как именуются хазары в армянских источниках, выступают в ней в конце II века н. э. В 198 г. хазары и басилы, соединившись, прошли через ворота Джора (Дербент) под предводительством царя своего Внасепа Сурхана, перешли р. Куру и подвергли Армению грабежам и разорению. Армянский царь Вахарш с многочисленным войском вышел навстречу варварам и прогнал их обратно за Дербентские ворота, но затем, преследуя хазар, пал от руки могущественных стрелков.[2] Сын его (?) Хосров, в отмщение за смерть отца, повел войско в земли северных варваров. «Мечом и дротом прогнав сильные эти народы, он берет с каждой их сотни по одному заложнику и в знак владычества своего оставляет памятник с надписью на греческом языке, доказывающий зависимость от римлян», т. е. подчиняет их власти Рима, в какой находился сам.[3]

Этот рассказ, взятый как сообщение об одном из многочисленных столкновений закавказских народов с северными варварами, не представляет ничего невероятного. Исторические источники сохранили нам немало сведений о набегах, производившихся варварскими племенами через проходы в Кавказских горах на Армению, современную Грузию, на Персию и другие страны, более отдаленные от исходного пункта движения северокавказских варваров. Сооружение укреплений для защиты проходов через Кавказский хребет легенды приписывают еще Александру Македонскому.

[1] Шопен, Новые заметки на древние истории Кавказа, СПБ., 1866, стр. 225 сл. Оценку историч. значения грузинских сообщений о хазарах см. у Н. Я. Марра, у. с., стр. 94 сл.

[2] Ист. Армении Моисея Хоренского, перев. Эмина, СПБ., 1858, стр. 134 сл. Вахарш (Вологес) был современником Септимия Севера (194—211). Имп. Каракалла захватил Вахарша и казнил его. Сын Вахарша Тиридат II умер в 222 г. Хозрой I, он же Аршак II, правил с 222 по 252 г. См. N. Dolens et Katch, Histoire des anciens arméniens, Gen., 1907; Г. Халатьянц, Очерк истории Армении, М., 1910; В. Брюсов, Летопись исторических судеб Армянского народа, М., 1918.

[3] Ист. Армении, стр. 134.

Римляне, владевшие большей частью Закавказья, хорошо знали о существовании этих проходов и о находившихся за ними опасных врагах. Армянские сообщения о набегах северных варваров, таким образом, подтверждаются большим количеством аналогичных сообщений других источников. В отношении армянских сведений возникает только один вопрос: действительно ли в числе варваров, беспокоивших своими набегами Закавказье, уже во II в. н. э. были хазары? Другие источники народа с этим именем в то же время не знают. Да и сама История Армении, сообщая о ряде войн с северными племенами, указывает в числе последних хазар всего только один раз в выше приведенном месте.

Зато в изложении дальнейших событий, относящихся к III в., в Истории Армении появляется обозначение предводителя северных варваров «везерк каганом».[1] По указанию Эмина, «везерк» персидское слово и значит «великий»;[2] что же касается слова «каган», то оно известно как титул турецких, аварских, хазарских, болгарских и русских царей и князей, но в значительно более позднее время. История Армении знает этот титул в приложении не только к предводителю северокавказских варваров, но и к какому-то восточному владыке, восточному кагану, существовавшему уже в IV в., если признать достоверным соответствующее известие этой истории.[3] Однако достоверность этого известия является более чем сомнительной. Под восточным каганом, с которым, по словам Истории Армении, находился в свойстве персидский царь Шапух (Сапор II), мог бы подразумеваться владыка турок, но турки, согласно всем другим источникам, появляются только в VI в. По китайским сведениям титул кагана их предводитель принял только в 552 г.[4] Это обозначение могло бы относиться к предшественникам турок как по месту, так и по политическому значению, жуань-жуаням, но и их владыка, судя по тем же источникам, впервые стал именоваться каганом только в 402 г.[5] Царь же персидский Сапор II, которому История Армении приписывает свойство с восточным каганом, жил в IV в. Правда, китайские источники приписывают титул «кэ-хань» — каган предводителю сяньби еще около середины III в.,[6] а затем и другим вождям варварских племен Монголии. Но сношения их с Персией совершенно невероятны. В IV в. к Персии с востока примыкало Кушанское царство, династы которого вели свое происхождение от тех же парфянских

---

[1] Ист. Армении, стр. 154.

[2] Там же, стр. 309, прим. 364. Отсюда — визирь (Сум, Истор. рассужд. о хазарах, стр. 19).

[3] Там же, стр. 157.

[4] Иакинф Бичурин, Собр. свед. о народах, I, стр. 267; St. Julien, Doc. hist. sur les Tou-kioue, стр. 6; E. Chavannes, Doc. sur. les Tou-kue occid., стр. 372.

[5] Иакинф Бичурин, у. с., стр. 209.

[6] K. Schiratori, A study on the Titles, kaghan and katun, Memoirs of the Research Depart of the Tayo Bunko (The orient Libr. N I.), Tokyo, 1926, стр. 2 сл.; От. Гнацинт, Записки о Монголии, III, стр. 70.

аршакидов, которые господствовали в самой Персии до свержения их сасанидами.

Китайцам это царство было известно под именем Гуйшуан. Царей его они считали юеджийцами, язык которых был, действительно, одним из иранских диалектов.[1] В начале V в. Кушанское царство было подчинено ефталитами (ие-та, теталы, цыдариты, белые гунны), повидимому, ранее входившими в состав гуннского племенного объединения. Византийские историки сообщают об упорных войнах персов с ефталитами и о браке Кавада с дочерью царя ефталитов, с помощью которого он вернул себе власть после свержения его за поддержку маздакидского движения.[2] Если даже ефталитские цари и носили титул каганов, о чем нам неизвестно, то во время Сапора II их царства еще не существовало. Они впервые появляются около 385 г. Равным образом, гуннов, с которыми можно было бы связать этот титул вообще, в III в. еще не было к северу от Кавказа. Главной силой здесь в это время были аланы, неоднократно вторгавшиеся в Закавказье, начиная с I в. н. э. В VI в. соединенными усилиями турок и персов удалось разгромить державу ефталитов, причем союз между каганом турок и царем персов был закреплен браком последнего с дочерью турецкого кагана. С этого времени царь персов действительно находился в родстве с каганом, но это событие относится не к IV в. и царем персов тогда был не Сапор, а Хозрой Ануширван.[3] Итак, если сомнительно существование связанного с Персией восточного кагана в IV в., то еще более неправдоподобно наличие великих каганов в III в. к северу от Кавказа, в особенности когда памятник, свидетельствующий об этом, относится к значительно более поздней поре.

Недоверие к содержанию Истории Армении и сомнения в принадлежности ее автору, жившему в V в., имеют достаточно оснований. Н. Я. Марр, касаясь вопроса об источниках этого сочинения, заметил, что «такой памятник, понятно, должен быть отнесен не к V ст. и к первому веку армянской христианской письменности, а к значительно более поздней поре».[4] Н. Адонц считает Историю Армении переработкой сочинения Фауста Византийского и говорит, что она «не может восходить раньше VII в».[5] Если это так, то существенно отметить, что ни Фауст Византийский, ни Егише, ни Лазарь Парпеци не знают ни хазар, ни кагана, хотя в числе

---

[1] Specht, Etudes sur l'Asie Centrale d'aprés les historiens chinois, Journ. Asiat., 8 сер., II, 1883, стр. 325; Sten Konow, Beitrag zur Kenntnis der Indoskythen. Festschr, f. Fr. Hirth zu s. 75 Geb., стр. 220—237.

[2] Летопись Феофана, стр. 97.

[3] К. Патканов, Опыт истории династии Сасанидов, Труды вост. отд. РАО, XIV, СПБ., 1869, стр. 55; Себеос, у. с., стр. 38.

[4] Н. Я. Марр, Арабское извлечение из сирийской хроники Марибаса, Зап. ВО РАО, XIV, 4, стр. 79.

[5] Н. Адонц, Начальная история Армении у Себеоса, Виз. врем., VIII, 1—2, стр. 104—105.

северных варваров им известны уже на ряду с аланами — гунны.[1]

Кроме Истории Армении, хазары рано упоминаются в Истории агван, хотя появление их в этом сочинении падает не на II, а на IV столетие. Первое нашествие хазар здесь отнесено к правлению персидского царя Шапуха (Сапора II).[2] К. Патканов считает, что сообщение Истории агван о хазарах так же, как и аналогичный рассказ Стефана Орбелиани, писавшего в XIII в., может восходить к несохранившемуся сочинению Петра Сюнийского, жившего в VI в.[3] Действительно, сообщение о хазарах и тут и там изложено в связи с рассказом о разбойничьем набеге сюнийского князя Андока на персидскую столицу Тисабон (Ктесифон) и о последующем затем подвиге сына этого князя Бабика, в войне с гуннами заслужившего вновь милость царя. Однако и при этом допущении еще нет уверенности в существовании хазар не только во II, но и в IV в. Весьма возможно, что название хазары попало в армянские исторические сочинения немного раньше, чем оно стало известно в Византии, и в приложении к событиям более древним является не чем иным, как перенесением наименования современного авторам народа в более или менее отдаленное прошлое, примеров чего имеется не малое количество на ряду с противоположным—подведением нового народа под традиционное название.

Более достоверны упоминания о хазарах и кагане в армянском же историческом сочинении епископа Себеоса «Истории императора Ираклия», написанном в VII в. и трактующем о событиях, близких по времени к автору. Здесь говорится, что во время войны персов с кушанами при Хозрое Парвизе (590—628) последние обратились за помощью к великому кагану, царю северных стран, который прислал им полчище из 300 000 человек под предводительством джембуху. Это войско, переправившись через реку Верхот (Аму-Дарью), разбило персов и опустошило всю страну до пределов Реи и Аспагана, а затем по повелению великого кагана возвратилось во-свояси.[4] Спустя некоторое время, рассказывается далее в Истории Себеоса, армянские нахарары, служившие в персидском войске на кушанской границе, возмутились и перешли на сторону «великого кагана». По словам Себеоса, они были привлечены к измене чен-тчепетухом, начальствовавшим над войсками кагана на северо-западе. По приказанию кагана предавшиеся ему армянские вельможи с востока, т. е. с персидской границы, были отправлены на соединение с войсками упомянутого тчепетуха на северо-запад и вместе с ними, пройдя проход Джора, явились на помощь греческому царю.[5]

[1] Ист. Егише Вардапета, перев. Шаншиева, Тифлис, 1853; Faustus de Byzance, Coll. de Hist. arm. anc. et mod. de l'Arménie, par. V. Langlois, I, 1867, стр. 201—310; Lazar de Tharbe, там же, II, стр. 253—268.

[2] Ист. агван, стр. 80.

[3] Там же, примеч. 3.

[4] Себеос, История имп. Ираклия, перев. Патканова, СПБ., 1862, стр. 73—74.

[5] Там же, стр. 76.

Из последнего видно, что сведения Себеоса непосредственно примыкают к изложенным выше данным Истории агван, пополняя и расширяя их. Греческий царь, на помощь которому является тчепетух со своими полчищами и изменившими персам армянами, есть не кто иной, как император Ираклий, воевавший с Персией в союзе с хазарами. Выходит, что «тчепетух» Себеоса означает то же лицо, что «джебукаган» Истории агван и «зиевил» или «зигевил» византийских источников. Это предводитель хазар, подчиненный великому кагану севера, его наместник, второе лицо после кагана. К. Патканов безусловно прав, видя во всех обозначениях этого лица различную передачу не собственного имени, а одного и того же титула. Наиболее верной из них он считает — джебу-каган. Далее он очень кстати вспоминает, что турецкий каган у Менандра называется сильзибул и что то же самое имя у Табари передается как синджибу.[1] Оставляя в стороне син — чен — китаец(?), что относится и к чен-тчепетуху, мы должны заключить, что хазары и турки смыкаются не только в названии первых восточными турками в византийских источниках,[2] но и по существу восстанавливаемых на основании армянских сообщений отношений между теми и другими.

Великий каган севера — это турецкий каган, так как именно ему было подвластно Кушанское царство во время описанной у Себеоса войны последнего с персами, почему он и оказал этому царству поддержку. Именно с этим каганом персидские цари находились в родственных отношениях: жена Хозроя Ануширвана была дочерью турецкого кагана.[3] Понятно теперь, почему в рассказе Истории агван персидский царь, отвечая шаду, ссылается на давние дружеские отношения с каганом, на то, что предки их сыновьями и дочерьми роднились друг с другом, и также понятно, о каком кагане идет речь в этой истории. Наконец, известно, что еще в VI в. турки распространили свою власть за Волгу и начали покорение Северного Кавказа и что тогда же они вступили в сношения с Византией. Таким образом, при разрешении проблемы возникновения Хазарского царства прежде всего должен быть поставлен вопрос о роли и значении в этом турецкого завоевания.

Данные о распространении турецкого владычества на запад, к Волге, а затем и к Азовскому морю имеются в византийских источниках. В 563 г. в Византию явилось впервые посольство от Аскела царя ермихионов[4] или кермихионов, как называли турок персы.[5] Через несколько лет прибыло второе посольство гуннов, называемых турками,[6] с задачей открыть византийские рынки для согдий-

[1] К. Патканов, Ванские надписи и их значение, Ж.М.Н.Пр., CCXXX, отд. 2, стр. 263; Nöldeke, Geschichte der Perser und Araber, 1879, стр. 158.
[2] Например, у Феофана.
[3] Себеос, стр. 38; Nöldeke, y. c., стр. 159.
[4] Летопись Феофана, стр. 183.
[5] Византийские историки, стр. 492 (Феофан Византийский).
[6] Летопись Феофана, стр. 186.

ского шелка и с предложением союза против общего врага турок и Византии—персов. Турецкие послы сообщили в Константинополе, что их царство состоит из 4 областей, верховная власть над которыми принадлежит упомянутому выше сильзибулу (дизавулу или син-джибу). Император Юстиниан для закрепления отношений с новым союзником отправил в 569 г. ответное посольство во главе с Земархом, которое через Кавказ и Прикаспийские степи благополучно добралось до местопребывания верховного владыки турок на Золотой горе Эктаг или Эктель, которую отождествляют с Алтаем. [1] На обратном пути, на р. Атель (Волге) Земарх нашел кочевья угуров, подвластных Сильзибулу. [2] Дальнейшие сведения о турках, которые, по словам Менандра, в древности назывались саками, [3] имеются в рассказе об одном из следующих византийских посольств к турецкому владыке. В 576 г. византийское посольство во главе с Валентином по пути к туркам нашло, что власть последних распространилась еще далее на запад. Они подчинили утургуров и вскоре начали враждебные действия против Византии и захватили Боспор. [4] Вместе с тем, оказалось, что турецкая держава делится уже не на 4, а на 8 областей, причем над крайней западной областью начальствовал Турксанф, а «старейший единодержец турок назывался Арсила». [5]

На основании приведенных данных византийских источников следует заключить, что турецкие завоевания в Европе относятся к шестидесятым годам VI ст., т. е. ко времени образования обширной турецкой державы. Младший брат первого турецкого кагана Тумыня Истеми, почти независимый правитель 10 западных турецких родов, подчинил царство ефталитов и покорил, по словам китайской летописи, многие страны запада. [6] Он не был верховным каганом турок, так как таковым в то время считался сын Тумыня Цигинь Мугюй хан Яньду (553—572), [7] которому китайские летописи и приписывают, как верховному вождю турок, завоевания, в действительности совершенные западными турками под предводительством Истеми (Ше-де-ми, ум. в 576 г.). [8] Последний носил титул ябгу, который и вошел в состав византийской и арабской передачи его имени в форме зивул или джибу (силь-зивул, син-джибу). Этот титул в дальнейшем удержался за вождями западных турок.

---

[1] Византийские историки, стр. 370—382 (Менандр, стр. 18, 19 и 20) Chavannes (Documents sur les Tou-kue (Turcs) occidentaux. Сб. труд. орхонск. эксп., VI, стр. 236) помещает ставку кагана в долине Юльдуз в бассейне р. Или.

[2] Византийские историки, стр. 382.

[3] Там же, стр. 375.

[4] Там же, стр. 416—423.

[5] Там же, стр. 418.

[6] Chavannes, у. с., стр. 38.

[7] Там же, стр. 220.

[8] Грумм-Гржимайло, Зап. Монголия и Урянх. край, Л., 1926, II, стр. 211 сл.; Бартольд (Зап. Вост. отд. РАО, XI, стр. 358) и Мелиоранский (там же, XII, в. 2—3, стр. 94) объединяют Тумыня и Истеми в одно лицо. Об отождествлении Истеми с Коло, сыном Тумыня см. у Грумм-Гржимайло (у. с., стр. 221, примеч. 3).

По Менандру, Турксанф был одним из 8 князей, управлявших областями, на которые соответственно делилась турецкая держава. В его имени L. Cahun усматривает указание на племенное название тургешей, [1] родственных с турками — тюкю. В VII веке они кочевали западнее Тарбагатая и отсюда могли господствовать над страною до Волги. [2] Турксанф был сыном Истеми-Сильзивула (Дизабула) и братом Тарду, жившего на горе Эктель (Алтае). Верховная же власть в то время принадлежала Арсиле.

К 576 г., к которому относится посольство Валентина, по китайским источникам, верховным каганом турок был Тобо-хан (572—581), один из сыновей Тумыня, наследовавший брату своему Яньду Мугюй-хану. [3] Его-то, повидимому, и знает Менандр под именем Арсилы, т. е. под тем же титулом, каким в византийской же передаче был обозначен его брат Яньду Мугюй-хан (553—572) (у Феофана — Аскила). Сына Сильзивула, у Менандра названного Тарду, Chavannes отождествляет с Дяньгу Датоу, наследовавшим после Истеми власть над западной половиной турецких владений, а в дальнейшем (599—603) сделавшимся верховным каганом. [4]

Из сообщения Менандра мы можем заключить, что в своих сношениях с турками Византия была связана с каганами западной половины турецкой державы. Западные турки с самого начала выступают в положении мало зависимых от верховного главы даже в своей внешней политике. В. Бартольд полагает, что западнотурецкие каганы еще до формального разрыва с верховным каганом, правившим восточными турками, были несомненно более независимыми государями, чем, например, золотоордынские ханы первого периода монгольской империи. Разрыв 582 г. с его точки зрения был не актом восстания вассалов против сюзерена, а началом войны между двумя до тех пор союзными государствами. [5] В. Бартольд так же, как и другие исследователи истории турецкой державы, недостаточно учитывает те принципы, по которым строилась политическая организация не только турок, но и некоторых других многоплеменных варварских образований. Объединенные в единое политическое целое посредством завоевания, такие образования скреплялись очень непрочной связью, внешним выражением которой было единство правящей династии. Члены ее не только возглавляли наиболее крупные подразделения такого многоплеменного объединения, но и рассматривали его в целом как свое фамильное или родовое достояние. Именно этим фамильным или родовым коллективизмом и следует объяснять тот факт, что в Ту-

---

[1] L. Cahun, Introduction à l'histoire de L'Asie, P., 1896, стр. 115.

[2] Аристов, Заметки об этнич. составе тюркских племен, Жив. Стар., 1896, в. 3—4, стр. 301.

[3] Иакинф, Собр. свед., стр. 274.

[4] Chavannes, у. с., стр. 241; Иакинф, у. с., стр. 287.

[5] Зап. Вост. отд. РАО, XV, в. 4, стр. 179 (рец.)

рецкой державе, господствовал тот же порядок престолонаследия, какой известен в Киевском государстве рюриковичей. [1]

Не раз уже указывалось, что позднейший термин «лествичное восхождение» не соответствует существу отношений между князьями Рюрикова дома, но из этого еще не следует, что правы те, которые отрицают наличие какого бы то ни было порядка в замещении княжеских столов в Древней Руси, в особенности же стола великокняжеского. Суть этого порядка заключалась в представлении о фамильном старейшинстве, в отсутствии, в связи с этим, прямого наследования социального положения от отца к сыну. Этот порядок давал детям основание претендовать на «отчину», но отнюдь не оставлял их безраздельными наследниками отцовского положения. На ряду с детьми умершего в качестве претендентов на его место выступали его братья и их сыновья, и нормально оно переходило не к сыну, а или к брату умершего или к одному из его племянников, имевшему право на «отчину» потому, что это место занимал его отец. И в Западном и в Восточном Турецком каганате верховная власть, как правило, переходила не от отца к сыну, а от брата к брату и, если этот порядок и нарушался, то главным образом вследствие узурпации. Как в Древней Руси, так и в Турецком каганате «очередный» порядок престолонаследия был средством удержать от расползания громадное объединение различных племен, не имевших между собой прочных внутренних связей, которые сохраняли бы его единство. Ясно, что такой порядок при всей своей традиционности не мог быть долговечным, что частные династические интересы, находившие благоприятную почву для развития в сепаратистских устремлениях отдельных составных частей варварской державы, только до поры до времени сдерживались фамильной общностью членов правящего дома. Шаванн показал, что Турецкая держава, основанная двумя братьями, фактически с самого начала состояла из двух независимых частей, что разрыв между ними в 582 г. был подготовлен всем ходом предшествующих отношений, но он недостаточно оттенил борьбу, происходившую внутри той и другой половин, не только за верховную власть, но за отделение, за независимость более мелких подразделений. Эта борьба весьма сильно изменяла границы Западно-Турецкой державы и все время колебала ее внешний политический вес.

Правление Тун-шеху, занявшего престол Западно-Турецкого каганата в 619 г., было наиболее блестящим временем в истории последнего. Восстановив прежние пределы царства, сократившиеся в предшествующий период смут и междоусобий, он овладел Тохарестаном вплоть до Мерва на западе и Гибини на юге. Китайские источники сообщают, что в это время турки напали на Персию, что

---

[1] Л. Гумилев, Удельно-лествичная система (рукопись); Соловьев, Взаимоотношения между князьями Рюрикова дома, М., 1847; В. В. Сергеевич, Вече и князь, Р. Юрид. древн., II, 1, СПБ., 1893; А. Е. Пресняков, Княжое право, СПБ., 1909.

ими был убит Хозрой Парвиз и что вплоть до воцарения Ардешира II (И-да-чже) в 628 г. турки хозяйничали в Персидской стране. [1]

Эти сведения совпадают с тем, что нам известно по армянским и византийским источникам относительно войны Ираклия с Персией. В это время турки воевали с Персией за Кушанское царство, под именем хазар вторглись в Закавказье и захватили Агванию. Неверно только одно, а именно приписывание туркам убийства Хозроя. Его погубили его же вельможи в Ктесифоне после неудач в войне с Византией.

С точки зрения приведенных данных выступление хазар на исторической арене является не чем иным, как одним из эпизодов турецкой экспансии на западе, продолжением тех завоеваний, которые привели турок, с одной стороны, к границам Персии в Азии, а с другой—в соприкосновение с Византией. Каган, который помогал Ираклию в войне против персов и которого армянские источники называют великим каганом, царем северных стран, или царем тетальским, был не кто иной, как каган западных турок Тун-шеху.

В одних сведениях византийских писателей предводитель хазар, явившихся на помощь Ираклию, определяется в качестве второго лица после кагана, в других это — сам каган. Выяснение этого вопроса имеет очень большое значение для суждения об условиях возникновения Хазарского царства. Поэтому мы опять вернемся к подробно изложенным выше показаниям армянских авторов, представляющим особую ценность потому, что события, о которых идет речь, развертывались в их стране и оставили глубокие следы и в народной памяти и в литературе, на основании которой ведется их рассказ.

Прежде всего необходимо отметить, что в сочинении епископа Себеоса, писателя наиболее близкого по времени к интересующим нас событиям, предводителем войска, явившегося на помощь византийскому императору, указывается не «великий каган», а его военачальник чеп-тчепетух. Несколько ранее он называет разгромившего персов джембуху также предводителем войск великого кагана. Тчепетух и джембуху Себеоса, если и не одно и то же лицо, то близко сходные между собой передачи одного и того же титула, который по турецки обозначался словом ябгу или джабгу. Этот же титул имеется в составе наименования, которым обозначает предводителя хазар История агван. Здесь он назван джебу-каган и обозначен в качестве наместника северного царя, т. е. турецкого великого кагана. На основании этих показаний армянских писателей мы имеем полное право признать достоверными те сведения византийских источников, по которым хазарский зиевил (зигевил, или зибел) является не каганом, а только вторым лицом после него, и считать его наименование такой же передачей турецкого титула ябгу, какой являются и тчепетух и джебу. [2]

---

[1] Chavannes, у. с. стр. 263 сл., 171, 253.

[2] Кулаковский, Ист. Византии, III, стр. 93.

Титулы «ябгу» и «шад» обозначали у турок наиболее высоких сановников после кагана и обыкновенно принадлежали его ближайшим родственникам — сыновьям или братьям. Судя по надписям на памятниках Кюль-тегину и Могилян-хану у орхонских турок было два главных рода: Телес и Тардуш, из которых первый управлялся ябгу, а второй шадом. [1] Карлукский хан у арабских писателей называется жабгуе — ябгу, а хан кимаков — шад. [2] Предводитель гузов именовался ябгу. [3] Оба эти титула: ябгу и шад известны и по китайским источникам, где ябгу передается как «ше-ху», а шад—«ша». [4] В китайской передаче имени кагана Туп-шеху, без сомнения, заключается титул ябгу — шеху, встречающийся в наименованиях и других, главным образом, западнотурецких каганов из рода Истеми, который сам был ябгу. Равным образом, ябгу был и его сын Тарду — Да-тоу. «Царь севера», владыка западных турок Туп-шеху был, следовательно, не только каган, но и ябгу-каган, т. е. титуловался совершенно так же, как, судя по указаниям Истории агван, именовался предводитель турко-хазар в войне их с Персией.

На основании этого совпадения в титулатуре западнотурецкого кагана и предводителя хазар можно было бы заключить об их тождестве и усомниться в правильности вышеотмеченных указаний об их отношении между собой. Однако в Истории агван содержатся и другие сведения, которые нельзя не учесть при решении этого вопроса. Я имею в виду до сих пор не обратившие на себя внимания указания Истории агван на родственные отношения между верховным турецким каганом, царем севера, с одной стороны и шадом с другой, а также между джебу-каганом и тем же шадом. В этой Истории шад сначала называется племянником «царя севера»,[5] а затем неоднократно сыном наместника этого царя «ябгу-кагана». [6] Следовательно, ябгу-каган, начальствовавший над хазарами в качестве наместника великого кагана, был или братом последнего или, что менее вероятно, мужем его сестры. Так как важнейшие должности в турецком каганате распределялись между членами одной правящей фамилии, мы в праве предположить, что джебукаган находился в таких же отношениях с тогдашним верховным каганом западных турок Туп-шеху, в каких ранее стояли Турксанф с Тарду-Датоу или Истеми к Тумыню, т. е. он был не только подчиненным, но и ближайшим родственником, братом, членом одной и той же правящей династии.

Можно было бы также предположить, что предводитель хазар был только ягбу, что наименование его каганом является позже

---

[1] Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-тегина, ЗВО РАО, т. XII, 2—3, стр. 109, примеч. 37.

[2] Бартольд, Отчет о поездке в Средн. Азию, ЗАН, VIII сер., т. I, № 4, стр. 104 сл.

[3] Validов, Мешхедская рукопись Ибн-аль-Факиха, Изв. А. Н., 1924, № 1—11, стр. 237.

[4] Иакинф Бичурин, у. с., стр. 268.

[5] Ист. агван, стр. 110.

[6] Там же, стр. 104, 120, 127.

присоединенным домыслом Моисея Каганкатваци, так как другой, более ранний армянский писатель — Себеос, а равным образом и более точные из византийских известий знают это лицо в качестве только ягбу (джебух, тчепетух, зиевил). Однако сомнение в достоверности сведений Истории агван может быть и излишне, потому что титул кагана у турок не был принадлежностью только верховного владыки так же, как титулы ягбу и шад не прилагались исключительно лишь к его сановникам, а сохранялись в титулатуре самого кагана и являлись, повидимому, наследственным достоянием определенных родов. Турецкая иерархия на ряду с верховным каганом, знает малого — «кичиг-кагана». Таким был Фюгюй сын Мочжо при своем отце, как его заместитель, таким же кичиг-каганом был, по мнению Мелиоранского, и Кюль-Тегин при брате своем Бильгехане,[1] таким мог быть и джебу или ябгу-каган, предводительствовавший хазарами, по отношению к брату своему верховному кагану Тун-шеху.

По китайским сообщениям известны три старших брата Тун-шеху.[2] После одного из них Шегуя он наследовал положение верховного кагана западных турок.[3] Судьба этих трех братьев нам известна: ни один из них не мог быть наместником в Хазарии. Но это не значит, что у Тун-шеху не было еще одного, младшего брата, который, находясь на далеком западе, не привлекал внимания китайских анналистов. Известно, что еще Чуло-хан правил вместе с двумя малыми ханами, один из которых стоял во главе всех турецких княжеств, находившихся к северу от Ши-го, т. е., по мнению Иакинфа, в Туркестане и Кипчаке, обозначающим Прикаспийские степи.[4] Судя по указанию Себеоса о сношениях тчепетуха, как мы видели, тождественного с джебу-каганом Истории агван, с армянскими нахарарами, находившимися в персидском войске на границах подвластного туркам Кушанского царства, джебу-каган стоял во главе приблизительно той же части Западно-Турецкой державы, которой ранее управлял один из малых ханов Чуло-хана. Эта крайняя западная область охватывала громадное пространство — от современного Туркестана, вокруг Каспийского моря, до Северного Кавказа. Здесь джебу-каган был наместником великого кагана и по этой своей должности, если не в качестве ближайшего родственника, считался вторым лицом после него.

Для более отчетливой характеристики отношений между верховным каганом и его наместником на западе турецких владений нельзя не подчеркнуть, что сношения о военном союзе Византия вела не с джебу-каганом, а с верховным главой турок Тун-шеху. Византия благодаря своим прежним связям с турками была хорошо осведом-

[1] Мелиоранский, у. с. стр. 109 сл.; Hirth, Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk, стр. 45—50 и 80; Schlegel, Tögin et Toré, T'oung Pao, 1896, VII, стр. 158; Грумм-Гржимайло, у. с., стр. 294, примеч. I.

[2] Нили-хан († 604), Поши-тегин, Шегуй (612—619). В промежутке между Нилиханом и Шегуем правил сын первого Дамань Чуло-хан (604—611).

[3] Иакинф, Собр. свед. о народах Средн. Азии, СПБ., 1851, стр. 340 сл.

[4] Там же, стр. 341.

лена о внутренних отношениях и о международном положении Западного Турецкого каганата в разное время его существования и вела свою политику в соответствии с изменявшимися условиями. Укрепившись к западу от Волги, турки, как известно, порвали союзные отношения с Византией, захватили Боспор и грозили другими завоеваниями, которые не смогли осуществить вследствие внутренних неурядиц и неудачных войн в других направлениях. Византия использовала это временное ослабление турок, возвратила Боспор и содействовала созданию независимой от турок и авар Болгарской державы Органы и Кубрата. Туркам пришлось примириться с новой — созданной Византией — политической ситуацией в Восточной Европе и отчасти, может быть, потому, что здесь им теперь противостояли уже не раздробленные гунно-болгарские племена, а большая Болгарская держава, отчасти же вследствие того, что силы их были отвлечены борьбою с Персией, участие в которой Византии было для них весьма желательно, так как, выступая в одиночку, они терпели неудачи и поражения,[1] турки сами возобновили дипломатические связи с Византийской империей. Неизвестно, как ответила Византия на письмо турецкого кагана, о котором под 598 г. сообщает Феофилакт Симокатта,[2] но несомненно, что к правлению Ираклия турок и Византию уже не разделяли те противоречия, какие в свое время привели к войне между ними и к стремлению византийской политики создать в варварской Европе мощный противовес Турецкой державе и заслон против нее. Посланник Ираклия Андрей склонил турок к возобновлению военного союза против Персии, и джебу-каган двинул свои войска в Закавказье на помощь византийскому императору. Что союз был заключен не только с джебу-каганом, а и с его братом, верховным каганом западных турок, об этом можно заключить по прямым указаниям армянских историков, свидетельствующих, что джебу-каган действовал по поручению «царя севера», т. е. верховного кагана. О том же косвенно свидетельствует рассказ византийских источников о встрече Ираклия с зибелом-зиевилом-джебукаганом. Император Ираклий назвал хазарского предводителя сыном, а не братом, как следовало бы, по установившемуся церемониалу, обратиться к независимому и равному царю, каким по отношению к византийскому императору был турецкий каган и позднее стал каган хазарский. Вместе с тем византийские источники сообщают об обещании Ираклия отдать в жены зиевилу свою дочь, очевидно, для закрепления военного союза родственными связями.

В связи с этим возникает вопрос: действительно ли император имел намерение породниться не с самим великим каганом, а только с его наместником? Действительно ли речь шла о браке с византийской принцессой зигевила, а не верховного главы западных турок?

---

[1] Nöldeke, y. c., стр. 271, 474 сл.
[2] Theoph. Simocattae historiarum, ed. Bonnae, стр. 282 сл.

В свете изложенных выше соображений второе представляется более вероятным. Никифор сообщает, что в 631 г. во исполнение договора с турками единственная дочь Ираклия от первой жены Евдокии Епифания или Евдокия же, родившаяся в 611 г. и стало быть просватанная в возрасте около 15 лет, была отправлена в жены к кагану, но затем возвращена с пути, так как стало известно, что каган умер.[1] Действительно, около 630 г. в Западно-Турецком каганате вновь вспыхнули восстания и междоусобия и верховный каган Тун-шеху, с которым договаривался Ираклий, был убит своим родственником Мохеду.[2] Сведения о его смерти, достигшие до Византии, разумеется, не сразу, застали царевну уже в пути к турецкому кагану и, таким образом, она избежала участи сделаться одной из жен турецкого владыки, добивавшегося вместе с тем брака с китайской принцессой. С другой стороны, нет решительных доводов и против возможности брака не с Тун-шеху, а с его братом и наместником зиевилом или джебу-каганом.

Наоборот, византийские источники именно его указывают женихом царевны. По сообщению Истории агван, его смерть относится также ко времени около 630 г. и она в той же мере могла послужить причиной возвращения византийской царевны, как и гибель Тун-шеху. Мы знаем, насколько мало зависимы были от верховного кагана правители отдельных областей Западно-Турецкой державы, и джебу-каган в этом отношении едва ли не находился в наиболее благоприятном положении. По сведениям Истории агван посланник Андрей прежде всего его убедил оказать помощь Ираклию; он, соблазненный щедрой наградой, дал обещание выступить на помощь византийскому императору. Нет ничего невероятного, что степень зависимости джебу-кагана была настолько невелика, что Византия могла не обратить внимания на эту формальность и, рассматривая джебу-кагана в качестве важной политической силы, решилась обеспечить свое влияние на него браком дочери императора с вассалом турецкого кагана.

О турецком происхождении джебу-кагана и о значительном турецком элементе в хазарском войске, вторгшемся в Закавказье на помощь Ираклию, мы можем судить еще и по тем характеристикам физического типа как самого предводителя, так и его воинов, какие имеются в Истории агван. В выше приведенном рассказе из этого источника, сообщающем о насмешках жителей Тифлиса над неудачно осаждавшим этот город союзниками: Ираклием и джебу-каганом, описывается каррикатурное изображение второго, выставленное на городской стене. В этом изображении хазарский предводитель был представлен широколицым, широконосым, с узкими глазами, с редкой растительностью на месте усов и с голым подбородком, в чем нельзя не усмотреть выпячивания не индивидуальных, а расовых черт. Это видно из того, что и самих хазар История агван представляет, с точки зрения ее автора, «безобраз-

[1] Никифор, стр. 25; Ducange, Famille Byzantine, стр. 118.
[2] Иакинф, у. с., стр. 348.

ной, широколицей, безресничной толпой»[1], т. е. с признаками, сходными с образом их предводителя, хотя, с другой стороны, в самом факте изготовления каррикатуры на джебу-кагана и в насмешках, какими сопровождалось ее выставление на стену, нельзя не усмотреть попытки возбуждения расовой розни среди турецко-хазарского войска.

Черты, характеризующие внешность кагана и хазар в описаниях Истории агван, более всего соответствуют турецко-монгольскому физическому типу, который Ярхо предложил называть южносибирским, так как он отнюдь не совпадает в своем распространении с турецкими или монгольскими этническими образованиями и в одинаковой мере характерен для восточнофинских племен. Китайский историк Мэн-хун в таких выражениях характеризует монголов: низкорослые, с отвратительной внешностью — широким, плоским, почти четырехугольным лицом, с выдающимися скулами, без верхних ресниц и с бедной растительностью на верхней губе и подбородке.[2] Это описание близко сходно с теми, какие мы находим в Истории агван, а равным образом с характеристикою монголов у позднейших армянских же писателей.[3] Все эти описания одинаково подчеркивают отличительные признаки южносибирского физического типа с его широким скуластым лицом, узкими глазами, широким носом и редкой растительностью на лице.

Однако прежде чем остановиться на заключении о принадлежности хазар к турко-монгольскому или, точнее, южносибирскому физическому типу, уместно вспомнить ту страстную полемику, которая велась относительно расовой принадлежности гуннов на основании признаков, указанных древними авторами. Учитывая весь опыт этой длительной дискуссии и всю ненадежность опоры на физические признаки при решении вопросов происхождения и этнической принадлежности того или другого народа, все же нельзя не указать на существенные отличия данных о физическом типе гуннов от тех, какие мы имеем для хазар, позволяющие различно оценить те и другие, дабы не уподобиться тому сверх-осторожному человеку, который, согласно поговорке, обжегшись на молоке, дует на воду. Признаки физического типа, сообщаемые Историей агван, отличаются большей определенностью и большей ясностью по сравнению с тем, что мы имеем в известиях о гуннах. Затруднения, связанные с определением типа последних, не следует чрезмерно обобщать, заключая, будто бы физические признаки, да еще в описании древних авторов, вовсе не могут служить целям исторического исследования. Наоборот, их значение весьма велико, поскольку расовый тип является мало подвижной величиной. Мы пока что лишены возможности судить об его изменениях во времени, имея зато право наблюдать за распространением различных физических типов в пространстве. Данные о южносибирском физиче-

[1] История агван, стр. 105.
[2] Грумм-Гржимайло, у. с., стр. 402, прим. 3.
[3] Патканов, История монголов по армянским источникам, II, стр. 45.

ском типе хазарского кагана и его воинов хорошо согласуются с выше разобранными свидетельствами о принадлежности кагана к западнотурецкой правящей династии и с теми сведениями о движении турок за Волгу, какие позволяют считать их завоевателями территории между Волгой и Кавказом.

Кстати заметим, что сторонники участия турок в образовании хазарского народа усматривают указание на смешанное происхождение его в замечании Ибн-Фадлана, Ал-Истархия и Ибн-Хаукаля о наличии среди хазар двух физических типов: смуглого, почти черного и белого, [1] причем именно в черных предполагают турок или турецкую примесь. [2] Едва ли это верно. Следует иметь в виду, что в сообщениях названных арабских писателей нет и намека на роль турок в образовании какого-либо из этих двух типов хазар. Наоборот, они начинают с категорического утверждения, что хазары не походят на турок. [3] Далее сообщается, что черные называют себя кара-джур, [4] т. е. турецким термином социального порядка «кара-чжу», соответствующим другому наименованию «кара-будун» (черная кость, черный народ). Оба эти слова обозначали низший слой податного, зависимого населения. [5] В виду этого весьма возможно, что у арабских писателей мы имеем дело с превращением социальных категорий в различные физические типы посредством буквального истолкования соответствующих непонятых в их истинном значении терминов. Может, однако, быть, что социальное деление в какой-то мере совпадает с этническим.

Разрешение вопроса о двух социальных или этнических группах внутри хазарского народа затрудняется еще широким распространением племенных названий, осложненных прибавлением эпитета белый или черный, например: белые гунны, черные болгары, черные и белые угры, [6] причем считают, что под последними русская летопись подразумевает именно хазар. [7] У нас нет оснований считать, что во всех случаях эти эпитеты означают социальное положение племен или их частей. Можно думать даже, что деление на

---

[1] Караулов, Свед. арабских геогр. о Кавказе, Сб. мат. для опис. местн. и плем. Кавказа, XXIX, стр. 49; XXXVIII, стр. 115.

[2] Иловайский, Разыскания о начале Руси, изд. 2, стр.245; H. Howorth (The khazars were they ugrians or turks? Travaux de la III sect. Congrès intern. de Orient., St. Pétersb., 1876, т. II, (1879), стр. 142) наоборот, сопоставляя ак-хазар с белыми уграми русской летописи и акацирами Приска, считает турками именно их, а не черных — кара-хазар.

[3] Френ, De Chazaris. Excerpta ex scriptoribus Arabicis. Mém. de l'Acad. de St. Pétersb., 1882, VIII, стр. 591. В неверном переводе Хаукаля у Ousely сказано наоборот, о сходстве хазар с турками, The oriental geographie of Ibn-Haukal, 1800.

[4] Mordtmann, Das Buch der Länder von Istachri, стр. 105; Géographie d'Aboulfeda par Reinand, t. II, стр. 303; Караулов (у. с.) переводит «кара-хазары».

[5] Н. Козьмин, К вопросу о турецко-монгольском феодализме, 1934, стр. 56.

[6] Ср. H. Howorth, Some notes on the Huns, Actes du VI congrès international des Orientalistes à Seide (1885).

[7] Об ошибочности отождествления белых угров русской летописи с хазарами см. Грот, Моравия и Мадьяры, стр. 236 сл. Угры белые, прогнавшие волохов, т. е. франков, «иже беша преже прияли землю словеньску», не могут быть хазарами. Последних летопись называет козары.

белую и черную половины восходит к очень древним экзогамным установлениям родового общества.

Нельзя пройти мимо еще одного признака, указанного Историей агван относительно хазар, а именно, обычая заплетать волосы в косы. В одном месте этой Истории джебу-каган назван предводителем звероподобного народа косоносцев, в другом, характеризуя племена и народы, подвластные «царю севера», автор сопоставляет бреющих головы и носящих косы, и, наконец, в третьем, описывая штурм хазарами Дербента, сообщает, что они устремились в бой «в образе женщин с распущенными волосами».[1] Древнейшие данные в отношении косы содержатся в археологических материалах Восточной Азии. Это находки кос в могилах хун-нуской эпохи в Ноин-улинском и Оглахтинском могильниках.[2] Письменных известий о способе ношения волос у хунну у нас нет, но зато в китайских источниках упоминается сяньбийское племя косоплетов Тоба, сведения о котором относятся к III—IV вв.[3] Кроме того известно, что восточные сяньбийцы оставляли пук волос на голове, тогда как западные так же, как ухуанцы, брили голову.[4] Название сяньби было не этническим, а географическим, охватывавшим племена, поселившиеся у гор Сян-би Шань. Предполагается, что сяньбийцы и родственные им дун-ху и ухуань состояли из племен смешанного динлинско-турко-монгольского происхождения и говорили на одном из монгольских диалектов. Потомками сяньби считаются амдоские племена Восточного Тибета, среди которых до сих пор существует обычай заплетать волосы в косу, тогда как соседнее население кос не носит.[5] Общеизвестно о ношении косы манчжурами. В XVII в., после покорения ими Китая, коса была распространена и в этой стране. Далее, косу носят коряки, тунгусы, алтайцы и теленгеты. Кроме того она известна у енисейских остяков,[6] которые до сих пор называют себя «ди», что значит, «люди»,[7] и считаются остатками народа, населявшего некогда не только северную, но и южную Сибирь, называвшегося у китайцев динлинами и носившего косу.[8]

Обращаясь к сведениям о ношении косы в Восточной Европе, прежде всего необходимо указать на рассказ Феофана о том, как жители Константинополя толпами сбегались смотреть на прибывших в 558 г. аварских послов. Особенно поразили их во внешнем виде невиданных еще варваров волнистые волосы, заплетен-

[1] Ист. агван, стр. 110, 104, 105.

[2] Г. Сосновский, О находках Оглахтинского могильника, Проблемы, 1933, 7—8, стр. 39 сл.

[3] Иакинф, у. с., стр. 187.

[4] Там же, стр. 240; Klaproth, Tableaux historiques de l'Asie, стр. 96.

[5] Грумм-Гржимайло, у. с., стр. 149.

[6] Анучин, Предв. отчет о поездке к Енис. остякам, Изв. русск. ком. для изучения Средн. и Вост. Азии, 1906, 6.

[7] Синельников, Енисейские остяки, Труды антроп. отд. О-ва люб. ест., антроп. и этн., 1911, кн. XXVIII, в. I, стр. 1.

[8] Chavannes, Les pays d'Occident d'apres le Wei-Lio, стр. 524.

ные в косу.[1] Иоанн Едесский знает ужасный народ авар, названный так по своим волосам, и упоминает о бегущих народах славян и о тех с развивающимися волосами, которых называют аварами.[2] Далее, следует отметить сообщение Прокопия, что в его время (VI в.) одна из партий цирка в Константинополе ввела новую моду ношения волос: «Они стали стричь их не так, как другие римляне... Они обрезывали волосы на голове спереди до висков, а сзади оставляли висеть их длиннейшими косами без всякой надобности, как это делают массагеты. Эта мода называется поэтому гуннской».[3] Несколько иначе косы носили венгры и болгары. Они оставляли на стриженной голове пучок длинных волос, который и заплетали в одну или несколько кос.[4] Наконец, косу по словам Рубрука, носили «татары», населявшие южнорусские степи.[5] Предполагается, что под татарами Рубрука следует видеть половцев, которым принадлежат и каменные бабы, иногда представляющие безбородых мужчин с косами.[6]

Коса явилась как способ ношения длинных волос, оставлявшихся на голове целиком или частично, в связи с представлением о заключенной в них магической силе. Вследствие этого верования длинные волосы нередко становятся специальной принадлежностью жрецов и вождей, тогда как стрижка и бритье волос, наоборот, являются признаком зависимого, рабского положения.[7] Древнее туземное население степей Восточной Европы — скифы и сарматы, — судя по изображениям, носило длинные волосы сзади, подрезая их только спереди.[8] О верованиях в магическую силу волос у скифов свидетельствует обычай скальпирования,[9] посредством которого вместе с волосами присваивалась жизненная сила побежденного врага. Однако о заплетении волос скифами и сарматами ничего не известно. Как ни распространено представление о магической жизненной силе, заключенной в волосах, прически, связанные с ношением длинных волос, в разных местах весьма различны. Германское племя свевов, например, носило длинные волосы, связывая их в узел, так что концы их свешивались на спину вроде лошадиной гривы. Заплетение волос в косы мужчинами, известное в Америке, в Старом свете

[1] Летопись Феофана, стр. 178.

[2] Barhebraus, Chron. Syr., стр. 95; ср. Agathiae, I, 1, 26, стр. 19.

[3] Перев. Васильевского, Еще раз о мнимом славянстве гуннов, Ж.М.Н.Пр. 1883, IV, стр. 351.

[4] Wambery, Ursprung der Magyaren, стр. 286 сл.; Dümmler, Gesch. des ostfränkischen Reiches, II, 448; Iireček, Entstehen christlichen Reiches im Gebiete des heutigen österreichischen Kaiserstaates von 500—1 000, Wien, 1865, стр. 217.

[5] Рубруквис, Путешествие по восточным странам, СПБ., 1911, стр. 77.

[6] Веселовский, Современное состояние вопроса о каменных бабах, 1915, стр. 32 (оттиск).

[7] Фрэзер, Золотая ветвь, в. 2 (1928), стр. 75 сл.; В. Вундт, Миф и религия, стр. 69; Штернберг, Убор головной, Энцикл. Брокгауза и Ефрона, 67, стр. 410. У франков les rois chevelus, у славян — волостели.

[8] См. изобр. скифов на вазе из Чертомлыцкого кургана или на сосуде из Куль-Оба, а также живопись керченских катакомб.

[9] Латышев, Свед. древн. пис. о Скифии и Кавказе, I, стр. 27.

прослеживается с древнейших времен и до настоящего времени только в Азии. Большая часть народов Восточной Европы, носивших косу, не являются исконным населением этой страны и передвинулись сюда или из Азии или из крайних восточных пределов Европы, в историческом и культурном отношении тесно связанных с соседними азиатскими областями. К числу их относятся половцы, венгры и авары.

Гуннская, по указанию Прокопия, и венгерская и болгарская прически отличались между собой тем, что в одном случае волосы подстригались только спереди, а в другом на бритой голове оставлялся длинный пучок волос, известный нам позже по описаниям внешности киевского князя Святослава и в виде запорожского оселедца. Первого рода прическа употреблялась аварами. Любопытно, что Прокопий связывает ее с массагетами, т. е. с населением восточной стороны Каспийского моря, поблизости откуда вышли авары. Этой страной управлял джебу-каган, который, поэтому, по справедливости, мог называться предводителем народа косоносцев. Алтайские турки, насколько нам известно, хотя и носили длинные волосы, в косы их не заплетали, а следовательно, и не могли иметься в виду автором Истории агван при характеристике племен, подчиненных джебу-кагану и составивших его войско, вторгшееся в Закавказье. В этой характеристике на ряду с племенами, заплетающими косы, упомянуты племена, бреющие головы. Эти последние и можно противопоставить первым в качестве туземного населения Северного Кавказа и прилегающих к нему степей, где важнейшее место, без сомнения, принадлежало болгарам той эпохи их исторического существования, которая по болгарскому именнику характеризуется «стрижеными головами», т. е. до переселения за Дунай. [1] Можно думать, что бритье или стрижка головы у болгар не исключали и тогда наличия у них оставленного на макушке пучка длинных волос, удержавшегося затем долго не только в прическе населения нижнего Поднепровья, но и Северного Кавказа.

Среди каких косоносцев следует искать хазар: среди тех, которые издавна жили к северу от Кавказа, или тех, которых привел с собой джебу-каган или вообще турки в процессе завоевания западного побережья Каспийского моря? Не означает ли и самое название хазары коса-ров, — косоносцев, как истолковывал их имя Вельтман, [2] сближавший его, вместе с тем, с названиями кос-оги и к-осы, осы?

Появление хазар по вполне достоверным сведениям вместе с турками, под властью турецкого кагана и даже под именем восточных турок, без сомнения, может служить основанием для того, чтобы считать их одним из турецких племен, сравнительно поздно проникшим к западу от Каспийского моря. Сум полагал, что хазары явились из Средней Азии, оттуда, где известно племя хорсаров-хорасан. Однако в его представлении это переселение совершилось в

[1] Гильфердинг, История болгар, Собр. соч., I, стр. 23.
[2] Вельтман, Аттила и Русь, М., 1858, стр. 92.

доисторические времена и в течение своего продолжительного пребывания в Восточной Европе хазары успели переменить целый ряд вариаций своего первоначального имени.[1] Связывали наименование хазар с афганистанскими «хезаре», в составе которых имелись монголы и турки. Но «хезаре» не собственное племенное имя, а персидское обозначение военно-административного подразделения — «тысяча»[2] и, без сомнения, никакого отношения к прикаспийским хазарам не имеет, если не считать, что название последних могло возникнуть совершенно таким же образом. Z. Gombocz, вслед за Вамбери, производит название хазар от турецкого kaz-errer — «кочевник», т. е. истолковывает его в качестве нарицательного обозначения известной части населения, которая могла состоять из разных племенных групп. С тем же корнем kaz, по его словам, связано близкое по значению слово «казак». Вместе с тем этот автор все же причислял хазар к туркам и считал их особым народом — со своим языком или точнее диалектом.[3]

Турками считали хазар большинство старых исследователей, с тем отличием, что одни представляли их явившимися из Азии приблизительно в VII в. и частью покорившими, а частью вытеснившими болгар, тогда как другие производили хазар от оставшихся в Восточной Европе гуннов или даже от скифов, которых причисляли к туркам. Из наиболее ранних сторонников турецкой принадлежности хазар следует назвать Дегиня и Тунмана, из которых первый причислял хазар к гуннам, около V в. превратившимся в турок,[4] а второй выводил из скифо-сарматских племен.[5] Близки к последнему взгляды Сума,[6] который одним из первых начал заниматься специально вопросом о хазарах. Турецко-скифской ордой считал хазар Неуманн.[7] Позднейшим турецким вторжением объясняли появление хазар: Байер, Эверс, Лерберг, Вамбери, Аристов и некоторые другие, а в последнее время Готье.[8]

В качестве важнейшего подтверждения гипотезы о турецком происхождении хазар был использован неверный перевод персидской вер-

---

[1] Сум, Историч. рассуждения... о хазарах, М., 1846, стр. 11 сл.

[2] А. Самойлович, Турецк. и монг. элементы в насел. Афганистана, Афганист. сборник, М., 1924, стр. 105.

[3] Z. Gombocz, Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der Ungarischen Sprache, Mém. de la Soc. Finno-Ougrienne, XXX, Helsinki, 1912, стр. 198 сл.

[4] Degignes, Histoire des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux, I, Paris, 1756.

[5] Thunmann, Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker, Leipz., 1774.

[6] Сум, Историч. рассуждения о происхожд. народов и т. д., М., 1846.

[7] Neumann, Die Völker des südlichen Russlands in ihrer geschichtlichen Entwiecklung, Leipz., 1847.

[8] Байер, De muro Caucaseo, Comm. Acad., Petrop., 1728, I. То же: Северный Архив, XX; Эверс, Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen, Dorpat, 1814; Лерберг, О геогр. положении хазарск. крепости Саркел, Исслед., служ. к объясн. русской истории, Спб., 1819; Вамбери, Der Ursprung der Magyaren, 1882; Аристов, Зам. об этнич. составе тюркских племен, Жив. стар., 1896, III—IV; Готье, Хазарская культура, Новый Восток, 1925, 8—9.

спи Истахрия под именем Ибн-Хаукаля, сделанный Ousley'ем, где сказано, что хазары и турки говорили одним языком. [1] Френ указал ошибку переводчика. [2] В оригинале сказано прямо противоположное, а именно, что хазарский язык совершенно отличается от турецкого. Клапрот, который в предшествующих своих работах стоял на точке зрения турецкого происхождения хазар, после этого изменил свои взгляды по этому вопросу и вместе с Френом, M. Vivien St. Martin'ом и D'Ohsson'ом отнес хазар к угорской расе и связал с финнами. [3]

Противники гипотезы турецкого происхождения хазар опираются, во-первых, на производство названия одного из хазарских городов — Саркела — из финских языков и, во-вторых, на указания арабских писателей. Ибн-Фадлан, Ал-Истахрий и Ибн-Хаукаль [4] настолько согласно заявляют, что язык хазар не похож на турецкий и персидский и вообще ни на один из языков известных народов, что это свидетельство не может быть не принято во внимание. Однако полное согласие этих трех авторов никак не может считаться следствием их одинаковой осведомленности о действительном положении вещей. Это — повторение одного и того же известия, переходившего от одного автора к другому чисто литературным путем, а не независимые свидетельства разных лиц об одном и том же предмете. Впрочем и Табари отличает хазар от турок и алан. [5] В противоположность своему первому заявлению о том, что язык хазар не похож ни на какой другой, Ал-Истахрий и Ибн-Хаукаль далее согласно утверждают, что он одинаков с болгарским языком. Здесь же следует вспомнить еще одно свидетельство, имеющее отношение к вопросу об языке хазар. Оно принадлежит Константину Багрянородному и касается не хазар в целом, а только одного из хазарских племен — кабаров. По сведениям этого писателя, кабары вследствие междоусобной войны отделились от хазар и ушли в Венгрию. Сообщая об этом, Константин Багрянородный замечает, что язык кабаров отличался от венгерского. [6]

Древний болгарский или булгарский язык, с которым, по указанию арабских писателей, был сходен язык хазар, по новейшим исследованиям является ближайшим родственником чувашского языка, который не может считаться диалектом ни турецкого, ни монгольского языков. «Возможно, что чувашский язык прямой пото-

---

[1] The Oriental Geography, transl. by W. Ousley, Lond., 1880.
[2] De Chazaris, Excerpta ex scriptoribus Arabicis, Petr., 1882.
[3] Frähn, Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgaren, Mém. de l'Acad. de St. Pétersb., VI ser., v. I, l. 6; M. Vivien St. Martin, Sur les Khazars, Nouv. Ann. de Voyages, 1851, II—III; D'Ohsson, Des peuples du Caucase, P., 1828; Klaproth, Mémoires sur les Khazars, Mémoires relatifs à l'Asie, 1828, v. I, Tableaux historiques de l'Asie.
[4] Frähn, De Chasar, 591, 603, пр. 75; D'Ohsson, y. c., стр. 79, 103, 203; Караулов, Сб. мат. для оп. Кавк., в. XXVIII, стр. 112, в. XXIX, стр. 45; Гаркави, Сказ. мус. писат., стр. 219, 227; Куник и Розен, Изв. Ал-Бекри, стр. 61.
[5] Derbend-nâmeh, by Kazem-Beg, СПБ., 1851, стр. 163 (Табари).
[6] Конст. Багрянородный, о народах, перев. Ласкина, стр. 144 (гл. 39).

мок булгарского, прямое продолжение последнего — пишет наиболее авторитетный в настоящее время исследователь этого языка Н. Поппе — но возможно, конечно — продолжает он — что пра-чувашский и булгарский существовали на ряду, являясь двумя диалектами одного языка. Это и дает нам до некоторой степени право рассматривать булгарский язык как более древнюю стадию чувашского языка». [1] Более определенное заключение о месте булгарского языка в глоттогоническом процессе делает Н. Я. Марр: «Принадлежность речи чувашей и, следовательно, булгар по формальным признакам к языкам шипящей группы преемственно сближает их со скифами, до иранизации их одних верхов (никак не всех слоев полностью), говоривших на наречиях яфетической системы той же шипящей группы.» [2]

Основываясь на заключениях Н. Я. Марра, следует представлять иранизированные языки алано-осской группы сначала социальной особенностью верхов скифского населения, а затем локальной принадлежностью тех районов, где процесс иранизации успел охватить всю толщу их населения. В силу неравномерности социально-экономического развития и различной исторической среды иранизация скифских яфетических языков к моменту гуннского разгрома, когда ее распространение вширь и вглубь было остановлено, не была и не могла быть всеобщей. Чувашский язык и представляет, по Н. Я. Марру, этап дальнейшего развития этих яфетических по своему строю, не иранизованных скифских наречий. «Яфетические языки, в числе их и чувашский — пишет Н. Я. Марр, — представляют по типу переживание доисторического состояния человеческой речи, следовательно, доисторических, яфетических языков, из которых в различные эпохи и в разных странах вылупились семьи: и хамитическая, и семитская, и индо-европейская и, как теперь мы получаем возможность утверждать, так же угро-финская и монголо-турецкая, к которым нам перебрасывает мост чувашский язык». [3] Не отрицая родства чувашского языка с турецким, Н. Я. Марр происхождение этой близости видит именно в том, что чувашский язык «один — единственный» из языков Восточной Европы, «сохранившийся из той тесно связанной группы яфетических языков, из которой сложились впоследствии турецкие языки». [4] Анализируя термины чувашского языка и, прежде всего, племенные наименования, Н. Я. Марр заключает, что чуваш, как термин, представляет лишь разновидность сармат'а. [5] Такой же разновидностью последнего оказываются булгар и хазар. [6] Таким образом чуваши определяются, как творцы во-

[1] Поппе, Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецкому языкам, Изв. А. Н., в. 9—10, 1925, стр. 426.

[2] Булгарский язык, Б. С. Э., т. VIII, стр. 31.

[3] Н. Я. Марр, Чуваши-яфетиды на Волге, Чебоксары, 1926, стр. 15; Избр. работы, V, стр. 331.

[4] Там же, стр. 333.

[5] Там же, стр. 360.

[6] Там же, стр. 262.

сточноевропейских образований: более раннего — хазарского и позднейшего — болгарского, а самый чувашский язык, как остаток булгаро-хазарской группы языков средневековья.[1]

Изложенные выводы современного языкознания подтверждают показания арабских географов о родстве хазарского и болгарского языков, а равным образом и сведения об отличии этих языков от турецкого и венгерского, представляющих не только иные диалекты, но и другие лингвистические группы или семьи — турецко-монгольскую и угро-финскую, сложившиеся на основе того же яфетического субстрата, пережитком которого является чувашский язык. С другой стороны, бесспорное наличие турецких элементов не только в хазарском и болгарском, но и в чувашском языках не может быть объяснено в целом одним только единством происхождения, точнее глоттогонического процесса, и едва ли даже в чувашском обязано только позднейшему заимствованию в период татарского завоевания.[2] Рассмотренные выше данные о турках в Восточной Европе и на Кавказе выдвигают вопрос о роли турецкого элемента не только в политической истории хазар, но и в сложении этнических и культурных признаков этого народа.

---

[1] Там же, 358; Избр. работы, I, стр. 212.

[2] Махмут Кашгарский (втор. пол. XI в.) считает волжских болгар турками и сближает их язык с печенежским (Бартольд, История турко-монгольских народов, Ташкент, 1928, стр. 14).

III. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ХАЗАР

Хазарский каган Иосиф в письме к Хаздаи начинает историю своего народа с изгнания в-н-н-т-р'ов, т. е. болгар Аспаруха, бежавших на Дунай, и занятия их страны хазарами. Вся предшествующая история остается ему неизвестной, если не считать указанием на нее глухого упоминания о беспрерывных войнах, которые хазары, будучи еще малочисленными, вели со многими сильными и могущественными народами.[1] Неизвестно ему и прежнее местопребывание хазар, где они находились до занятия страны в-н-н-т-р'ов. Наши другие источники, поскольку они локализуют хазар, указывают их на нижней Волге. Там их знает уже Армянская география, приписываемая Моисею Хоренскому, сообщающая, что хазары приходят сюда на зимние пастбища.[2]

Между прочим, автору этого сообщения еще ничего не известно о существовании на Волге хазарского города Итиля. Называя некоторые другие хазарские города, он ни словом не упоминает о столице хазар Итиле. По рассказу Мирхонда, родоначальник хазар основал город при Волге и назвал его своим именем, а также приказал сеять вокруг города просо, единственный род хлеба, который мог расти в их стране.[3] Но откуда явился этот родоначальник, и для этого автора остается неизвестным. О том же, что хазары не всегда жили на Волге, прямо заявляет в своем письме наиболее авторитетный свидетель — каган Иосиф. Только у Феофана и Никифора указана страна, откуда пришли на Волгу победившие болгар хазары. Они называют ее внутренней Берсилией, лежавшей в Первой Сарматии. «Хазары, великий народ, вышедший из Верзилии (Берсилии), самой дальней страны Первой Сарматии,» — говорит об этом Феофан.[4]

О местоположении Берсилии существуют разные мнения. По Маркварту, она находилась севернее Дербента, в долинах Терека и Сулака, там, где, по сообщению Беладзори, Хозрой Ануширван встретился и заключил мир с каганом турок.[5] Действительно Белад-

---

[1] П. К. Коковцев, Еврейско-хазарская переписка, стр. 92.

[2] Патканов, Из нового списка географии, прип. Моисею Хоренскому, Ж.М.Н.Пр. (оттиск), стр. 28.

[3] Сум, Истор. рассужд., стр. 14.

[4] Летопись Феофана, стр. 263. У Никифора — из Берулии смежной с Сарматами.

[5] Marquart, Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, Leipzig, 1903, стр. 489.

зори и Кудама рассказывают о встрече персидского шаха и кагана в местности Ал-Баршалия, находившейся, повидимому, недалеко от Дербента.[1] По мнению Маркварта, это и есть та область, которая была древнейшим владением хазар; отсюда они переселились на Волгу. Вместе с тем он считает несомненной связь между Берсилией и названием племени барсилов или басилов, выступающих вместе с хазарами и в Истории Армении и в Армянской географии, приписываемых Моисею Хоренскому.

Выше уже приводилось сообщение Истории Армении о совместном нападении хазар и басилов на территорию Армении и об ответном походе против них царя армянского Хозрова на третьем году царствования персидского царя Артавапа, т. е. в конце II в. н. э. [2] Из этого сообщения видно, что в представлении автора хазары и басилы являлись древними жителями Северного Дагестана. Можно указать еще два известия о барсилах в той же Истории Армении, а именно: одно о вступлении одного из родов армянских нахараров аланского происхождения в свойство с каким-то могущественным басилом из числа переселившихся в Армению, [3] и другое — о войне Тердата с северными варварами и об единоборстве его при этом с царем баслов или барсилов. [4] Оба эти события относятся одно к первой, а второе ко второй половине III ст. н. э.

Как бы ни оценивать степень достоверности сообщений Истории Армении, неоднократное упоминание в ней баслов или барслов и локализация их в числе других варварских племен к северу от Дербента не могут не иметь реальных оснований. С этой точки зрения местность Баршалия в сообщениях арабских географов, названию которой, мне кажется, отвечает имя города Варачан у армянских авторов, дает достаточно определенные указания относительно местонахождения племени барсилов, страны Берсилии и первоначального местожительства хазар.

В армянских источниках имеются довольно определенные указания относительно местоположения города Варачана. «К северу (от Дербента), читаем мы в Армянской географии, близ моря, находится царство гуннов, на западе у Кавказа город гуннов Вараджан, а затем города гуннов Чунгарс и Мсндр». [5] В Истории агван имеется рассказ о путешествии агванского посольства к гуннам, заканчивающийся описанием того, как посольство, выйдя из Чога (Дербента), прибывает в «великолепный город Варачан», [6] в котором нельзя не узнать Вараджана Армянской географии. Вардапет Гевонд в Истории халифов также отличает страну гуннов как от находящейся

[1] Караулов, Свед. арабских географов о Кавказе, Сб. мат. для опис. местн. и пл. Кавказа, XXXII, стр. 29. D'Ohsson (Des peuples du Caucase, стр. 10, прим. 3) называет местечко Баршли к северу от Дербента.

[2] Ист. Армении, перев. Эмина, стр. 134.

[3] Там же, стр. 127.

[4] Там же, стр. 151. В Истории агван (стр. 21) предводителем северных варваров назван царь барслов.

[5] Патканов, Из нового списка, стр. 28.

[6] Ист. агван, 192; см. там же стр. 208.

южнее земли маскутов, помещавшейся к югу от Дербента, так и от других, более северных стран. Описывая поход арабского военачальника Муслима к Каспийским воротам, он сообщает, что, разбив гуннов, занимавших Дербент, и пройдя через врата Чора (Чога), мусульманские войска вошли в страну гуннов и подступили к гуннскому городу Тарки. Жители этой страны дали знать о том хазарскому кагану, который и явился на выручку с огромным войском.[1] В другом месте, сообщая о походе хазар на Армению, он указывает путь хазарского войска через землю гуннов, через проход Джорский, (Чора, Чога) затем по земле маскутов.[2] Нет никакого сомнения в том, что под страной гуннов армянские писатели подразумевали нынешний Северный Дагестан. Границей между этой страной и землей маскутов была Дербентская стена.

Тот же вардапет Гевонд повествует о походе арабского полководца Мервана в землю гуннов и о взятии им города гуннов.[3] Другой армянский источник, Вардан Барубердаци, в сообщении о том же походе называет этот город Варачан,[4] т. е. так же, как именует столицу гуннов История агван. В наиболее подробном арабском сообщении о войне Мервана с хазарами, принадлежащем Табари, город, взятый этим полководцем, называется Семендером[5] и вообще арабские писатели не знают города с названием Варачан или Вараджан точно так же, как армянские вовсе не упоминают Семендера, если не отождествлять с последним Мсндр, названный в Армянской географии на ряду с Вараджаном. Указанное взаимоисключение этих двух названий у армянских и арабских писателей, особенно в отношении к известию о походе Мервана, в связи с которым одни источники (армянские) называют Варачан, а другие (арабские) Семендер, — дает основание считать оба эти наименования относящимися к одному и тому же городу. Вероятность такого отождествления представится тем более очевидной, чем яснее будет тождество «страны гуннов» армянских писателей с владениями хазар, о войнах с которыми повествуют арабские географы и историки.

Выше уже излагалось место из Истории халифов вардапета Гевонда, из которого следует, что во время арабских завоеваний на Кавказе страна гуннов, расположенная в Северном Дагестане, была подвластна хазарам. То же самое можно заключить и из рассказа Истории агван о князе гуннском Илитвере или Алфилутвере, который обрисован в качестве вассала хазарского кагана.[6] Без сомнения, то же самое подвластное хазарам гуннское княжество знает Масуди под названием царства Джидан. По его словам это самое могущественное из всех царств, находящихся в этих странах, т. е.

---

[1] Ист. халифов вардапета Гевонда, перев. Патканова, СПБ., 1862, стр. 27—28.
[2] Там же, стр. 72.
[3] Там же, стр. 80.
[4] Всеобщая история Вардана Великого, пер. Эмина, М., 1861, стр. 95.
[5] Дорн, Известия о хазарах вост. ист. Табари, Ж.М.Н.Пр. 1844, XLIII, отд. II, стр. 87; Derbend-Nâmeh, стр. 190.
[6] Ист. агван, стр. 199.

на Восточном Кавказе. Жители Баб-ул-Абваба (Дербента) терпят, как он выражается, неприятности от его соседства. Столицей этого царства он называет город Семендер, который еще и в его время был населен хазарами, а в прежнее время, до арабских завоеваний, был столицею самих хазар.[1]

Некоторые исследователи отождествляют Варачан не с Семендером, а с другим хазарским городом Беленджером, основываясь на некоторой фонетической близости того и другого наименования.[2] В армянских летописях Беленджер также не упоминается. Он известен только по сведениям арабских писателей. Это название в свою очередь нередко отождествляют с именем татарского города Маджары, в связи с чем и самое местоположение Варачана (Беленджера) определяется на реке Куме, недалеко от г. Прикумска, где до настоящего времени имеется городище и селение Бургонмаджары, а в XVIII в. были видны развалины многочисленных кирпичных зданий, разобранные в дальнейшем русскими поселенцами в качестве материала для построек.[3] «Великие или большие Маджары по-персидски значит Баленмаджар, откуда легко получается имя Беленджер», пишет Н. Л. Караулов.[4] Однако археологические исследования, произведенные в городище, не подтверждают такого отождествления. «По всем наиболее достоверным, имеющимся в нашем распоряжении памятникам, — резюмирует свои разыскания в этом городище В. А. Городцов, — можно говорить о существовании Маджар только в XIII—XIV в.».[5] Что касается словопроизводства, по которому одно название Беленджер переходит в другое — Маджары,[6] то оно также вызывает сомнения. По К. Я. Гроту, Маджары — не собственное имя и на татарском языке значит «развалины».[7] Это название могло прилагаться к разным пунктам и Derbend-nâmeh знает Kitchi-madjar и Oulou-madjar — Малые и Большие Маджары, которые называет в числе городов, построенных Ануширваном по соседству с Дербентом,[8] и означающих, очевидно, уже не города, а только их остатки, развалины.

У арабских писателей города Семендер и Беленджер упоминаются нередко вместе и наряду с другими хазарскими городами, что как будто бы указывает на то, что арабы различали их между собой. Вместе с тем Масуди оба эти города указывает в качестве древних столиц хазарского царства. В одном месте он говорит, что столицей хазар до перенесения ее в Итиль был Беленджер,[9] а в другом, что Итиль стал столицей хазар после того, как Семендер был завоеван

---

1 Караулов, у. с., Сборн. мат. для опис. Кавказа, XXXVIII, стр. 43.

2 Дорн, Каспий, стр. 86, 233 и др.; Патканов, Арм. геогр., 38, прим. 138.

3 Г. Н. Прозрителев, Мажары, Ставрополь, 1905.

4 Караулов, у. с., Сборник, XXXVIII, стр. 20—21, примеч. 1.

5 Результаты археол. иссл. на месте Маджар в 1907 г., Тр. XIV арх. съезда, III, стр. 165.

6 Marquart, Streifzüge, стр. 16—17.

7 Грот, Моравия и Мадьяры, СПБ., 1881, стр. 751, примеч. 1.

8 Derbend-Nâmeh, by Mirza A. Kazem-Beg, 1851, стр. 6.

9 Караулов, у. с., Сборник, XXXVIII, стр. 23.

арабским полководцем Сулейманом.[1] В том и другом тексте, без сомнения, речь идет об одном и том же моменте — о перенесении хазарской столицы в Итиль на Волгу. Почему же в таком случае древней столицей хазар названы разные города? Сопоставляя известия арабских географов о Семендере и Беленджере, Гаркави давно уже пришел к заключению, что особого города Беленджера не существовало и что под этим именем подразумевается местность, где находился город Семендер.[2] Действительно, ни один из арабских писателей не дает описания Беленджера, как города, а в перечнях городов, где он фигурирует на ряду с Семендером, не чувствуется уверенности в его локализации. Так, например, у Ал-Мукаддасия в одном месте Семендер назван между Булгаром и Суваром, а Беленджер заканчивает список,[3] в другом — они меняются местами.[4] У других арабских писателей Семендер и Беленджер упоминаются рядом в числе городов, построенных по указу персидского шаха Ануширвана. Ибн-Факих, сообщая персидскую версию о постройках Ануширвана и указывая в числе основанных им городов Семендер и Беленджер, в другом месте приписывает построение последнего Беленджеру, сыну Иафета.[5]

У восточных средневековых писателей, выводивших известные им народы от того или другого из сыновей библейского Ноя, название народа часто отождествляется с именем его эпонима. В данном случае имя Беленджер, без сомнения, употреблено в смысле названия народа. В других частях своего сочинения этот автор называет реку Беленджер, за которой был убит хазарами полководец Сальман, и местность, где находилась его могила.[6] По Табари, Беленджер — это государство со многими городами.[7] Город Беленджер в его описании не что иное, как временный лагерь кочевников, окруженный для защиты телегами (табор).[8] Итак, пересмотр источников вполне оправдывает мнение Гаркави об отношении друг к другу названий Семендер и Беленджер. Последнее принадлежало собственно стране и народу, но иногда употреблялось и для обозначения главного города — Семендера, что и приводило к путанице недостаточно близко знакомых с краем и его историей арабских географов, большинство которых к тому же черпало свои сведения из немногих первоисточников чисто литературным путем. Некоторые из них, не находя города Беленджера в Прикавказьи, помещали его на Волге, приурочивая к Итилю,[9] носившему несколько названий

[1] Караулов, у. с., Сборник XXXI, стр. 37 и 48.
[2] Гаркави, Существовала ли у хазар столица под названием Беленджер? (оттиск), 1877.
[3] Караулов, у. с., Сборник, XXXVIII, стр. 3.
[4] Там же, стр. 4.
[5] Он же, Сборник, XXXI, стр. 15, 19.
[6] Там же, стр. 11, 29.
[7] Дорн, у. с., стр. 13.
[8] Там же, стр. 23.
[9] Абульфеда (Géographie d'Aboulfeda, фр. перев., II, стр. 325—326). Этот писатель послужил источником Карамзину.

в соответствии с несколькими частями, из которых он состоял, что точно также служило источником для путаницы и недоразумений.

К сказанному следует добавить, что Беленджер отнюдь не является безусловно правильной передачей названия города или страны, которую имели в виду арабские географы. В той версии Табари, отрывки из которой издал Казамбек в приложении к Derbend-nâmeh,[1] во всех случаях вместо Беленджер читается Bulkher. Издатель по этому поводу справедливо заметил, что Bulkher и Беленджер означают одно и то же; различие же в названиях объясняется особенностями арабской транскрипции, легко приводящей к подобного рода разночтениям одного и того же наименования.[2] Более правильное и первоначальное из них, без сомнения, не Беленджер, а Bulkher, означающее то же самое, что армянское Булгар, т. е. болгар, которые, как мы знаем, населяли степи Северного Прикавказья и имя которых сохранилось в нынешних балкарах. Эти-то болгары, а не фантастические беленджеры, и были создателями того города, который, по словам Ибн-Факиха, был назван по их имени.

История Дербента (Derbend-nâmeh), которая писалась на основании арабских литературных источников, проверенных и подкрепленных местными воспоминаниями и топонимическими сопоставлениями,[3] дважды называет город Balkh (Belkh),[4] соответствующий Bulkher'у Табари. В редакции Derbend-nâmeh, изложенной Клапротом, говорится, что город Balch получил название Endery по имени наместника, назначенного в этот город сыном хазарского кагана.[5] Развалины Ендери до сих пор известны в Северном Дагестане и находятся на берегу р. Сулака.[6] На ряду с Balkh'ом в Derbend-nâmeh называется и Семендер (Samand), причем указывается и его местоположение, соответствующее нынешнему Тарки,[7] но только в перечне построек Анушírвана. Никакой роли в дальнейшем повествовании Семендер не играет, хотя описываются те же самые походы, в связи с которыми его называют арабские писатели, иногда, как мы видели, заменяющие Семендер Беленджером.

Из сказанного как будто бы следует, что три имени, известные нам по армянским и арабским источникам, а именно: Варачан, Семендер и Беленджер или точнее Балкар означают один и тот же город, древнюю столицу хазарского царства в Северном Дагестане. Местоположение его определяется различно. Опираясь на прямое указание Derbend-nâmeh, этот город следует искать на месте нынешнего Тарки. Однако косвенно тот же источник отождествляет его с Ендери. Название Ендери созвучно с Семендером и этот же город, по Derbend-nâmeh, назывался Belkh, т. е. Беленджер.

---

1 Derbend-nâmeh, стр. 156 сл.

2 Там же, стр. 162, прим. 12.

3 Бартольд, К вопросу о происх. Дербенд-намэ, Иран, I, 1926, стр. 42 сл.

4 Derbend-nâmeh, стр. 6, 65.

5 Там же, стр. 68; Дорн, Beschreibung des östlichen Kaukasus (1814) стр. 98.

6 D'Ohsson, Des peuples du Caucase (1828), стр. 174, примеч. XVI; Дорн, Каспий (карта).

7 Там же, стр. 7.

Относительно местоположения Семендера Ал-Истахрий, а вслед за ним и Ибн-Хаукаль дают противоречивые показания. В одном месте они определяют его в 8 днях пути от Итиля и в 4 от Баб-ул-Абваба (Дербента), [1] в другом в 7 днях от Итиля и в 4, а по другим спискам Ал-Истахрия тоже в 7 днях от Баб-ул-Абваба. [2] Масуди дает новый вариант расстояний: от Семендера до Баб-ул-Абваба 6 дней, а до Итиля 7 дней пути. [3] Ясно, что какие-то из этих указаний спутаны перепиской. Более или менее совпадают у всех авторов расстояния от Семендера до Итиля: 7—8 дней пути. Исчисляя день пути в 35—40 километров, найдем, что расстояние от Итиля до Семендера равнялось приблизительно 300 километрам, из чего следует, что поиски Семендера нужно производить южнее р. Кумы, в районе Терека и Сулака. Вестберг, отдавая предпочтение показаниям Масуди, локализует Семендер в низовьях Терека, на месте нынешнего города Кизляра. [4] Этот пункт приходится приблизительно на середине расстояния между устьем Волги и Дербентом, что соответствует указанию на 7-дневный путь до Семендера с одной и 8-дневный с другой стороны.

Древнейшее описание Семендера принадлежит Ал-Истахрию, писавшему около 930 г. Оно очень скупое и ограничивается сообщением, что постройки в городе деревянные с выпуклыми кровлями, что в нем есть мечети, а вокруг много садов. В пространстве между ним и Баб-ул-Абвабом находятся многочисленные сады, принадлежащие семендерцам, и говорят, — пишет Ал-Истахрий, — что они содержат в себе приблизительно около 4000 виноградных лоз, доходя до пределов Серира, а главную часть в этих садах составляет виноград. [5] Ибн-Хаукаль, повторяя сведения Ал-Истахрия, увеличивает число виноградных лоз до 40 000; кроме мечетей указывает в городе христианские храмы и еврейские синагоги; жилища хазар называет шатрами, а постройки описывает сделанными из переплетенных прутьев и с остроконечными крышами. Проверяя сведения своего источника расспросами очевидцев, он отмечает, что в его время (писал в 977—978 г.) город находился в таком запустении вследствие разгрома, недавно причиненного русскими, что оставшееся от его многочисленных садов и виноградников можно сравнить с милостыней для бедных.[6]

В описании Ал-Мукаддасия новостью является определение Семендера большим приморским городом. По словам этого автора, он обширнее Хазара, т. е. Итиля. В остальном Ал-Мукаддасий повторяет сведения Ал-Истахрия и Ибн-Хаукаля с тем лишь разве отличием, что большую часть жителей причисляет к христианам, отмечая, что жители города, хотя и занимаются разбоем, все же люди

[1] Караулов, у. с., Сборник XXXVIII, стр. 118; XXXIX, стр. 55.
[2] Там же, XXXVIII, стр. 107; XXXIX, стр. 39.
[3] Там же, XXXVIII, стр. 43.
[4] К анализу вост. источников о Вост. Европе, Ж.М.Н.Пр. 1908, (март), стр. 43.
[5] Караулов, у. с., XXIX, стр. 47.
[6] Там же, XXXVIII, стр. 114.

кроткие и любящие чужестранцев.[1] Во всех этих описаниях основным признаком Семендера выступает обилие садов и виноградников. Видно, что земледелие и специально садоводство являлись основным занятием жителей города и прилегающей к нему страны. По Ал-Истахрию сады тянутся до Баб-ул-Абваба и соседнего с Семендером царства Серир, по его же указанию находившегося в 2 фарсахах от города.[2]

Гаркави, отождествляя Семендер с Тарки, все же полагал, что арабские географы смешивали его с Кизляром, известным в настоящее время обширными виноградниками.[3] Вестберг отчасти опирается на то же сходство в значении виноградарства между древним Семендером и современным Кизляром, приурочивая первый к последнему.[4] Имея в виду определение Семендера «приморским городом», какое имеется в известии о нем Ал-Мукаддасия, локализацию этого города на месте современного Кизляра, т. е. почти в 50 километрах от моря, нельзя не признать не соответствующей всей совокупности данных. Конечно, арабскому указанию на приморское положение города можно было бы не придавать буквального значения, будь в нашем распоряжении достаточные основания помещать этот город в отдалении от морского берега, а в особенности, если бы это определение не было со всей ясностью конкретизировано в сообщении армянского историка вардапета Гевонда.

Выше было установлено, что царство Джидан с главным городом Семендером, известное по арабским источникам, армянские историки называют землей гуннов, а столицу ее Варачаном. В связи с этим было также отмечено, что в рассказе о походе арабского полководца Мервана на хазар и о взятии их главного города у армянских писателей последний носит название Варачан, тогда как арабское сообщение о том же самом событии называет Семендер. В виду этого мы имеем все основания для того, чтобы армянские данные о «великолепном городе Варачане» рассматривать в качестве относящихся к Семендеру. А если это так, то на основании сведений, сообщаемых вардапетом Гевондом, Семендер надо признать приморским городом в совершенно буквальном смысле этого определения. «По взятии города — пишет он — когда жители увидели, что неприятель одолел их, то многие из них стали бросать имущество свое в море, а другие и сами бросались в море и погибали в безднах его».[5] Если в этом сообщении об ожесточении отчаявшихся в спасении жителей есть хоть капля истины, а для выдумки в данной связи как будто бы не было оснований, то местоположение Семендера на самом берегу моря придется признать весьма вероятным. Отсюда же, как следствие, вытекает полная невозможность локали-

---

[1] Там же, XXXVIII, стр. 5. Ср. Худуд ал-алем, Рукопись Туманского, Л., 1930, стр. 31.

[2] Там же, XXIX, стр. 47.

[3] Сказания мусульм. писат. о славянах и рус., стр. 229.

[4] К анализу вост. источн. Ж.М.Н.Пр. 1908, март, стр. 41 сл.

[5] Ист. халифов, стр. 80.

зации города ни в устьи Терека, не говоря уже о Кизляре, ни даже в устьи Сулака, по причине обширных болотистых низин, тянущихся в этом месте вдоль берега Каспийского моря, тех самых низин, которые заставили Вестберга отнести местоположение Семендера на Тереке к Кизляру, так как ниже последнего нет подходящих условий ни для поселения, ни тем более для разведения винограда.[1] Выходит, что наиболее вероятным местом Семендера было побережье возле современного города Махач-Кала, где высокий берег близко подходит к морю и где как в прежнее время, так и ныне имеются прекрасные условия для садоводства. Возвращаясь с этим выводом к вопросу о разноречии в показаниях арабских писателей о расстояниях между Семендером и Дербентом, с одной стороны, и между Семендером и Итилем — с другой, мы найдем, что локализация Семендера в районе города Махач-Кала полностью подтверждает наиболее распространенную и наиболее древнюю версию: Махач-кала находится приблизительно на трети расстояния между Дербентом и Волгой, что вполне отвечает отношению 4 дней пути и 8-ми (Истахрий).

Что касается отождествления Семендера с нынешним Тарки, находящимся недалеко от г. Махач-Кала, к югу от него, то оно совершенно ненадежно, хотя и восходит к Derbend-nâmeh. В описании похода Сельмана в Derbend-nâmeh говорится, что хазарский каган, разбив арабского полководца на берегу Дарвагчая — речки, находящейся недалеко от Дербента, отступил сначала к Himri (теперь Кая-кент), а оттуда к большому, хорошо укрепленному городу Jnji, защищенному с одной стороны морем, а с другой горами и находящемуся в 3 фарсахах от Тарки. Оттуда он направился в г. Gulbach, который иначе назывался Jhran.[2] В тот же город Jnji бежал царевич хазарский Пашенк, разбитый на берегах реки Даргваг, вблизи Кая-кента. Из Jnji он перешел в уже известный нам Balkh. Преследуя хазар, арабский полководец Джеррах занял Кая-кент, прошел до Тарки (Tarkhu) и затем подступил к Jnji. Хазарский начальник этой крепости бежал в крепость Kaivan, а по списку, изданному Клапротом, в Narinkala, которую Джеррах вслед затем и осадил.[3] Из изложенных описаний ясно, что Jnji находился севернее Тарки, т. е., если основываться на указании Derbend-nâmeh, Семендера. Однако о Семендере при этом не говорится ни слова.

Табари, описывая те же походы, также называет Тарки, но не отождествляет его с Семендером, а показывает находящимся на пути между Дербентом и Bulkher'ом. По его словам, Джеррах, выйдя из Дербента, занял город Гасзин (Хашин), потом Берау или Бергху (т. е. Тарху — Тарки) и затем уже направился к Беленджеру (Bulkher'у), правитель которого убежал в Семендер.[4]

[1] По Derbend-nâmeh на месте Кизляра была крепость Surkhab (стр. 7).
[2] Derbend—nâmeh, стр. 39—40 и 68.
[3] Derbend-nâmeh, стр. 64—66 и 68—69.
[4] Там же, стр. 174—175; Дорн, Изв. о хазарах Табари, стр. 23—24.

Теми же главными пунктами определяется направление похода Масламеха. Из Дербента он пришел к Гузнаину (Гасзину—Хашину), состоявшему из двух городов, [1] затем к Беленджеру и к Семендеру. [2]

Сопоставляя эти три описания, если и следует какие-нибудь из названий отождествлять, то никак не Семендер с Тарки. Большой приморский город Jnji, упоминаемый в Derbend-nâmeh и неизвестный арабским писателям, более соответствует признакам Семендера, чем незначительный Тарки. [3] В настоящее время название Инджи (Jnji) употребляется среди кумыков для обозначения местности, занятой г. Махач-Кала. Здесь на скале, тянущейся вдоль морского берега, находится Петровская крепость, но никаких признаков более древнего укрепления или поселения не обнаружено. Судя по этому, Семендер находился в другом месте. Опираясь на данные Derbend-nâmeh, больше оснований отождествлять Семендер не с Инджи или Тарки, а с Ендери и притом не только по созвучию этих наименований, но и потому, что по указанию этого источника Ендери ранее назывался Беленджер. Созвучие в названиях Ендери и Семендер особенно убедительно, если у последнего отбросить приставку «сем», «сам», характерную для наименований многих хазарских городов: Сам-крц, Сам-бат, Самкиор, Сам-бюртес. По Бруцкусу, эта приставка значит «верхний» и часто употреблялась для обозначения поселения. Сам-ендер, по его толкованию, значит — город племени ендер. [4] Хотя о существовании племени с таким названием нам ничего не известно, а истолкование приставки «сам» — не убедительно, догадка Бруцкуса о составных частях наименования Семендер весьма вероятна. Если это так, то название современного аула Андреево или Ендери, находящегося недалеко от Хасав-юрта на речке Ак-таш, можно принять за единственный пока реальный остаток древней хазарской столицы Семендера — Сам-ендери, образовавшийся тем же путем, каким название Сам-крц превратилось в Керчь. Однако старый аул Ендери находился не на морском берегу и не может быть назван приморским городом. Окончательное решение вопроса о местоположении Семендера надо оставить до археологических исследований, до сих пор с этой целью еще не производившихся. Во всяком случае ясно, что Семендер надо искать не на Тереке и не в Тарки, а вблизи Сулака, скорее всего даже не на морском побережьи, а на берегу этой реки.

Выяснив приблизительное местоположение Семендера к северу от Тарки (может быть, недалеко от него), мы тем самым устанавли-

---

[1] Хашин Табари соответствует Кая-кенту Derbend-nâmeh, где последний прямо отождествлен с Хашином. Кая-кент находится прибл. в 50 клм. к северу от Дербента (Дорн, Tabaris Nachrichten über die Chazaren, стр. 466, примеч.)

[2] Дорн, у. с., стр. 82.

[3] В Деяниях Петра Великого (часть VIII, стр. 238) упоминается о развалинах древнего города в 37 верстах от Тарки между морем и горами; И. Березин, Путешествие по Востоку, 1849, примечания, стр. 42, XXII.

[4] Ю. Д. Бруцкус, Письмо хазарского еврея от X в., Берлин, 1924.

ваем местонахождение страны гуннов армянских источников, которая, как мы видели, была вместе с тем страною болгар (Bulkher). В эту страну и в ее большой торговый город при море вела дорога из Дербента, о которой говорит Табари. [1] Ибн-Хаукаль, описывая путь от Дербента к Итилю, говорит, что до Семендера дорога идет по населенной местности, а затем продолжается по степи. [2] Населенная область и степь здесь ясно противопоставлены, как территории с разными гео-физическими условиями и с разными типами хозяйства: оседлого, земледельческого и кочевого-скотоводческого. Семендер находился на границе между ними. В связи с этим представляет интерес указание Элькуфи о месте гибели Сельмана или Муслима-бен-Рабиаха в степях Беленджера, близ большой реки. [3] В арабском тексте Табари, в рассказе о войне Месламы с хазарами, упоминается о горах Беленджера. Все эти топографические признаки Беленджера или Bulkher'а — страны болгар — совпадают только с условиями Северного Дагестана, где к северу от долины р. Сулака начинается степь, а с запада близко подходят Кавказские горы.

Другое подтверждение предложенной локализации можно извлечь из указания Ал-Истахрия о расстоянии между Семендером и соседним царством Серир, граница которого, по словам этого автора, находилась всего в 2 фарсахах (10—15 километров) от города. [4] По Ибн-Хаукалю и Истахрию, Серир отделяли от Дербента, который служил портом для первого, три дня пути. [5] Следовательно, это царство находилось ближе к Дербенту, чем Семендер, расстояние до которого измерялось четырьмя днями пути. Вместе с тем известно, что Серир помещался в горах и, по словам Масуди, благодаря своей недоступности успешно воевал с хазарами, которые жили на равнине. [6] По всей видимости это царство занимало северо-восточный угол Дагестана, т. е. Андийский отрог Кавказа, современную Аварию, с которой его сближает и название царя Серира у Ибн-Русте — авар. [7] Находясь здесь, царство Серир действительно являлось ближайшим соседом страны болгар и ее главного города Семендера.

Из предшествующего изложения вытекает, что Семендер было собственное имя города, известного кроме того еще и по названию народа или страны, в которой он находился. Такими названиями в устах византийских писателей была Берсилия, или Верзилия, у арабов Баршалия и у армян в одних случаях басилы или барслы, а в других Варачан. Оставляя в стороне наименование этой

[1] Дорн, у. с., стр. 8.
[2] Караулов, у. с., Сборник XXXVIII, стр. 107.
[3] Дорн, у. с., стр. 96—97. См. также Баладзори, Книга завоевания стран, перев. Жузе, Баку, 1927, стр. 14.
[4] Караулов, у. с., Сб. XXXVIII, 114; XXIX, 47. Ср. указания Ибн-Русте (там же, XXXII, стр. 45) и Гардизи (Бартольд, Отчет, Зап.А.Н., сер., VIII, I, 4, стр. 124).
[5] Караулов, у. с., XXXVIII, стр. 38; XXIX, 55.
[6] Там же, XXXVIII, стр. 53.
[7] Там же, XXXII, стр. 53.

страны у армян землею гуннов, а у арабов царством Джидан, причем второе едва ли не является иной передачей того же самого обозначения, не трудно заметить, что все выше перечисленные названия представляют очень близкие варианты одного и того же наименования. Кроме того, и город и страна обозначались и еще одним особым наименованием — Болгар, в арабской транскрипции превратившимся в Беленджер.

В дальнейшем нам предстоит выяснить отношение между указанными двумя основными названиями, т. е. между болгары и барсилы (откуда — Берсилия), но перед этим необходимо остановиться на одном сопоставлении, представляющемся на первый взгляд совершенно закономерным и весьма заманчивым.

В хазарском письме кагана Иосифа упомянуты река В-р-шан, возле которой каган со своим двором проводит лето,[1] а в Хазарской книге Иехуды Галеви горы В-р-сан, связанные с обращением хазарского кагана в иудейскую религию.[2] Эти названия, сходные между собой, очень близко напоминают вместе с тем армянское имя города Варачан, что и ведет к локализации реки, гор и города в одной стране с общим для всех их наименованием. Сближение реки В-р-шан письма Иосифа, гор В-р-сан Хазарской книги и армянского названия города Варачан — было предложено Гаркави[3] и Гиршфельдом. В другой своей работе Гаркави предлагал читать вместо В-р-шан Уд-шан и видеть в этом названии вариант известного по Птоломею имени реки Кумы—Удон.[4] Гиршфельд сопоставлял реку В-р-шан с рекою Вардан, которая у Птоломея означает нынешнюю Кубань.[5] Были и другие попытки определения реки В-р-шан, основанные на сближениях с современными или древними названиями рек и на соответствующих поправках к чтению ее имени в письме Иосифа. Маркварт предложил даже читать вместо реки В-р-шан горы В-р-сан и полностью отождествить пункты, указанные и в хазарском письме и в еврейском сочинении.[6] Эти горы он указывает к северу от Дербента, но все же слишком далеко от Итиля, расстояние от которого до реки В-р-шан, по указанию Иосифа, равнялось 20 фарсахам, т. е. самое большее 100—120 километрам.[7] По той же причине, т. е. в виду несоответствия расстояний, необходимо отвергнуть отождествления реки В-р-шан с реками Кумой и Кубанью И уже конечно совершенно невероятно сближение по месту нахождения названий В-р-шан и Варачан с именем города

---

[1] Коковцев, Еврейско-хазарск. переписка, стр. 85—86 и 102.
[2] Там же, стр. 133.
[3] Сказание еврейских писателей о хазарах, 1874, стр. 54.
[4] Ein Breifwechsel zwieschen Cordova und Astrachan, Russ. Revue, 1875, VI, стр. 89.
[5] Das Buch Al-Chazari des Abû-l-Hasan Iehuda Hallevi, Uberz. von H. Hirschfeld, стр. XXIX сл.
[6] Marquart, Streifzüge, стр. 19 сл.
[7] Величина фарсаха колебалась весьма сильно, чаще всего равняясь 5—6 км (Бартольд, Ист. геогр. обзор Ирана, стр. 8; Дорн, Каспий, стр. XXXVIII и 314).

*

Варсана, или Варасана,[1] известного со слов Табари об осаде этого города хазарами, отбитой арабским полководцем Джеррахом, и находившегося в Азербайджане между Бейлеканом и Ардебилем.[2] Имя этого азербайджанского города, может быть, и не случайно близко к названию дагестанского Варачана, о чем свидетельствует наличие в районе, где первый из них надо искать, реки Болкару, находящейся у северной оконечности Талышского хребта,[3] а также селения Болгар-Кент и города Белясувар, название которого, повидимому, составилось из двух известных болгарских племенных имен: биляр и сувар,[4] но о тождестве их безусловно не может быть речи.

Несмотря на пренебрежительный отзыв П. К. Коковцева о «необоснованных» сопоставлениях Вестберга,[5] последний наиболее правильно подошел к решению вопроса о местоположении реки В-р-шан. Он указал, что в данном месте письма говорится не о границах Хазарии в целом, а только о дельте реки Волги, где находилась ставка кагана, и отождествляет В-р-шан с одним из волжских рукавов, название которого в форме Идшан легло в основу наименования одной из частей хазарской резиденции Идшкенд.[6] Действительно, совершенно невероятно, чтобы громадная страна, какой была Хазария в эпоху Иосифа, простиралась от Итиля к востоку всего только на 20, к югу на 30, к западу на 40 и к северу на 30 фарсахов пути.[7] Это сравнительно ничтожные расстояния, колеблющиеся при обычных размерах фарсаха в пределах 100—200 километров. К тому же рядом с указанными расстояниями Иосиф приводит другие, где счет ведется уже не на фарсахи, а на дни пути и которые действительно определяют протяжение хазарских владений. На восток они тянулись на 4 месяца пути. Народы, подвластные хазарам на западе, также занимали пространство протяжением в 4 месяца пути.[8]

Что при указании расстояний фарсахами речь идет только о месте поселения хазар, об Итиле, можно видеть хотя бы из того, что размеры одной только части этого поселения или одного города — того, где живет царица, указаны вместе с прилегающими к нему деревнями в 50 фарсахов в длину и в ширину. Второй город с пригородами простирался на 8 фарсахов в длину и в ширину и, наконец, третий, в котором жил сам Иосиф, был самым маленьким и имел всего 3 фарсаха в диаметре.[9] Из контекста совершенно ясно, что,

---

[1] Гаркави, Евр. библ., V, стр. 165; Он же, Сказ. о хазарах, стр. 54; Hirschfeld, у. с., стр. XXVII сл.
[2] Дорн, Изв. о хазарах, стр. 67 сл; Баладзори здесь называет степь Варсана (Книга завоев. стран, перев. Жузе, Баку, 1927, стр. 16).
[3] Дорн, Каспий, карта и стр. 547, особ. XXXI.
[4] Догадка сотр. Дагест. музея т. А. К. Губайдуллина.
[5] Коковцев, у. с., стр. 86—87, примеч. 4.
[6] К анализу вост. ист., Ж.М.Н.Пр. 1908, март, стр. 41.
[7] Коковцев, у. с., стр. 87.
[8] Там же, стр. 81, 82, 98, 100, 102.
[9] Там же, стр. 102.

указывая размеры в фарсахах, Иосиф имел в виду обозначить то место, которое было занято поселением, расположенным среди Приволжских степей, где находились города и прилегающие к ним деревни, или, точнее, хутора с наследственными землями отдельных хазарских родов, покрытые пашнями, садами и виноградниками.

Весь этот населенный комплекс, судя по указанию Иосифа, находился на острове или, вернее, на островах, так как части его были разделены протоком, а может быть, и протоками Волжской дельты. С востока он примыкал к Каспийскому (Г-р-канскому) морю, с севера и с запада его ограничивала река Бузан, являвшаяся рукавом реки Уг-ру, отделявшей заселенное пространство с южной стороны. Если допустить, что Бузан письма Иосифа соответствует современному рукаву Волги Бузану, или Пузану, отделяющемуся от главного русла в 50 километров выше Астрахани, то определение местоположения хазарских поселений на Волге, может быть, и не окажется столь невыполнимой задачей, какой она представлялась до сих пор.

Во всяком случае, о том, что следы пребывания хазар на Волге смыты и уничтожены этой рекой, не может быть и речи. Их не находили до сих пор не потому, что их нет, а потому, что не искали или не умели отличить от остатков позднейшей, татарской эпохи.

Летнее путешествие Иосифа с его двором и слугами не выходило за пределы этого заселенного пространства в Волжской дельте, где, без сомнения, находилась и река В-р-шан.

«Трудно в точности определить по данным письма величину фарсанга Иосифа», — говорит Вестберг, — насколько могу судить, фарсанг Иосифа по величине своей приближается к нашей версте».[1]

Что касается горы В-р-сан Иехуды Галеви, находившейся близ моря, и пещеры в ней, где евреи праздновали субботу и где хазарский царь принял иудейскую религию, то для точной локализации ее нет достаточных данных.[2] Можно допустить, что она находилась в Северном Дагестане и названа по имени страны, которая в армянских известиях называется страной гуннов с главным городом Варачаном, в арабских царствах Джидан с столицей Семендером, а в византийских Берсилией или Верзилией, т. е. именем, близким к В-р-шан и В-р-сан.

В письме кагана Иосифа перечислены страны и племена, входившие в X в. в состав Хазарии по южной — кавказской — ее границе. Между прочими здесь указана страна Т-д-лу, в которой находился город Семендер.[3] Название ее не совпадает ни с одним из других известных нам наименований, связывающихся с Семендером. Этого обстоятельства нельзя не отметить, но оно не может поколебать уже полученный вывод о том, что Берсилия, откуда по сведениям византийских писателей вышли хазары, была страной болгар в Се-

---

[1] Вестберг, у. с., стр. 41.
[2] Marquart, Streifzüge, стр. 19 сл.
[3] Гаркави, у. с., стр. 100.

верном Дагестане. Мы видим, таким образом, что болгарские племена занимали не только Причерноморье и Приазовье, но и все пространство степей, прилегающих с запада к Каспийскому морю.

По Гардизи и Ибн-Русте болгары делились на три отдела: «один отдел зовется берсула, другой — эсегел и третий — болгар». [1] Произношение второго наименования точно не установлено. [2] Бартольд у Гардизи читает «искил». [3] Местоположение этого раздела болгар определяется указанием Ибн-Русте, по которому мадьяры жили между землей печенегов и землею болгарских эсегел. [4] У Гардизи место печенегов занимают болгары, так что мадьяры помещаются между болгарами и эсегел. [5] Хвольсон, принимая указанных здесь мадьяр находящимися на Дунае, думал, что в эсегел следует видеть живущих с древних времен в Семиградьи saculi или seculi, нынешних секлов или секлеров, называющих сами себя sekel. В подкрепление своего мнения он ссылался на Нотарий анонима короля Белы, который знал уже о сикулах в Семиградьи и считал их потомками гуннов, а также на сообщение того же автора о хазарах, которые при прибытии мадьяр жили по близости от Семиградья. Смысл последнего сообщения, по Хвольсону, заключается в том, что аноним заменил обозначение болгар именем сродного им племени хазар. [6] Не считая сближения Хвольсона вполне убедительными, [7] все же нельзя не отметить, что, по смыслу сообщения арабских писателей, эсегел'ы находились к западу от мадьяр, как бы мы ни определяли местоположение последних, охарактеризованное у Русте и Гардизи в высшей степени неясно, [8] так как печенеги наседали на мадьяр все время с востока. Болгары, заменяющие печенегов у Гардизи, тоже могут быть только восточными болгарами.

При решении вопроса о местоположении эсегел нужно учесть, что название их как у Ибн-Русте, так и у Ал-Бекри пишется «аскл» или «ашкл», [9] что напоминает название города волжских болгар Ошел или Ашля, взятого русскими в 1220 г. По мнению Аристова, эсегел может быть испорченное усергень — ныне башкирский род. [10] Если считать эсегел племенем волжских болгар, то надо полагать, что у арабских писателей речь идет о жительстве мадьяр к востоку от Волги, т. е. до переселения их за эту реку, что не вяжется со всеми другими признаками их страны, приведенными у названных арабских писателей. Не невозможно вместе с тем, что племенное название эсегел было известно как среди волжских, так и западных болгар. Ведь чем же иным, как не старыми связями между

[1] Хвольсон, Известия Ибн-Даста, стр. 22.
[2] Там же, стр. 92.
[3] Бартольд, Отчет о поездке в Ср. Азию, стр. 121.
[4] Хвольсон, у. с., стр. 25.
[5] Бартольд, у. с., стр. 121.
[6] Хвольсон, у. с., стр. 96.
[7] Грот, Моравия и мадьяры, СПБ., 1881, стр. 302 сл.
[8] Marquart, у. с., стр. 30, сл.; Вестберг. у. с., стр. 20 сл.
[9] Хвольсон, у. с., стр. 95.
[10] Аристов, Заметка об этнич. составе. Жив. стар., 1896, III—IV, стр. 407.

теми и другими, надо объяснить появление около 970 г., правда не в Болгарии, а в Венгрии, где болгарский этнический элемент играл немаловажную роль, так называемых Bilers, т. е. билярских болгар, по всей вероятности в связи с разгромом Приволжской Болгарии Святославом прибывших туда под начальством двух братьев Бикла и Боксу, а затем пополнившихся другой группой переселенцев под предводительством некоего Хесена, основавших город Пешт. [1]

О местонахождении берсула никаких прямых указаний нет. Но зато это наименование представляет очень близкий вариант к известным уже нам названиям болгарской страны Берсилии и племени басилов или барслов, к которому, надо полагать, относится и арабское наименование берсула. Таким образом мы получаем возможность локализовать болгар-берсула в юго-восточной части Прикавказских степей. В противоречии с этим выводом находится указание местоположения баслов или, по другим данным, барслов, т. е. берсула арабских географов, какое имеется в Армянской географии. В этом памятнике они помещены в дельте реки Волги. «Среди этой реки,—говорится в Армянской географии,—находится остров, на котором укрывается народ баслов... Остров называется Черным потому, что он кажется черным от множества баслов, населяющих его вместе со своими стадами». [2] По всем признакам пространная редакция Армянской географии, в которой находится приведенное известие, относится ко времени не ранее конца VII в., так как ей известно о поселении болгар Аспаруха на Дунае, которое произошло в шестидесятых годах VII в. Можно, следовательно, полагать, что она отмечает то положение баслов, или берсула, какое это болгарское племя имело ко времени составления этого памятника, а что ранее (принимая во внимание другие данные о барсилах и Берсилии) они жили в Северном Дагестане. Можно, наконец, думать, что распространение барсильских болгар охватывало все западное побережье Каспийского моря, от Кавказа до Волги. Последнее предположение становится более вероятным, если согласиться с Вивьен де Сен-Мартеном и читать в рассказе Феофилакта Симокатты название племени, которое приняло явившихся из-за Волги в 558 г. вархонитов за настоящих авар, не сарсельт, а барсельт — барсилы. [3]

Правда, в том месте, где мы помещаем барсилов, т. е. вдоль западного побережья Каспийского моря, Армянская география указывает савиров. [4] Это племя было хорошо известно в Византии, и в VI веке его именем нередко обозначались варварские племена Северного Прикавказья в целом. Оно оставалось известным еще и в X в., так как савиров Иосиф называет в качестве племени, близкого по происхождению с хазарами. [5] В качестве таких же сороди-

[1] Хвольсон, у. с., 108—109; Notar. Belae, гл. 57.
[2] Патканов, Из нового списка, стр. 28.
[3] Nouvelles Annales des Voyages, 1851, II, стр. 146; Брун, Черноморье, II, стр. 319.
[4] Патканов, у. с., стр. 28.
[5] Коковцев, у. с., стр. 74—91.

чей хазар он называет биз-л, под которыми по всей вероятности скрываются барсилы.[1]

О близком родстве и тесной связи барсилов с хазарами свидетельствует не только генеалогия хазар у Иосифа, но и указание Ал-Калби, сохранившееся в словаре Якута, о том, что Барсол был братом Хазара, а также сведения Армянской географии, по которым жена кагана (хазарского) — хатун избиралась из рода барсилиев.[2] Имея в виду эту связь барсилов и хазар, мы можем признать заслуживающими внимания те указания Истории Армении, в которых оба эти имени являются рядом одно с другим, а вместе с тем допустить передвижение барсилов с хазарами из Северного Дагестана (из Берсилии византийских источников) на Нижнюю Волгу, где они, по сведениям Иосифа, обосновались только после изгнания в-н-н-т-р'ов, иначе огхондор-болгар и где их знает уж Армянская география. Следствием этого передвижения, возможно, было не только бегство болгарской орды Аспаруха на Дунай, но и распространение болгарских племен к северу, на Среднюю Волгу, туда, где позже складывается независимое Болгарское царство, в составе которого у Ибн-Русте значатся и эсегел и берсула. Во всяком случае Иордану, перечисляющему подвластные Эрманариху племена Поволжья: мордву, мерю и черемис, о нахождении среди них болгар еще ничего не известно. Представлять движение хазар и барсилов наоборот, из Среднего Поволжья к Нижней Волге, как это на первый взгляд ни кажется естественным, мы не имеем оснований, так как барсилы ранее, чем на Средней Волге и на Волге вообще, появляются все же в Северном Дагестане, и та страна гуннов-болгар, какую знают здесь наши источники, была Берсилией или Баршлией, областью, занятой барсилами или барслами, откуда вышли не только они, но и хазары, или точнее, хазары, покрывшие своим наименованием не только имя барсилов, но, вероятно, и некоторые другие болгарские племенные названия.

В свете изложенных данных приобретает значение и крайне путаное известие о болгарах и хазарах, содержащееся в хронике патриарха Михаила,[3] с некоторыми сокращениями и изменениями приводимое у Баргебрауса.[4] Chabot считает его заимствованным из хроники Дионисия Тельмахренского.[5] Ниже я даю переложение немецкого перевода соответствующего места из хроники патриарха Михаила, изданного Марквартом:[6] «В то время (в царствование Маврикия) из внутренней Скифии вышли три брата с 30 тысячами скифов. Они сделали путь в 65 дней, выйдя с той стороны Имеонских гор. Вследствие нахождения воды (на пути) они шли зимой и

[1] Коковцев, у. с., стр. 74 и 91.
[2] Патканов, у. с., стр. 29.
[3] Chronique de Michel le Grand, patr. de Syriens Jacobites, traduite par V. Langlois, Venise, 1868.
[4] Chron. syr., стр. 95.
[5] Marquart, у. с., 488.
[6] Там же, стр. 483 сл.

достигли реки Танаиса, которая вытекает из Меотийского озера и вливается в Понтийское море. Находясь у границ Римской империи, один из них (братьев) именем Булгар взял 10 000 человек, отделился от своих братьев и перешел Танаис к реке Дунаю, которая также вливается в Понтийское море, и обратился к царю Маврикию (с просьбой) дать ему землю с тем, чтобы жить в дружбе с римлянами. Тот дал ему Верхнюю и Нижнюю Мизию и Дакию, защищенное место, которое со времен Анастаса опустошал аварский народ. Они победили их там и стали защитой для римлян. Эти скифы были названы римлянами булгарами. Два других брата пришли в страну алан, называемую Барсалия, в которой римлянами был построен город Каспия, называвшийся вратами Toraje. Булгары и пугуры их жители были некогда христианами. Когда над той страной стал господствовать чужой народ, они были названы хазарами, по имени того старшего брата, которого имя было Хазарик (Chazarig). Это был сильный и широко распространенный народ».

Разбирая это известие, Маркварт отметил, что оно во многом грешит против исторической действительности.[1] Для нас в этой легенде, спутанной ее автором (и не без основания) с рассказом о появлении гуннов,[2] важно отметить, во-первых, указание на переселение болгар из-за Дона на Дунай, причем время его отнесено к царствованию Маврикия (582—602), повидимому, только потому, что автор спутал вторжение болгар с захватом Паннонии аварами, во-вторых, в этом сообщении лишний раз подтверждается локализация Берсилии в Северном Дагестане, вблизи от врат Toraje, под которыми, без сомнения, следует видеть армянское название Дербента — Джора или Чора.[3] Весьма интересны последние фразы приведенного отрывка, из которых следует, что хотя название хазары и дано по имени старшего из братьев эпонимов, поселившихся в Барсалии болгарских племен, оно возникло только со времени господства над ними чужого народа. Это целиком отвечает имеющимся в нашем распоряжении сведениям о времени выхода хазар на широкую историческую арену только после завоевания Северного Кавказа турками.

В приведенных нами данных хазары обрисовываются одним из племен восточных болгар, занявшим ведущее положение сравнительно поздно, но все же отнюдь не инородным по отношению к другим гуннским племенам степного Прикавказья. С этими данными мы можем с бо́льшим доверием отнестись к тем известиям, которые называют хазар ранее турецкого завоевания Прикавказья, само собою разумеется, отнюдь не связывая себя признанием безуслов-

---

[1] Marquart, у. с., стр. 488.
[2] Ср. Agath, V, 11, ed. Bonnae, стр. 299.
[3] В названии Toraje Маркварт сначала усмотрел указание на турок-венгров (у. с., стр. 56), а затем правильно истолковал его как передачу армянского Джора (у. с., стр. 489).

ной точности хронологии этих сообщений. Так басилов и хазар История Армении называет в связи с событиями II в. н. э. Сочетание этих двух племенных наименований на основании всего выше изложенного можно признать вполне вероятным; что же касается даты их совместного выступления, то она отнюдь не может считаться вполне надежной, не нуждающейся в проверке и подтверждениях, и, уж конечно, данных Истории Армении совершенно недостаточно для доказательства наличия хазар и болгар во II веке не только в Северном Дагестане, но и вообще.

В легенде из Хроники патриарха Михаила болгарские племена, во главе со старшим братом Хазариком, выводятся с востока, из-за гор Имеонских. По Армянской географии горы Емаон находятся в Азиатской Скифии, граничащей с запада по реке Атль (Волга) с Сарматией, на восток простирающейся до страны Ченов (Китая), на юг до Г-р-канского (Каспийского) моря, Азии и Индии и на севере примыкающей к неизвестной земле. Горы Емаон делят ее на две части: Апахтарк и Туркестан. Южный отрог их находится у границы Скифии с Индией.[1] Под Емаонскими горами, очевидно, надо подразумевать какой-нибудь из горных массивов между Гиндукушем и Алтаем, отделяющих Монголию от степей Средней Азии и Западной Сибири, скорее всего Памир, а родину болгар и хазар искать к востоку за ними, в бассейне р. Тарим или в Монголии. Оттуда в течение 65 дней зимой, когда замерзшие реки не представляли препятствия, передвинулись болгарские племена в Прикавказье. По всей вероятности в этом описании пути болгаро-хазар имеется в виду передвижение гуннов, относящееся, конечно, не к царствованию Маврикия, а к первым векам нашей эры и длившееся в целом не два с небольшим зимних месяца, а несколько столетий.

В конце I в. н. э. часть северной гуннской орды под натиском Китая и сянь-бийцев оставила свои кочевья на Орхоне и после неудачной попытки овладеть Северным Туркестаном к концу II в. н. э. заняла степи к востоку от Волги. Еще почти через два века эти гунны вторглись в Европу и докатились до естественного предела евразийских степей — венгерской равнины.[2] С этого времени гуннское имя становится общим обозначением варварского населения степей Восточной Европы. К числу этих гуннских племен литературная традиция причисляет болгар, а следовательно, к ним же надо относить и родственных с болгарами хазар. Лингвистические выводы в работах Н. Я. Марра, однако, определяют хазар в качестве туземного племени, генетически связанного с предшествующим гуннскому завоеванию сарматским населением степей юга нашей страны.

«Беря полностью bulġar, ḳazar, sarmaṭ, šumer и другие составные племенные названия», — пишет Н. Я. Марр, — в отношении их огласовки в целом мы оказываемся во владении ряда обязательных

---

[1] Патканов, Из нового списка, стр. 31; ср. Птоломей, География, кн. VI, гл. 13, Имайские горы.

[2] Обзор литерат. см. у Иностранцева, Хунну и гунны, изд. 2, Л., 1926.

заключений в зависимости от того, подходим ли к материалу с точки зрения позднейших эпох, морфологической, именно самой поздней флективной (с одними суффиксами, раньше с образованием форм перегласовкой и префиксами рядом с суффиксами), еще раньше агглутинативной и древнейшей — синтетической или архаической доморфологической, при наличии лишь племенной огласовки».[1] С точки зрения агглютинативно-флективной эпохи указанные названия представляют основы с окончанием множественного числа ar в слове qaz-ar и gar в слове bul-ğar. При «палеонтологическом подходе доффлективных эпох, эпох одной примитивной племенной огласовки, наши термины—продолжает Н. Я. Марр—блестяще выдерживают экзамен, за время многих десятков тысяч лет отмершим оказывается в худшем случае один исходный или начальный согласный звук». В термине qaz-ar второе слово ar оказывается берским племенным названием var, а в целом мы имеем сал-берское племенное название в архетипе qaz — var, т. е. такое же, как и в термине sar-mat, причем qaz с плавным r вместо свистящего z, т. е. qar — bar есть лишь спирантизованная разновидность сибилянтного sar.[2]

Из приведенного суждения Н. Я. Марра следует, что хазарское племенное название образовано из тех же элементов, что и сарматское, т. е. А—В (сал-бер). Но подобным образом, т. е. из тех же элементов составлено множество и других племенных имен. Значит ли, что все эти племена имеют общее происхождение и могут быть сопоставлены в генетические ряды? Очевидно, что нет. Для более тесной увязки племен с однотипными названиями одного этого сходства не достаточно, так как оно, являясь следствием единства глоттогонического процесса, но отнюдь не конкретно-исторических форм развития, может иметь место у племен, никогда не сталкивавшихся между собой и имеющих совершенно различное происхождение. Очевидно, что для более тесного сближения хазар и сармат нужны дополнительные данные.

Н. Я. Марр не ограничивается констатированием формального сходства в составе двух племенных названий: qazar и sarmat. Он обращается к анализу наименования хазарского города Саркела, явившегося яблоком раздора между представителями турецкой и финской гипотез происхождения хазар. Имея в виду разъяснение этого названия у Константина Багрянородного и в русской летописи, Н. Я. Марр замечает, что «никому не пришло в голову, что это толкование может явиться плодом народной этимологии, т. е. попыткой осмыслить по данным языков окружающих народов, не исключая и самих хазар, непонятное, чуждое наименование... Sar действительно мог значить «белый» и kel — дом... Это, мы могли бы сказать, чувашские слова или в определенной чувашской диалектической форме или в архаической разновидности естественно для эпохи хазарского господства... Данный нами анализ летописного толкования Саркела, — заключает Н. Я. Марр, — выясняет, что

[1] Н. Я. Марр, Чуваши-яфетиты, стр. 60; Избр. раб., V, стр. 362.
[2] Н. Я. Марр, Избр. раб., стр. 363.

даже бытовое народное объяснение упирается в материалы чувашские, т. е. здесь среда была еще массово-яфетическая».[1] Н. Я. Марр специально оговаривает, что он не думает доказывать тождественность хазар, как племени, с чувашами. Его выводы касаются только яфетического строя и родства с чувашским хазарского языка, если действительно он послужил для имеющегося в древней литературе истолкования слова Саркел. Поэтому, дальнейшим анализом Н. Я. Марр устанавливает связь Саркела с хазарами, как племенем. Выяснив, что города Поволжья именовались по племенным названиям, он с этой точки зрения подходит и к слову Саркел, которое разъясняет, как город (kel) саров или har'ов, т. е. хазар, но еще «до появления их в поле зрения истории и ее письменных источников».[2] Семантически «sar» в значении «белый» отвечает той связи, которая устанавливается между русским словом «серебро» и племенным названием «сармат», поскольку белизна и серебро обозначаются одним и тем же словом.[3] Добавим, что литературная традиция упорно связывает хазар с акацирами, имя которых толкуют как ак-сиры, т. е. белые сары, белые сарматы или просто сарматы, поскольку в самом этом слове заключено понятие «белый».

Выводы Н. Я. Марра об яфетической скифо-сарматской среде, внутри которой сложились хазаро-болгарские племенные образования, остатком которых в настоящее время являются чуваши, сохранившие в своем языке ближайшие аналогии хазарскому слову «Саркел», исключают ту противоположность мнений относительно хазар, которая представлена турецкой и угро-финской гипотезами об их происхождении. Сближения названия «Саркел» с турецкими,[4] финскими или венгерскими[5] словами одинаково закономерны, поскольку турецкая и угрофинская лингвистические семьи образовались из яфетического субстрата. Однако это положение слишком широко, чтобы представить значение для исследования конкретно-исторического процесса.

Более близкое лингвистическое исследование обнаруживает, что на границах Восточной Европы с Азией, от Оби и Иртыша по Уралу до Камы и Волги и далее на юго-запад, может быть, до Дона еще в болгаро-хазарскую эпоху были распространены языки, имевшие большое сходство с нынешним чувашским языком, диалектами которого были и болгарский и хазарский языки,[6] если только они различались между собой. Выходит, что эти языки сохраняли свой яфетический строй в то время, когда формировалась турецкая лингви-

---

[1] Н. Я. Марр, Избр. раб., стр. 367.

[2] Там же, стр. 370. В другой своей работе Н. Я. Марр объяснял Саркел, как составное нарицательное слово, означающее «город» (Иштарь, Избр. раб., III, стр. 323).

[3] Там же, стр. 360.

[4] Байер, Geographia Russiae, Comm. Acad. Petropol., IX, стр. 399; Лерберг, Исслед., стр. 338.

[5] Френ, Mém. de l'Acad. des Sciences, 1832, стр. 548; Клапрот, Mém. relatifs à l'Asie, 1824, стр. 155; Булыгин, Ж.М.Н.Пр., IX, 296 сл. и др.; см. прим. к стр. 84 и 85.

[6] Поппе, Чувашский язык и его отношение к монгольским и турецким языкам, Изв. А. Н., в. 12—18, 1924, стр. 297.

стическая группа, известная по письменным памятникам Орхона с VIII в. В эту-то скифо-сарматскую яфетическую и только частично иранизованную среду влились монгольские гунны, связав ее на время единой политической организацией, покрыв своим именем и внеся какой-то культурный и лингвистический вклад, определение которого еще остается делом будущего и составляет важную задачу как лингвистики, так и археологии. Из этой — теперь гунно-сарматской — среды вышли и болгары, давшие общее наименование ей в эпоху распадения гуннского союза, и хазары, сделавшиеся центром нового политического объединения.

Вопрос о том, какое именно из скифо-сарматских племен переоформилось в гунно-болгарское племя хазар, с изложенной точки зрения уже не представляет решающего значения, хотя, конечно, установление преемственной связи между эпохами, отмечаемыми изменениями одного и того же племенного названия, составляет весьма важную исследовательскую задачу. В нашем изложении, отнюдь не претендующем на самостоятельное исследование лингвистических проблем, мы должны удовольствоваться теми сопоставлениями, которые к настоящему времени имеются в литературе по рассматриваемому вопросу, отметив, что они находятся преимущественно у старых исследователей, для которых законы индо-европейского языкознания еще не замыкали горизонтов узкими рамками искусственных делений единого целого.

Первые попытки генетической увязки хазар со скифами исходили из наименования у византийских писателей родины хазар Берсилией. Название этой страны сближалось с наименованием у Геродота одного из скифских племен базилеями, т. е. царскими. [1] Тем самым протягивалась нить между хазарами и скифами. Не останавливаясь на вопросе — было ли наименование скифского племени у Геродота осмыслением его туземного собственного имени или только обозначением господствующего положения над другими скифскими племенами, следует заметить, что сближение базилеев с Берсилией, даже если бы и заслуживало внимания, ничего не разъясняет относительно происхождения хазар, так как название Берсилии, как мы теперь знаем, связывается не с хазарами, а с болгарским племенем барслов или басилов. В связи с этим, однако, не лишне отметить, что сарматов Basilikoi Птоломей упоминает в числе народов Азиатской Сарматии [2] и что Патканов отождествляет именно их с басилами. [3]

Относительно самих хазар Тунманн высказал догадку, что они были тот же самый народ, что и сираки, упоминаемые Страбоном, Плинием, Тацитом и Птоломеем, но не смог ее сколько-нибудь убе-

---

[1] Потоцкий, Hist. primitive des peuples de la Russie, 1829, стр. 33 и 320; Vivien de Saint-Martin, Recherches sur les populations primitives du Caucase, P., 1848, стр. 146—149.

[2] Латышев, Изв. древних пис. о Скифии и Кавказе, I, стр. 239.

[3] Патканов, Армянская география VII в., стр. 37, примеч. 134; Упоминания базилеев см. у Аппиана и Страбона.

дительно обосновать.[1] Чаще всего хазар сближают с акацирами. При этом самих акациров Сум отождествлял с катиарами Геродота и котиерами Плиния. Так как последние жили между саками и скифами, находившимися к востоку от Каспийского моря, то акациров-хазар Сум выводил из района Астрабада, основываясь на указании Гервея о нахождении там хорсаров-хоросан. Не позже II в. н. э. акациры овладели землей сираков, так как, говорит он, под 212 г. они упоминаются уже Моисеем Хоренским под именем хазиров, живущих к северу от Кавказа, т. е. на территории, ранее занятой сираками.[2] По поводу этого построения одного из первых исследователей хазарской истории следует заметить, что хорсарами, по свидетельству Плиния, сами скифы называли персов,[3] вследствие чего связь с ними хазар, производимых от скифов-катиаров, отпадает без дальнейших доказательств.

Что же касается сближения хазар через акациров с катиарами, то оно заслуживает внимания. По словам Геродота катиарами и траспиями назывались скифы, происшедшие от Арпоксая, среднего сына родоначальника всех скифов Таргитая. Местожительство этих скифов Геродот не указывает, и в Европе их племенные названия не встречаются ни у него, ни у других древних авторов. А. И. Соболевский думает, что настоящим именем этого скифского племени было не катиары, получившееся вследствие палеографической погрешности — перемещения «а» из начала слова в середину — а акатиры, в огреченной форме агатирсы или агафирсы, жившие, повидимому, в нынешней Трансильвании или Буковине.[4] Не говоря уже о натяжке, посредством которой катиары превращаются в акатиров-агафирсов, против отождествления их с акацитами-хазарами свидетельствует и слишком отдаленное местоположение тех и других — на разных концах Восточно-Европейской степи, тем более, что об обратном движении скифских племен с запада на восток нам ничего сколько-нибудь определенного не известно.

Если бы можно было акациров Иордана отождествить с агафирсами Геродота и поместить где-то в промежутке между Балтийским и Черным морями, а в акацирах Приска видеть тех же агафирсов, переместившихся на восток, то тогда обратное движение гунно-скифов можно было бы считать установленным фактом. Однако географические определения Иордана и Приска, в особенности первого, настолько неопределенны, что видеть в них существенно различные указания относительно местоположения акациров не представляется возможным. Если уж искать скифский прототип названию акациров, то его законнее усмотреть вслед за Сумом в котиерах, известных Плинию в Азии, между скифами и саками,[5] т. е. где-то в совре-

[1] Untersuchungen über die östlichen europäischen Völker, стр. 12, 22, 114.

[2] Сум, Истор. рассужд. о происх. народов, насел. в сред. века Польшу, Россию и земли между Касп. и Черн. морем, а также Европ. Турцию на север от Дуная, М., 1846, стр. 11 сл.

[3] Латышев, у. с., II, стр. 185.

[4] Русско-скифские этюды, Л., 1924, стр. 5—6.

[5] Naturalis Historia, liber VI, § 19.

менном Казахстане. В связи с этим можно бы было вспомнить сообщение Геродота о том, что скифы, жившие далеко на востоке за фиссагетами и иорками, прибыли в Европу, отделившись от своих сородичей, оставшихся в Азии, в числе которых могли находиться, следовательно, и катиары-котиеры, — и, таким образом, начинать историю хазар с древнейших скифских преданий.

Мы не пойдем по этому неверному пути, основанному на приблизительных созвучиях и вытекающих отсюда сомнительных сближениях и на географической путанице античных писателей, а начнем с наиболее убедительного сопоставления хазар с акацирами Приска. В тождестве тех и других не сомневался уже Равенский географ, писавший, что «Иордан называет акацирами тот народ, который мы теперь называем хазарами». [1]

У Приска Панийского местоположение акациров указано очень обще: в Припонтийской Скифии. [2] Мало помогает делу сопоставление этого указания с замечанием Иордана, у которого акациры названы между эстами, жившими на побережьи Балтики, и находящимися в Причерноморьи болгарами. По словам этого компилятора акациры сильный народ, занимавшийся скотоводством и охотой. [3] Из повествования Приска выясняется, что у акациров было много князей и родоначальников, главным между которыми считался некий Куридах, и что они состояли в союзе с гуннами.

Император Феодосий, желая привлечь акациров к союзу с римлянами и, объединив их, направить против гуннов, прислал вождям этого народа дары, но посланный, не учтя иерархии вождей, вручил Куридаху такой подарок, какой надлежало получить только следующему за ним по достоинству вождю. Обиженный Куридах донес о готовящейся измене Аттиле, и тот немедленно выслал против акациров большое войско, одну часть вождей этого народа истребил, а другую заставил покориться и в 448 г. назначил царем акациров и других припонтийских народов своего сына Эллака. Куридах при этом сохранил независимость и остался со своим народом в прежних владениях. [4]

Около 463 г. от сарагуров, урогов и оногуров к римлянам явилось посольство, от которого стало известно, что эти племена оставили свою страну, потому что на них напали савиры, изгнанные в свою очередь аварами, и что сарагуры отняли землю у акациров и теперь желают быть союзниками империи. Послы получили подарки и были отпущены обратно. [5] Вслед затем сарагуры, соединясь с акацирами и другими народами, предприняли поход в Персию. Сначала они попытались пройти туда через Каспийские ворота, но, найдя их занятыми персидским гарнизоном, вторглись другой дорогой. [6]

---

[1] Anon. Rav. I, IV, c. I.
[2] Сказания Приска Панийского, перев. Дестуниса, стр. 59.
[3] Get., V.
[4] Сказания, стр. 44.
[5] Там же, стр. 87—88.
[6] Там же, стр. 93—94.

Изложенные сведения Приска Панийского при всей своей отрывочности и случайности все же дают возможность заключить, что именем акациров обозначались восточные племена степных варваров, что их следует искать не столько в Причерноморьи, сколько в местности между Азовским и Каспийским морями. Повидимому, собственное имя акациров носило племя, возглавляемое Куридахом и стоявшее во главе обычного варварского союза племен, имена которых покрывались его наименованием. Это племенное объединение находилось вместе с тем в союзе с гуннами Аттилы, но затем, при попытке отложения, было последними разгромлено и подчинено непосредственной власти гуннского вождя, осуществляемой через его сына Эллака. После смерти Аттилы в 453 г., когда началось распадение его огромной державы, восточноевропейские племена кочевников опять, повидимому, приобрели самостоятельность — и около 463 г. среди них возник новый союз, во главе которого стали сарагуры. Образование этого союза было вызвано нападением савиров. Потесненные ими племена объединились для отпора врагу и силой присоединили к себе акациров, земли которых при этом частично были заняты сарагурами.

Впервые савиры в форме савары упоминаются Птоломеем (II в. н. э.). [1] Они указаны им ниже аорсов, рядом с борусками до Рипейских гор, из которых вытекает Танаис. Какие горы носили название Рипейских, остается невыясненным, несмотря на многочисленные, более или менее остроумные попытки их определения. Может быть этим именем называлась Донецкая возвышенность. Что же касается аорсов, то, как уже указывалось, их местоположение по Страбону определяется довольно точно. Часть их жила по Танаису, а другая, основная масса — верхние аорсы — владела большей частью Каспийского побережья, скорее северного и восточного, чем западного. Живших ниже их саваров-савиров, очевидно, следует искать в Прикавказских степях, т. е. там, где они известны несколько позже и византийским и армянским писателям. Выходит, что передвижения савиров, в тождестве которых с саварами едва ли может быть сомнение, если и имели место, то в пределах тех же Прикавказских степей, где они известны и до и после V в. и где, следовательно, надо искать и другие племена, упомянутые Приском, в том числе и акациров.

Сарагур, оногур и урогов В. В. Радлов причислял к восточнотурецким, иначе уйгурским племенам и, сопоставляя эти названия с приведенными у Рашид-Эддина, полагал, что первое есть не что иное, как сары-уйгуры, т. е. желтые уйгуры, второе — оногуры— он-уйгуры, т. е. десятиплеменные уйгуры Рашид-Эддина и Абульгази; в названии уроги он усматривал простую описку, которую и исправлял на уйгуры. По его мнению эти восточнотурецкие племена под именем гуннов вторглись в Европу только в IV в. [2] Вместе с ними сюда проникло и западнотурецкое племя акациров,

[1] Латышев, Изв. др. пис. I, 231.
[2] В. В. Радлов, К вопросу об уйгурах, СПБ., 1893, стр. 108 сл.

которое Рашид-Эддин называет агачери — лесные люди.[1] Те же самые племена Д. Европеус считал не уйгурскими, турецкими, а угорскими, восточнофинскими, входившими в ту самую этническую среду, из которой вышли нынешние венгры, вогулы и остяки. Поэтому название сарагуры он истолковывал с вогульского, как белые угры, оногуров считал венграми или великими уграми (una — великий). Сюда же он относил и несколько позже появляющихся в византийских источниках утургуров-утигуров—малая угра, кутургуров — собачья угра и тарниах — степные или травяные. Вместо савир он называл сабур — сабанугуров — армячных угров.[2]

Между этими двумя наиболее отчетливо выраженными взглядами имеется целый ряд промежуточных мнений, пытающихся их примирить путем разделения перечисленных племен на турок и угро-финнов. Нам нет надобности останавливаться на их пересказе, тем более что тепличные растения часто гибнут при пересадке их из авторской оранжереи. Добавлю только, что наименование уйгур впервые появляется при суйской династии (581—618) и, по мнению Маркварта, идентично с названием огуз.[3] Имя турок у китайцев имело строго ограниченное этническое значение и не покрывало уйгур, так что даже при отождествлении с уйгурами турецкая этническая принадлежность вышеперечисленных племен азовско-каспийского междуморья не может считаться совершенно несомненной. Правда, сторонники турецкого происхождения этих племен связывали их с турками и другими путями. Так еще Вамбери отмечал, что окончание gur представляет собою турецкий суффикс имен прилагательных. Он же указал, что окончание äri, какое Маркварт усматривает в названии акациры по сходству с агачери, означает по-турецки «люди».[4] С другой стороны, существование угров, как особого, нетурецкого этнического образования, что при тождестве их с уйгурами подтверждало бы нетурецкую принадлежность последних, при наличии целого ряда языковых схождений их с турками дает возможность рассматривать самих турок как следующий этап этно-лингвистического развития, охвативший не сразу и далеко не полностью общую с ними этническую среду. Турки, как политическое образование, не сразу и не целиком сделались турками по языку.[5]

Что оногуры, унногундуры и утургуры могут быть вариантами одного и того же названия, доказывается не только филологически, но и тем, что эти наименования выступают в одном и том же месте и во всех случаях указываются отдельно одно от другого. Оногуры ни разу не названы вместе с утургурами или унногундурами. То же

---

[1] Там же, стр. 109, прим. 2; История монголов Рашид Эддина, перев. Березина, стр. 7, 17, 20; Аристов, Заметка об этнич. составе, Жив. стар., 1896, III—IV, стр. 400.

[2] Д. А. Европеус, Об угорском народе, СПБ., 1874, стр. 3; Он же, К вопросу о народах, обитавших в средн. и сев. России, Ж. М. Н. Пр. 1868, июль.

[3] Marquart, Streifzüge, стр. 45.

[4] Там же, стр. 34; Wambery, Ursprung der Magyaren, стр. 47.

[5] А. Н. Бернштам, Происхождение турок, Проблемы истории докапит. общ-в, 1935, 5—6, стр. 43 сл.

можно сказать о каждом из этих названий по отношению к двум остальным.[1] Мункачи очень убедительно объяснял название оногуры, как множественное число от угор или угур, правда, считая последнее название за обозначение западных турок-уйгуров.[2] В том же, что утургуры-болгары — не турки, можно было сомневаться только до объяснения болгарских слов, сохранившихся в известном болгарском именнике и чаталарской надписи.

Первый историк, обративший внимание на загадочные слова в найденном Поповым перечне болгарских князей, Гильфердинг отметил их сходство с венгерским языком.[3] Вслед за тем Куник установил, что имеющиеся в именнике болгарские числительные близки с чувашскими. Он при этом совершенно правильно заметил, что чувашский язык сыграет важную роль при изучении того этнического элемента, который сам он считал древнетурецким. Все турецкие народы, по его словам, должны быть разделены на две главных отрасли, из которых одна уже во время нашествия гуннов, или даже ранее, при скифах, проникла далеко в Европу. Этот-то древнетурецкий слой и вскрывается изучением чувашского языка.[4]

Выше уже приводились мнения наиболее авторитетных современных ученых, что чувашский язык, а следовательно болгарский и хазарский, — не турецкие, но что они действительно представляют древнейший языковой слой, на базе которого сложились и турецкие и финские языки, чем и объясняется множество словарных схождений между современными языками этих систем и древними языками, остатком которых, уцелевшим до наших дней, является язык чуваш.[5] С этой точки зрения вопрос об этнической принадлежности тех гунно-болгарских племен, какие в раннее средневековье появляются в юго-восточных степях европейской части нашей страны, можно считать, в общем, решенным. Но далеко еще не ясно, были ли эти племена исконными обитателями степей Восточной Европы или они явились сюда только в то время, с какого наименования их появляются в наших источниках.

Название хазар Н. Я. Марр считал разновидностью термина сармат и это, надо думать, с точки зрения процесса языкотворчества совершенно верно. Хазары или хазы, по его словам, закономерные преемники «салов» или «саров», носивших основную или первую часть составного термина «сар-мат».[6] Но это преемники, а не простое продолжение сармат; последние выступают теперь в новом скрещении — с уграми, по всей вероятности, составлявшими основную массу гуннской орды при ее переходе через Волгу. Что угров нельзя отождествлять ни с болгарами, ни с хазарами, мы можем

[1] Zeuss, Die Deutschen und ihre Nachbarstämme, 1837.
[2] Ursprung des Volksnames Ugor, Ethnologisch. Mitteil. aus. Ungarn, V.
[3] Гильфердинг, Ист. сербов и болгар, Собр. соч., I, стр. 20.
[4] Куник, О родстве кагано-болгар с чувашами, Зап. А. Н., XXXII, СПБ., 1879, Прилож., стр. 122.
[5] Смолин, К вопросу о происхождении народности камско-волжских болгар (разбор главнейших теорий), Каз., 1921.
[6] Избр. раб., V, стр. 286.

судить потому, что венгры, по свидетельству Константина Багрянородного, по языку отличались от хазар.

Название савиров возникло еще до гуннского завоевания, но по своим этническим признакам это племя едва ли отличалось от других племен гуннского периода в степях Восточной Европы. После разгрома союза акациров, савиры потеснили оногуров, сарагуров и урогов или угров, следствием чего было образование нового племенного объединения во главе с сарагурами. Оногуры-утургуры помещались в западной части азовско-каспийского междуморья. Если это так, то сарагуров с акацирами можно локализовать поблизости от Кавказских гор с их проходами, через которые они вторгались в Закавказье, может быть там, где ранее всего становятся известны хазары, т. е. в юго-восточном углу Прикавказья. Однако с VI в. в этих местах известны савиры. Можно предположить, что савиры ранее помещались ближе к Волге, откуда они под натиском авар частью передвинулись к югу, вдоль западного берега Каспийского моря и, сначала только потеснив сарагуров, затем подчинили их так же, как ранее сарагуры завладели акацирами. Дальнейшие известия ни сарагуров, ни акациров больше не знают, тогда как савиры в течение VI в. упоминаются неоднократно. [1]

Еще в 504 г., по словам Прокопия, Кавад, царь персидский, должен был прервать удачный поход против Византии для того, чтобы вести продолжительную войну с гуннами в северных областях своего царства, т. е. в Закавказьи. [2] Какие гунны напали в это время на границы Персии — неизвестно. О походах гуннов-савиров первое упоминание находится у Феофана. Под 6008 (516) [3] г. он сообщает: «гунны, называемые савирами, проникли за Каспийские врата в Армению, опустошили Каппадокию, Галатию и Понт и остановились почти у самой Евхаиты». Далее под 6013 (521) г. Феофан приводит рассказ о царе гуннов Зилигде, которого император Юстин склонил было воевать с персами, но который, получив дары от Кавада, перешел на сторону персов и с 20 000-ным войском выступил против Византии. Тогда Юстин сообщил Каваду, что гуннский предводитель задумал изменить персам, и предложил ему лучше заключить мир, чем позволять варварам играть собою. Разгневанный Кавад уничтожил Зилигда и его войско. [4] В 527 г. гуннами-савирами правила женщина, вдова князя Болаха, по имени Боарикс. Она заключила союз с Византией и, когда Кавад склонил двух вождей других

---

[1] Что к югу передвинулась только часть савир, можно заключить из того, что позже в составе Волжской Булгарии появляется город Сувар, который едва ли не связан с племенным именем савиров. В каком отношении савиры находятся с русским племенем северян и есть ли между ними что-нибудь действительно общее, для меня неясно. Сходные названия, как известно, могут появляться и независимо друг от друга и далеко не во всех случаях могут служить свидетельством племенной общности. Ср. Голубовский, Ист. Северской земли, стр. 2—6; Багалей, История Сев. земли, стр. 9—10.

[2] Прокопий Кесарийский, Ист. войн с персами, пер. Дестуниса, стр. 40.

[3] Летопись Феофана, стр. 126. Хронология Феофана отстает от действительной.

[4] Там же, стр. 130, 131.

гуннских племен помочь ему в войне с Византией, напала на них, одного — Глома — убила, а другого — Тираниса — захватила и в оковах отослала в Константинополь, где он был подвергнут мучительной казни. Из сообщения Феофана следует, что гунны Тираниса и Глома жили далее вглубь страны. Они были разбиты, когда с 20 000-ным войском шли на помощь персам через землю гуннов-савиров, занимавших подступы к проходу вдоль Каспийского побережья.[1] Повидимому, союзные отношения Византии с савирами продолжались недолго, так как в 531 г. в составе персидского войска находился 3000-ный отряд гуннов-савиров, «народа самого воинственного», по словам Прокопия.[2]

Особенно ярко обрисовано участие савиров в войне Византии с Персией из-за Лазики. Царь Лазов Губац, узнав о намерении Хозроя заселить Колхиду персидскими колонистами с тем, чтобы, во-первых, превратить ее в надежный плацдарм для войны с Византией и, во-вторых, в оплот против кавказских варваров, — просил помощи у Византии и заключил союз с аланами и савирами. За триста фунтов золота они согласились не только защищать вместе с лазами Колхиду, но также опустошить Иверию до того, что персы не будут в состоянии оттуда вторгнуться. Эти деньги Губац обещал аланам и савирам от имени Византии, но с выплатой их вышла задержка. Повидимому, вследствие этой задержки аланы перешли на сторону персов. В войске Петра Хориака, вступившем в 550 г. в Иверию, было большое число союзников алан. В то же время в римском войске, осаждавшем Петру, находились послы от савиров. Они показали римлянам новый способ установки стенобитного тарана. Юстиниан прислал савирам условленную плату, но в то время, когда между римлянами и савирами еще велись переговоры, в войске персов уже находилось 12 000 союзных савиров. Начальник персидский Мерверой не доверял им и, опасаясь измены и перехода к византийцам, оставил при себе только 4000 савиров; остальных же богато одарил и отпустил домой. С оставшимися савирами персы осадили Археополь. Потерпев здесь неудачу, персидское войско отступило и, перезимовав в Кутаисе, весной получило большое подкрепление из гуннов-савиров, нанятых Хозроем. Новое наступление персов также было неудачно. Преследуя отступающих, византийцы многих перебили; в одном тесном проходе ими был убит предводитель савиров, из-за тела которого разгорелась ожесточенная битва, пока персы и савиры не отразили византийцев и не отбили труп савирского вождя.

В течение той же войны, через несколько лет, в 555 году двухтысячный отряд тяжеловооруженных савиров оказывается на стороне Византии. Им командовали Балмах, Кутильцис и Илигер.[3] В 572 г.

---

[1] Летопись Феофана, стр. 136—37; Malala, 430—431.

[2] Прокопий, Война с персами, стр. 74. В то же время персы ожидали подкрепления от народа массагетов (там же, стр. 112). Этим именем Прокопий обозначает северокавказских гуннов (там же, стр. 82).

[3] Гап, Известия древн. писателей о Кавказе, ч. II, стр. 87 сл.

савиры опять выступают на стороне персов, тогда как аланы держат сторону Византии.[1]

Преимущественная связь савиров с Персией вытекала из их местоположения на северной границе этой державы. Непосредственные сношения савиров с Византией были затруднены отсутствием общей границы. Находясь в союзе с империей, они могли выступать против персов только самостоятельно, но их вспомогательным отрядам было трудно пробраться к византийскому войску в то время, когда занимавшие горные проходы аланы не поддерживали империю и не пропускали свободно их через свою страну. Этим именно обстоятельством и следует объяснить, что вспомогательные отряды савиров находятся гораздо чаще у персов, чем у греков, хотя Византия тратила не мало средств, чтобы привлечь их на свою сторону.

В 576 г. византийские войска, вступив в нынешний Азербайджан (древняя Албания), встретились здесь с савирами и в обеспечение покорности взяли у них заложников. Вслед за тем в Византию прибыли посланники савиров и алан. Царствовавший тогда Тиверий II (578—582) принял их весьма благосклонно и обещал платить за союз с Византией вдвое больше, чем давали персы. Тем не менее, савиры, как только византийские войска оставили Албанию, жертвуя заложниками, отказались от подчинения Византии и перешли на сторону персов. Тогда византийские войска вновь вступили в Албанию и заставили савиров переселиться за р. Куру в пределы тогдашних византийских владений в Закавказьи.[2]

По сообщению Менандра вместе с савирами были переселены и албаны, хотя о восстании последних он и умалчивает, дважды говоря об измене савиров. Основываясь на том, что в Византии одновременно были послы савиров и алан, Ю. Кулаковский в рассказе о переселении переделывает албан на алан.[3] Думаю, что в таком исправлении Менандра нет надобности, так как предположение о нахождении алан в Албании совершенно невероятно. При своих вторжениях в Закавказьи аланы всегда пользовались тем проходом, который находился в их стране — Дарьяльскими воротами — и никогда не ходили вдоль каспийского побережья, откуда они могли бы попасть в Албанию. Аланы издавна находились в сношениях с Византией, и послы их могли быть в Константинополе одновременно с послами савиров вне зависимости от того, находились ли племена тех и других в данное время вместе или нет. Ведя борьбу между собой, Персия и Византия старались привлечь к себе и обеспечить поддержку со стороны тех варваров, которые ближе всего находились к закавказскому театру военных действий. А такими как раз и были аланы и савиры. Именно по этой причине в предшествующих сообщениях они нередко упоминаются рядом. Отличие последнего византийского известия о савирах заключается в том, что они показаны

---

[1] Там же, стр. 195; Византийские историки, пер. Дестуниса, стр. 494 (Феофан Византиец).

[2] Византийские историки, стр. 411—412 и 415—416.

[3] История Византии, II, стр. 362.

находящимися в Албании и к тому же не в виде войска, которое можно прогнать назад или истребить, но не переселить, а в виде постоянного населения, свободу которого можно связать переселением на другую территорию. Если мы примем во внимание, что это последнее известие о савирах относится ко времени после появления в северокавказских степях авар-вархонитов и побед их над туземными племенами, в том числе и над савирами, то, на первый взгляд, представится полная возможность поставить появление савиров в Албании в качестве переселенцев в прямую связь с нашествием авар, которые, по выражению Менандра, «сокрушили силы савиров».

А. Е. Крымский полагает, что савиры, которых греки нашли в Азербайджане, поселились здесь еще после первого нападения авар в 60-х гг. V века. Он помещает их на левом берегу р. Куры, в районе города Кабалы, до половины V в. бывшего столицей Албании.[1] О времени поселения савиров в нынешнем Азербайджане никаких положительных данных не имеется. Догадка А. Е. Крымского о появлении их здесь еще в V в. ни на чем не основана. В результате первого нападения авар савиры были потеснены, но не потеряли ни своей самостоятельности, ни своего значения.

В первой четверти VI в. начинаются походы савиров в Закавказье. Можно думать, что к этому времени они распространили свою власть до Кавказа, подчинив сарагуров, акациров и другие гуннские племена Восточного Прикавказья. В это время савиры были одним из наиболее могущественных политических образований азовско-каспийского междуморья: по сведениям Малалы число их равнялось 100 000 человек (а может быть семей или кибиток).[2]

Аварское нашествие 568 г. привело к разгрому савиров. Византия после неоднократных выступлений савиров на стороне Персии имела все основания для того, чтобы, воспользовавшись появлением новой силы на Северном Кавказе, обратить ее вместе с другими, соперничающими и подвластными савирам гунно-болгарскими племенами против опасных для империи союзников Персии. В результате мощь савиров была действительно сокрушена, но это племя не исчезло совершенно.

На своих старых местах савиры были известны автору Армянской географии. Еще в X в. они упоминаются в письме кагана Иосифа. Можно было бы предположить, что именно при этом разгроме часть савиров перебралась в Албанию, где их и знают византийские и арабские источники. По сообщению Табари, Хозрой Ануширван (531—579) в виду того, что пришельцы вели себя, как в завоеванной стране, производя грабежи и опустошения, большую часть их истребил, а оставшихся около 10 000 поселил в Азербайджане, т. е. там, где знает савиров Менандр.[3]

[1] Страницы из истории северн. или кавказского Азербайджана, Сборн. стат. к 50 л. С. Ф. Ольденбурга, А. Н., 1934, стр. 295 сл.
[2] Кулаковский, Ист. Византии, II, 28.
[3] Крымский, у. с., стр. 297.

Поселение савиров в Закавказьи было, вероятно, не первым и не последним вторжением сюда гунно-болгарского этнического элемента. История Армении знает о поселении болгар в глубине Армении и относит возникновение его еще ко II в. до нашей эры. Далее, Константин Багрянородный, говоря о турках-венграх, замечает, что ранее они «по какой-то причине» назывались савартиасфалами. Будучи побеждены печенегами, венгры разделились: часть ушла на запад, а другая направилась на восток и поселилась в Персии, причем сохранила свое старое имя савартиасфалы. [1]

О савартиасфалах Константина существует целая литература. Грот сомневался, имеются ли в виду здесь действительно венгры, и склонялся к мнению Цейса, который усматривал в савартиасфалах не западных турок-венгров, а турок настоящих — восточных. [2] Были ученые, которые сближали их с савирами. J. Thury отождествил савартиасфалов с sevordik (черные сыны) армянских источников и с сиявардиями арабских географов. [3] Сиявардии, по Масуди, жили у реки Куры, восточнее Тифлиса и западнее Бердаа, т. е. в той местности, которая издавна была пристанищем кочевых орд, обосновывавшихся в разное время в Закавказьи, и носившей название по имени первой из них — скифов или саков — Сакашен. Масуди описывает сиявардиев как вид армян — храбрых и сильных, о делах которых есть что рассказать. Истахрий называет их разбойниками по ремеслу. Баладури рассказывает, что город Шамкор, находившийся к востоку от Бердаа — там, где ныне помещается Ганджа, был населенным и цветущим городом до тех пор, пока его не разрушили савардии, выступившие в то время, когда Язид-бен-Усайд был смещен с должности наместника Армении, т. е. около 760 г. В 854—855 гг. город был заселен вновь людьми, прибывшими из Хазарии и принявшими ислам. На основании этих сведений Маркварт заключает, что сиявардии или савардии были известны в Закавказьи на сто лет раньше, чем время переселения савартиасфалов Константина Багрянородного. [4] Если отождествить савардиев с савирами, то дату их появления в долине р. Куры можно смело отодвинуть назад еще на 200 лет.

Армяне называли савардиев севордик и, ставя их на ряду с разбойничьими номадами, детьми Агари, т. е. арабами, помещали в области Ути, т. е. в том же Сакашене, нынешней Муганской степи. В армянском названии их, означающем «черные сыны», Маркварт совершенно справедливо усматривает народную этимологию варварского племенного названия и ставит в связь с ним обозначение венгров в русской летописи черными уграми, а также кара-хазар Истахрия. Таким образом, у него получается, что армянские sevordik есть не что иное, как sev-orgik, т. е. черные orgi или ugri. Греческое название савартиасфалы, по его мнению, обязано своим

[1] Константин Багрянородный, О народах, перев. Ласкина, стр. 142.
[2] К. Грот, Моравия и мадьяры, СПБ., 1881, стр. 251.
[3] Marquart, Streifzüge, стр. 36 сл.
[4] Там же, стр. 36 сл.

происхождением арабско-персидским источникам, причем вторая часть его соответствует арабскому слову, означающему unterhalb, а все в целом означает «нижние черные венгры».[1]

Изложенные соображения Маркварта вполне вероятны в той части, где речь идет о севордик как народной этимологии туземного племенного названия, но этим названием было не sevorgi, а известное уже нам савиры. То же самое следует сказать и о предложенном им истолковании савартиасфалов Константина Багрянородного. Если последняя часть этого названия действительно арабское слово, то все в целом оно может означать: «нижние савиры», т. е. савиры, живущие внизу по реке Куре. Само собой разумеется, что появление этих савиров в Закавказьи не имеет никакого отношения к поражению венгров печенегами. Весь рассказ Константина о савартиасфалах-венграх представляет комбинацию сведений, в которых он не мог разобраться.

Племенное название савир долго жило в Закавказьи для обозначения пришлого населения, являющегося из стран, расположенных к северу, за горами. Его состав, как можно судить хотя бы по указанию Истахрия, неоднократно пополнялся новыми выходцами, вносившими в нынешний Азербайджан тот новый этнический элемент, который сыграл, без сомнения, решающую роль в формировании его современного туркоязычного населения. Это элемент савирский или болгарский, так как савар или сувар было всего только одним из названий широко распространенных болгар. Имя савиров в форме «савяры» до сих пор сохранилось в названии карачаевцев, которым их обозначают их соседи сваны.[2]

Для нас сообенно важно отметить, что закавказские савиры были одновременно и хазарами. Об этом прямо говорит Масуди, называющий савиров восточными хазарами.[3] По Баладзори, город Кабала, который, по предположению Крымского, был центром савирских поселений в Закавказьи, назывался Хазар.[4] Арабские писатели, воспроизводящие сасанидскую историческую традицию, называют хазар в V—VI вв. Мукаддасий упоминает хазар еще при Бахраме-Гуре (420—438). В VI в. хазар знают Баладзори и Табари.[5] Правда, тех же северных варваров Табари называет не только хазарами, но и турками, но ведь речь идет прежде всего о том, что савиры и хазары так же, как позже турки, означают одну и ту же этническую среду, что между теми, другими и третьими нельзя провести строгой границы. Хазары были, очевидно, таким же племенным названием гунно-болгар, какими были савиры или барсилы. И если это имя, действительно, представляет не что иное, как вариант термина акациры, они могли стать известными в Закавказьи

---

[1] Marquart, Streifzüge, стр. 39.

[2] Н. Я. Марр, Плем. состав населения Кавказа, П., 1920, стр. 26. О болгарской топонимике в Азербайджане см. выше стр. 100.

[3] «Китаб ат-Танбих», изд. de Gue, Лейден, 1894, стр. 83, примеч.

[4] Книга завоев. стран., перев. Жузе, стр. 5.

[5] А. Крымский, у. с., стр. 295.

не только в VII, но и в VI и даже в V вв. С этой точки зрения упоминания хазар (хазир) в древних армянских исторических сочинениях также нужно признать заслуживающими доверия в том смысле, что армянам, как близким соседям северокавказских гуннов, эти варвары рано стали известны не только под своим общим наименованием, но и по названиям отдельных племен, в особенности тех, которые, находясь ближе других к Закавказью, чаще всего тревожили его своими набегами. Из этого, конечно, еще не следует, что хронология армянских источников, относящих появление хазар к концу II в. н. э., а болгар ко II в. до н. э., совершенно безупречна и может быть принята без оговорок.

И болгары и хазары могут быть возведены к сарматам, но скрещенным с угорскими племенами, о чем свидетельствует характерное окончание их названий. Это скрещение произошло едва ли ранее гуннского завоевания и едва ли не впервые Закавказье познакомилось с новым видом северных варваров во время опустошительного набега 395—396 гг., возможно того самого, о котором знает не только Иошуа Столпник, но и Приск. Ему рассказывали сами гунны, что много времени тому назад, когда в Скифии свирепствовал голод, гунны вторглись в Мидию (Персию) под предводительством Васиха и Курсиха, мужей царского скифского рода и начальников многочисленного войска.[1]

О наличии хронологической путаницы в сочинениях древних армянских историков мы можем судить по одному достаточно яркому примеру. В Истории Армении, а вслед за нею в Истории агван и во Всеобщей истории Степаноса Таронского имеется рассказ о том, как армянский царь Тиридат отразил набег северных народов, убил царя баслов или барслов, накинувшего было уже на него аркан, и прогнал варваров до земли гуннов.[2] Повествование об этом же самом событии имеется в Иудейских древностях Иосифа Флавия, писателя 1 в. н. э., а затем повторено в сочинении Амвросия Медиоланского, писавшего в IV в.[3]

Иосиф Флавий сообщает о событии, которого он был современником. По его рассказу оно датируется 68 г. н. э. Вместо северного народа у него названы аланы. Они вторглись в Армению и едва не захватили в плен вышедшего против них армянского царя Тиридата, который успел спастись, разрубив мечом накинутый ему на шею аркан. Аланы опустошили страну и спокойно вернулись домой с большой добычей. В Истории Армении это событие отнесено к Тиридату III, жившему во второй половине III в. Ему приписан подвиг, который был совершен 200 лет тому назад. Спрашивается, не описан ли вместе с тем под нашествием северных народов во главе с царем барсилов (барслов) тот самый набег, который, по Иосифу Флавию, совершили аланы, и не попали ли в это описание упоминания царя

---

[1] Сказания Приска Панийского, перев. Дестуниса, стр. 62.
[2] Ист. Армении, перев. Эмина, стр. 151; Ист. агван, перев. Патканова, стр. 21; Всеобщая история, перев. Эмина, стр. 40.
[3] Латышев, Изв. др. пис., I, 484; II, 352.

барслов и земли гуннов вследствие такого же рода недоразумения, по какому один Тиридат оказался спутанным с другим?

Другим примером может служить рассказ Истории Армении о нашествии 20 000 северных варваров, подстрекаемых неким Санатеруком, и о победе армянина Вахтана Арматуни над предводителем варварского войска, одетым в неуязвимую войлочную броню.[1] Фауст Византийский, история которого охватывает период с 315 по 390 г., говоря об этом нашествии на Армению, называет варваров гуннами и аланами, а Санатерука заменяет Санесаном, царем маскутским.[2] Третий вариант находится в Истории агван, где варварские полчища оказываются агванами и притом в числе увеличенном до 30 000, Санатерук царем их, а одетый в войлочную броню богатырь — полководцем Санатерука по имени Анариск.[3] Не думаю, что при такой разноголосице в показаниях можно, следуя за Фаустом, утверждать, что в первой половине IV в. (Хозрой II, Покр (карлик) правил в 314—354 г.) армянам были известны уже гунны.

С разгромом савирского племенного объединения наиболее видную роль среди племен Северного Предкавказья в их отношениях с Закавказьем начинают играть хазары. Начало систематической борьбы Персии с хазарами арабские писатели относят ко времени Кавада, т. е. еще к первой трети VI в., когда сильнейшим племенем на северной границе Персидской державы были савиры. Как бы то ни было, шаху Каваду приписывается начало сооружения укреплений для защиты прохода вдоль западного побережья Каспийского моря для пресечения набегов со стороны хазар.

Сооружение укреплений для защиты проходов через Кавказский хребет предание приписывает еще Александру Македонскому, который, как известно, на Кавказе вовсе не был. Римляне, владевшие большей частью Закавказья, хорошо знали о существовании проходов через горы и заботились об их охране. Страбон, описывая путь, который ведет через горы со стороны северных варваров в Иверию, указывает, что конец его охраняет неприступная стена.[4] По Плинию, Кавказские ворота, многими, по его словам, очень ошибочно называемые Каспийскими, — «огромное создание природы, образовавшееся вследствие внезапного разрыва гор; самый проход огорожен обитыми железом бревнами; под ним посредине течет вонючая река, а по сю сторону (со стороны Закавказья) на склоне лежит укрепление по имени Кумания, построенное с целью препятствовать проходу бесчисленных племен. В этом месте — добавляет он — как раз насупротив иверийского города Гармаста (Армозика Страбона, Гармозд-цихе — Ормуздова крепость, нынешний Мцхет)[5] воротами разделены части света».[6] Каспийскими

---

[1] Ист. Армении, перев. Эмина, стр. 170.
[2] Collection de Hist. armén. par V. Langlois, т. I, кн. 3, гл. 3.
[3] Ист. агван, перев. Патканова, стр. 22.
[4] Латышев, Известия др. пис., I, стр. 140.
[5] Крымский, у. с., стр. 293, прим. 9.
[6] Латышев, у. с., II, стр. 182.

воротами называл Дарьяльское ущелье еще Прокопий в VI в. Он их описывал следующим образом: «Перешед пределы Иверийские, путник находит посреди теснин тропу, простирающуюся на пятьдесят стадий. Эта тропа оканчивается местом утесистым и совершенно неприступным: тут невидно никакого прохода; только сама природа образовала дверь, сделанную как будто руками. Это отверстие издревле названо вратами Каспийскими». По словам Прокопия, гунны, обитающие в степях, предпочитают нападать на Закавказье через эти ворота, так как они сокращают их путь и легко проходимы, тогда как при вторжении другими проходами приходится преодолевать большие трудности и делать далекие объезды.[1] Само собой разумеется, что, несмотря на общий характер утверждений Прокопия, Дарьяльские ворота, называемые Каспийскими, были удобны для северокавказских варваров только при набегах на Иверию, нынешнюю Грузию.

Имея довольно точные сведения о Дарьяльском проходе, Прокопий мало знал о других проходах, хотя и называет еще один Τζοῦρ, видимо соответствующий Чора или Джора армянских источников, т. е. собственно Каспийскому проходу.[2]

Смешение этих двух проходов, замеченное еще Плинием, по мнению Кулаковского, обнаруживается у Иосифа Флавия и Тацита. Первый, сообщая о нашествии в 72 г. на Закавказье алан, добавляет, что их пропустил царь гирканов, и они прошли «железные ворота», сооруженные Александром Великим.[3] Тацит, сообщая о приготовлениях Нерона против варваров, говорит, что они были направлены против албанцев.[4] Но Кулаковский объясняет это путаницей в представлениях обоих авторов о проходах. Оба писателя смешали Кавказские ворота (Дарьял) с Каспийскими (Дербент), откуда и произошла замена алан албанцами у Тацита и утверждение Иосифа Флавия об участии в этой войне гиркан, будто бы открывших ворота аланам. Что Иосиф Флавий путал Каспийские ворота с Кавказскими, не зная последних, по мнению Кулаковского, доказывается его рассказом о другом более раннем нашествии варваров и тоже через Каспийские ворота.[5] Но в сообщении о том же событии Тацита, иберы, призвавшие сарматов, провели их через свою страну.[6] Проход, по которому прошли сарматы, был, следовательно, Дарьяльский, хотя Тацит и называет его Каспийским.[7] Не касаясь некоторых неточностей в толкованиях Ю. Кулаковского, следует признать, что в основном он прав: Иосиф Флавий и Тацит называли Каспийскими воротами нынешний Дарьяльский проход. Под этим же именем его знал и Прокопий. По поводу этого наблюдения

---

[1] Ист. войн с персами, перев. Дестуниса, стр. 46.
[2] Procop., Bell. Goth., IV, I.
[3] Латышев, у. с., I, стр. 484.
[4] Там же, II, стр. 247.
[5] Там же, I, стр. 482.
[6] Там же, II, стр. 234.
[7] Кулаковский, Аланы по свед. класс. и виз. писат., К., 1899, стр. 10 сл.

Ю. Кулаковского, Н. Я. Марр заметил, что появление этого названия в приложении к Дарьялу зависит вовсе не от ошибки древних авторов, которую тщетно исправлял Плиний, а оттого, что «проходы через Кавказские горы определялись по расположенным вблизи народам»... Термин kaspi, сохранившийся до сих пор в названии одной из станций железной дороги в Восточной Грузии, «не есть случайное явление, а отражение большой важности и длительного значения исторического факта: оно свидетельствует о господстве некогда, в незапамятные времена во всем этом районе, начиная примерно с местоположения нынешней станции «Каспи» через всю Кахию вплоть до Каспийского моря, народа kas'ов, называвшихся в родной яфетической среде, смотря по языку произносивших это название племен, или kaspi или kasqi и т. п.»[1]

К этому нам остается только добавить, что по Страбону по имени народа каспиев были названы не только ворота и море, но и горы, находящиеся между воротами и морем, т. е. восточная половина главного Кавказского хребта. Народ этот, добавляет Страбон, теперь уже не существует и область, названная его именем, входит в состав Албании.[2] Диодор Сицилийский также знает Каспиану, в которую ведет узкий проход, называемый Каспийскими воротами.[3]

Н. Я. Марр отводит каспам весьма видную роль в процессе этногонии не только Кавказа. В ранней своей работе «К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа» он полагает, что древнейшее население Кавказа было оттеснено к северу надвигавшимися с юга новыми этническими образованиями, как например, картвелами-грузинами. Относительная древность этнических образований Кавказа ему представляется в следующем виде: «На заре tumk'и по одним данным и ϑurq'и или ϑerq'и, т. е. черкесское племя по другим, затем kasq'и || kasp'ы (ограничиваюсь лишь главнейшею разновидностью), племя чеченское, в третью очередь masquϑ'ы massaget'ы, мосохи, лингвистически, как все предыдущие, насколько можно судить по форме названий, представители спирантной ветви яфетических языков и лишь за ними — представители сибилянтной ветви яфетических языков, сначала tan'ы (tanar'ы, tor'ы), и, наконец, грузины, собственно qarϑ'ы или правильнее, как себя называют грузины, картцы (qarϑvel-i)».[4]

Рассматривая каспов, как разновидность кас-ов и has'ов, Н. Я. Марр полагает, что именно они лежат в основе хазарского племенного образования и хазарского имени, едва ли, однако, в чистом, а не скрещенном виде. Хазары, как новое переоформление каспов, с этой точки зрения, могут считаться древнейшим населением Кавказа, не только Северного, но и Южного, из чего, конечно, не сле-

---

[1] Н. Я. Марр, К истории передвиж. яфет. народов, И. А. Н. 1916, стр. 1393 сл.
[2] Геогр. Страбона, перев. Мищенка, II, 1, 27, 34; XI, 2, 15; XI, 4, 5; XI, 8, 8; XI, 11, 3; XI, 14, 5.
[3] Латышев, Изв. древн. пис., I, стр. 457. Это сведение восходит к Гекатею Милетскому, жившему в конце VI в. до н. э.
[4] Марр, там же, стр. 1407.

дует, что хазары действительно тождественны с каспами и их реликтовым вариантом кистами — чеченцами. Каспы или кас'ы в хазарах слились с сар'ами — сарматами с той большей легкостью, что и те и другие находились на одной и той же стадии этно-лингвистического развития.

Возвращаясь к вопросу о Каспийских воротах, мы имеем все основания полагать, что, говоря о них, Прокопий так же, как Страбон и другие античные писатели, отнюдь не смешивал их с Дербентом, а имел в виду нынешний Дарьял. Поэтому нет никаких оснований и ту крепость, которая по преданию была построена Александром Великим и которая, видимо, соответствует Кумании Плиния или Юроипааху Приска, перемещать из района Дарьяла на побережье Каспийского моря, как делают некоторые современные авторы.[1]

По рассказу Прокопия эту крепость захватил гунн Амвазук, друг римлян и царя Анастасия (491—518). Достигши глубокой старости, он предлагал Анастасию уступить Византии за деньги и крепость и Каспийские ворота, на что не получил согласия. После смерти Амвазука Кавад захватил это укрепление.[2] Несомненно, что оно и ранее, до захвата Амвазуком, принадлежало персам и было тем именно укреплением, в котором находился персидский гарнизон, помешавший сарагурам и др. племенам Северного Прикавказья около 466 г. пройти через Каспийские ворота. Варвары вторглись, как известно, другой дорогой и опустошили Грузию и Армению. Персидские укрепления в то время существовали уже и в Дербентском проходе, но, по сообщению Егише, крепость, построенная Иездигердом II в проходе Чора, в 454 г. была взята и разрушена армянами.[3]

Впрочем предание приписывает Иездигерду (442—459), овладевшему Дербентским проходом, не постройку, а возобновление укреплений, воздвигнутых здесь Александром Македонским.[4] Поставленный им здесь правитель (марцпан) Себухт в начале царствования Маркиана (450—457) участвовал в войне персов с армянами. Войско армян встретилось с персами за р. Курой «на месте зимних квартир царства агванского» и разбило их. Персы отступили в горы, где на помощь им вышли горцы лбины. Разбив и этих, армяне завладели городами Агвании и поручили гуннские ворота некоему Вартану или Вагану из племени агванских царей. В дальнейшем этот Ваган вместе с агванами и гуннами пришел на помощь армянам.[5]

Прочное утверждение персов в Дагестане относится ко времени Кавада и Хозроя Ануширвана. Вдоль Каспийского побережья до сих пор сохранились следы многочисленных укреплений и целых оборонительных линий, сооруженных для заграждения прохода.

---

[1] Козубский А. И., История города Дербента, Темир-хан-Шура, 1906, стр. 13.
[2] Прокопий, Ист. войн с персами, стр. 46, 47.
[3] Ист. агван, стр. 88.
[4] Derbend-nâmeh, стр. 5. Речь идет о Каваде.
[5] Егише, гл. III; История агван, часть II, гл. 2.

К северу от Апшеронского полуострова — там, где горы подходят к морскому берегу так, что крайняя скала, известная под именем Беш-Бармак, отстоит всего в 1,75 километров от моря, на вершине этой скалы находятся развалины так называемого святилища «Хозр-Зинде», а на покатом плато и склонах горы остатки стен и башен, выстроенных из небольшого размера камней.

От подошвы горы к морю тянутся два параллельных глинистых вала, находящихся в 220 метрах один от другого. В промежутке между ними на поверхности встречаются черепки сосудов и обломки обожженных кирпичей.[1] По всей вероятности, здесь находился город Баджаван, у скалы Ширвана, о которых упоминает Ибн-Хордадбех в цитате из коранического предания о спутнике Моисея Хызре.[2]

Масуди также знает в Ширване стену под названием Бармаки, а кроме того другую по имени Сур-ат-тин.[3] Последняя находится в 23 километрах севернее по Каспийскому побережью и представляет еще в настоящее время грандиозное сооружение, расположенное на берегу р. Гильгин-чай. От самых прибрежных морских дюн по направлению к горам тянется различной сохранности вал, в некоторых местах которого еще распознаются следы башен, находившихся метрах в 50 одна от другой. В обнажениях видно, что этот вал представляет собою остатки стены, сложенной из толстых квадратных сырцово-саманных кирпичей, по наружным сторонам покрытых глиняной штукатуркой. Недалеко от предгорий стена примыкает к громадному четырехугольному городищу, на площади которого попадается множество кирпичного щебня и черепков глиняной посуды.

На другом берегу Гильгин-чая расположено второе городище, от которого остатки стены, следуя по краю Гильгинчайского ущелья, поднимаются на предгорье. Начиная с холма Кала-бойну, стена была сделана из камня и обожженного кирпича. На этом участке также прослеживаются следы четырехугольных башен. Заканчивается она крепостью Чирах-кала, занимающей вершину отдельной скалы. От этой крепости сохранились главная башня и западная часть стены, близ которой имеется крытая коробовым сводом водяная цистерна, до сих пор наполняющаяся свежей водой.

Общее протяжение стен достигает 30 километров, из которых 20 сложены из сырцовых кирпичей. По расчетам Пахомова, результаты обследования которого мы здесь пересказываем, на постройку стены было употреблено свыше 50 млн. штук кирпичей.[4]

Пропуская мало известные остатки оборонительных сооружений, находящиеся между описанной стеной и Дербентом, попытаемся, пользуясь новейшими исследованиями и описаниями арабских

---

[1] Е. А. Пахомов, Крупн. памятник сасан. строит. в Закавказьи, Проблемы, 1933, 9—10, стр. 39.

[2] Караулов, у. с., Сб. мат. для опис. местн. и пл. Кавказа, XXXVIII, стр. 13—15.

[3] Там же, стр. 59.

[4] Пахомов, у. с., стр. 40—43.

географов, столь же кратко охарактеризовать этот наиболее прославленный памятник персидской экспансии на Кавказе.

Дербентское укрепление находится в местности, близко напоминающей те, в каких были сооружены вышеописанные стены. Здесь горы, отступившие было от моря и образовавшие довольно широкую равнину, известную в древности под названием поля Ватния, вновь близко продвигаются к берегу. Современный Дербент узкой полосой тянется по склону горы. С южной и северной сторон его находятся стены, замыкающие пространство между морем и скалой с западной стороны города, на вершине которой находится цитадель (Нарын-кала), к которой они и примыкают. Разрушенные противоположные концы стен вдаются в море, напоминая описания города у арабских географов, по словам которых стены Дербента выступали на одну милю от берега в море, образуя гавань, вход в которую был загражден цепью, так что ни одно судно не могло ни войти, ни выйти иначе, как с разрешения того лица, в ведении которого находилось наблюдение за морем. [1] Стены крепости были сложены из крупного тесаного камня с забутовкою на извести внутреннего пространства между облицовочными камнями. С внутренней стороны к северной стене примыкает широкий глиняный вал, представляющий остатки более древней, как это видно из отношения его к каменной стене, сырцовой стены, подобной той, какая имеется в Гильгин-чае. Судя по этому, каменные стены не являются первоначальными укреплениями прохода, а им предшествовали такие же длинные стены, какие находятся и теперь южнее Дербента, при выходе в Закавказье. [2] Наиболее грандиозную часть Дербентских укреплений составляет каменная стена, такая же, какой окружен город, начинающаяся от цитадели и тянущаяся на 40 километров — вплоть до вершины хребта Кара-сырт. Вдоль нее прослеживается множество башен, фортов и других сооружений, представляющих интересные образцы древней архитектуры. Башни ее перекрыты так называемым ложным сводом, состоящим из рядов выступающих друг над другом камней; стены были увенчаны ступенчатыми зубцами. [3]

По сведениям Ибн-ал-Факиха, персидский царь Кавад (Кубаз) построил кирпичную стену Баб-ул-Абваба и основал 360 замков, из которых 110 находились вдоль нее, а остальные были расположены в землях Табарсерана, Филана и Серира, вплоть до Баб-ул-Аллана (Дербентский проход). [4] Они были, добавляет автор, разрушены после постройки каменной стены Баб-ул-Абваб (Дербента) и, надо полагать, в действительности не представляли той стройной системы защиты проходов к Кавказскому хребту с севера, какую хочет изобразить автор. Ибн-ал-Факих описывает стену, построенную Ану-

[1] Сб. матер. для опис. Кавказа, XXXVIII, 40, 88; XXIX, 11.

[2] Е. О. Пахомов, у. с., стр. 44; П. И. Спаский, Дербентские укрепления, Изв. Азкомстариса, в. 4, тетр. 2, стр. 267—276.

[3] Е. О. Пахомов, у. с., стр. 45. См. также Е. О. Пахомов, До дослідження Дагестанської стіни, Схидній світ, 1930. № 10—11, стр. 325—331.

[4] Сборн. матер. для опис. Кавказа, XXXI, стр. 11, 15.

ширваном, следующим образом: «один конец ее вдается в море, а противоположный морю конец стены выведен до такого места, где ничего не поделаешь против нее, и тянется она на 7 фарсахов до лесистой и обрывистой горы, через которую не пройдешь. Построена она из четырехугольного тесаного камня; один из этих камней не поднимут 50 человек; эти камни поставлены (один на другой) и пришиты друг к другу железными болтами. На протяжении этих 7 фарсахов устроено 7 проходов; у каждого из этих проходов город, и живут в них (городах) персидские воины... Над каждым проходом привешены ворота, и ширина стены такова, что по ней проедет (в ряд) не теснясь 20 всадников». [1]

То же самое говорит и Масуди, добавляя, что стена была доведена до укрепления Табарсеран и что «все это служило для защиты от нападений народов, примыкающих к горам Кабх (Кавказу), каковы хазары, аланы, турки, сериры и иные племена кяфиров». [2]

Оценивая значение сооружений Ануширвана Ибн-ал-Факих говорит, что для охраны ее стало достаточно 100 человек, тогда как раньше требовалось 50 000. [3] Не придавая значения этим цифрам, нельзя не согласиться, что постройка стены создавала весьма серьезное препятствие для вражеских набегов. Однако персидские цари учитывали, что одних стен для закрепления новых территориальных приобретений и удержания старых далеко еще недостаточно и потому сопровождали сооружение их военной колонизацией и связью с верхушкой туземных племен. Якут, резюмируя данные об этом своих предшественников, таким образом характеризует политику сасанидов: «Хозрои (персидские цари) прилагали большую заботу к этой пограничной местности и не ослабляли наблюдения за ее положением вследствие великой опасности с этой стороны и сильной боязни ее... В этом месте были поселены стражники из переселенцев разных областей и надежных по мнению их (царей) для охраны, и вся населенная местность, которою они завладели, была предоставлена в их исключительное пользование без всяких расходов для правительства, без хлопот об этом крае и без вмешательства в его дела; все это было сделано из сильного желания заселить этот край надежными людьми и тем самым защитить от различных враждебных племен турок и кяфиров».

Далее, в числе переселенцев он называет племена табарсеран, филан, лакз и др. [4] Более ранние писатели указывают, что в крепостях вдоль стены были поселены персидские воины сиясикины или сияджины, [5] что же касается туземных племен, то, по выражению Масуди, Ануширван отвел им границы и назначил каждому из владетелей сан и титул. [6] Иными словами, персидские цари ввели

---

[1] Сборн. матер. для опис. местн. и плем. Кавказа, XXXI, стр. 23, 25.
[2] Там же, XXXVIII, стр. 41.
[3] Там же, XXXI, стр. 17.
[4] Там же, XXIX, стр. 13, 15.
[5] Там же, XXXI, стр. 23, 29.
[6] Там же, XXXVIII, стр. 41.

туземных старейшин и предводителей в систему персидской феодальной иерархии и, помогая им провести экспроприацию общинной собственности и закрепощения соплеменников, связали их с судьбой Персидского государства.

На склонах Дагестана, там, куда проникало военно-политическое и культурное влияние сначала Персии, а затем арабского халифата, сложились те феодальные и полуфеодальные образования, характеристики которых имеются у арабских писателей.

Трудно сказать, какую роль в этом процессе играло насаждение на шею туземного населения феодалов персидского происхождения в виде правителей и наместников, очень скоро превращавшихся в наследственных государей. Судя по тому, что многие из царьков вели свой род от взбунтовавшегося персидского полководца Вахрама Чобина, по смерти Ормузда провозглашенного царем, а затем погибшего после разгрома его войск Маврикием, надо полагать, что варварский пиэтет к представителям могущественных государей играл немалую роль в образовании наследственной знати, связывавшей свое происхождение фактически или фиктивно, если и не с царями, то с вельможами персидского государства.

Постройкой грандиозных укреплений, устройством колоний, а главное, вовлечением в систему персидской государственной организации туземных племен Кавказа, сасаниды закрепляли свое господство над важнейшей провинцией Персии — Азербайджаном, плацдармом борьбы с Византией за центральные и западные области Закавказья, и отстаивали эту провинцию от захватнических претензий усиливающихся северных народов, среди которых наиболее видную роль начинают играть хазары.

Утвердившееся в литературе мнение, что владения хазар на юге в VI в. простирались до Аракса (S. Martin, Григорьев, Языков и мн. др.), основывается на словах Баладзори, что «Джурзан и Арран находились в руках хазар, а остальная Армения в руках румов (византийцев).... Хазары (часто) выступали (из своей страны) и нападали (на соседние области), доходя иной раз до Дайнавера. (Это побудило) Кавада, сына царя Фируза, отправить (против них) одного из своих великих полководцев с 12 000 (воинов); и он вступил в область Арран и занял область между рекой Ар-Расом (Араксом) и Ширваном. Вслед за ним (полководцем) выступил (царь) Кавад, который построил в Арране город Байлекан и город Бердаа (главный) город всей страны, и город Кабалу, что есть Хазар, затем он построил преграду из нежженной глины (кирпича) между областью Ширваном и воротами Аллан, а вдоль глиняной стены он построил 360 городов, пришедших в разрушение после постройки ал-Бабул-абваба».[1] Основываясь на этом сообщении хазарское завоевание нынешнего Азербайджана следовало бы отнести еще к первой четверти VI в., если не ранее, т. е. к царствованию Кавада.

В противоречии с этим заключением находится другое сообщение

[1] Книга завоевания стран, Перев. Жузе, Баку, 1927, стр. 5.

о хазарском завоевании, имеющееся в Истории агван. Здесь говорится: «страна наша подпала под власть хазаров; церкви и писания преданы были огню. Тогда, во второй год Хозроя, царя царей, в начале армянского летосчисления перенесли престол патриарший из города Чога в столицу Партав, по случаю хищнических набегов врагов креста господня». [1] В этом сообщении указывается дата перенесения патриаршего престола из Чога, т. е. Дербента, в столицу Агвании Партав, причем данные, которыми определяется это событие, не согласованы между собой. Началом армянского летосчисления считается 552 г., тогда как правивший в то время Хозрой Анушпрван вступил на престол в 531 г. Второй год его правления, таким образом, приходится не на 552, а на 532 год. В котором-то из этих разделенных 20-летним промежутком годов хазарские нападения сделались настолько опасными для агван, что они перенесли патриарший стол в Партав, или Бердаа, построение которого Баладзори приписывает Каваду. О набегах хазар Табари сообщает под 540 и 590 гг., но ему ничего неизвестно о подчинении Агвании хазарам. Сопоставляя эти данные со сведениями византийских писателей о савирах, походы которых в Закавказье начинаются с первой четверти VI в. и о поселении которых в Азербайджане известно в семидесятых годах того же века, мы можем заключить, что хазары, по словам Истории агван и Баладзори, покорившие Агванию, были теми же савирами.

Считается, что вторжение савиров в Закавказье происходило под натиском авар, сначала настоящих, а затем вархонитов. Мы видели уже, что толчок, полученный савирами от авар, отразился на положении племен азовско-каспийского междуморья. Однако походы савиров в Закавказье все же начинаются значительно позднее. Что касается псевдо-авар, то их появление относится ко времени, когда роль савиров в Закавказьи уже кончалась, если не кончилась.

Поглощенная войной с Византией из-за Лазики, Персия не могла организовать решительного отпора савирам, около половины VI в., а может быть, даже несколько ранее наводнившим удобные для кочевников степи Азербайджана. К тому же эти варвары, вторгшиеся в Закавказье, возможно по указанию Византии, как известно, завербовавшей савиров в число своих союзников и приславшей им плату за помощь против персов, оказались полезными персам для борьбы с самой Византией. В 555—556 гг. в персидском войске было много савиров, нанятых Хозроем, должно быть, уже среди обосновавшихся в Закавказьи варваров. Все же разгром савиров следует приписывать не псевдо-аварам, а Персии. Мир, заключенный с Византией в 562 г., повидимому, развязал Персии руки для борьбы с захватившими Агванию савирами. Часть пришельцев была уничтожена Хозроем Анушпрваном, часть покорилась и осталась на жительство в степной части Азербайджана, где их через несколько лет встретили греки, а часть, надо думать, была прогнана

[1] Ист. агван. стр. 90.

обратно за Кавказские горы, где и была окончательно разгромлена вархонитами.

Если хронология и связь событий нами поняты правильно, то строительство Ануширвана в Дагестане, о котором рассказывают арабские писатели и памятники которого существуют до наших дней, следует датировать временем между 562 и 579 — годом его смерти, а никак не юношескими годами Хозроя, о чем повествуется в Дербенд-намэ.[1] Строительная деятельность Кавада в Дагестане при этом оказывается вообще под сомнением. Правда, такие писатели, как Баладзори, говорят о сооружениях Кавада не в Дагестане, а в Азербайджане, по рр. Куре и Араксу. На основании указания этого автора Каваду можно приписать постройку стены из необожженных кирпичей, остатки которой сохранились в самом южном конце Прикаспийского прохода, относя ее ко времени, предшествующему нашествию савиров. Энергичная строительная деятельность Ануширвана, таким образом, не является прямым продолжением начинаний Кавада. Мероприятия того и другого шаха по защите северной персидской границы разделены довольно значительным хронологическим промежутком и развертывались к тому же на разной территории.

Нашествие савиров со всей очевидностью показало опасность, которую таила в себе северная граница, и недостаточность укрепления старых персидских областей. Нужно было утвердиться в таких пунктах, которые по своим естественным условиям представляли наибольшие возможности для преграждения пути северным варварам, которых уже не могли сдержать туземные албанские племена. Ануширван решительно двинулся в глубь прикаспийского прохода и прочно обосновался в Дербенте, где еще до него в V в. пытался закрепиться при аналогичных условиях Иездигерд II.

Дербентские укрепления закрепили власть Персии над северной частью Агвании, многочисленные племена которой, вроде маскутов и лубнов или липнов и др., до сих пор не были крепко связаны с Персией и всегда были готовы выступить против нее, представляя наиболее реальную силу агванских царей при их попытках добиться политической независимости. Дербентские укрепления были вместе с тем мощным оплотом против алчности северных кочевников. О набегах их больше не слышно вплоть до царствования Ормузда (579—590), сына Ануширвана, когда персидские военные силы были разделены, с одной стороны, для ведения возобновившейся войны с Византией, а с другой — для борьбы с турками, которыми начальствовал Сабе. В это время хазары, прорвавшись через Дербент, вторглись в Персию,[2] но положение скоро оказалось восстановленным, и Персия на этот раз сумела относи-

---

[1] Derbend-nâmeh, стр. 5; Ср. Г. С. Нюберг, Материалы по истолкованию пехлевийских надписей Дербенда, Изв. Общ. обслед. и изуч. Азербайджана, № 8, в. V, Баку, 1929, стр. 29 и Е. А. Пахомов, К толкованию пехлевийских надписей Дербенда, Изв. АЗГНИИ, т. I, в. 2, Баку, 1930, стр. 14 сл.

[2] D'Ohsson, Des peuples du Caucase, стр. 48—49; Дорн, Изв. о хазарах, стр. 7.

тельно благополучно выйти из испытания, поплатившись значительной частью персидской Армении, перешедшей к Византии, но зато нанеся очень чувствительные удары туркам.

Выступление хазар в царствование Ормузда, в последней четверти VI в., повидимому, следует рассматривать уже не как самостоятельное начинание северокавказских племен, а в качестве военного предприятия, организованного турками. Арабские писатели указывают турок на Северном Кавказе еще во время царствования Кавада и Ануширвана. Так, они сообщают легенду, которая с небольшими изменениями в подробностях связывается то с одним, то с другим из этих шахов, с одной стороны, и с турками или хазарами — с другой. По одному варианту Кавад, желая положить конец войнам с хазарами, послал просить себе в жены дочь кагана. Получив согласие, он отправил к кагану богатые дары и взамен каган прислал ему свою дочь с большим приданым. Через некоторое время шах отправил к кагану послов с просьбой о согласии на постройку пограничной крепости. Когда согласие было получено и крепость построена, шах отослал дочь кагана обратно к отцу, что и было поводом для возобновления военных действий.[1] Баладзори и Кудама приблизительно то же рассказывают о Хозрое Ануширване. Он закрепил мир с царем турецким (хазарским) браком на дочери последнего и прислал ему взамен в жены дочь одного из своих родственников, которую он выдал за свою. Затем цари имели в месте ал-Баршалия свидание, в течение которого Хозрой приказал тайно поджечь хазарский лагерь. Когда царь хазарский стал жаловаться, Ануширван приказал зажечь свой лагерь и затем, приписывая эти поджоги враждебным отношениям между войсками персов и хазар и выражая опасения насчет прочности заключенного мира, уговорил хазарского кагана дать разрешение на постройку пограничной стены, которая бы препятствовала подданным той и другой стороны нарушать мир. Когда Дербентские укрепления были построены, хазарский царь узнал, что был обманут персами.[2]

Что турок, называемых в некоторых вариантах этой легенды вместо хазар, не могло быть на Северном Кавказе во время Кавада, едва ли еще следует доказывать. Но в конце царствования Хозроя Ануширвана они здесь уже могли появиться. По сведениям Табари еще при Хозрое Ануширване каган турок Синьджибу требовал от персов выплаты ему ежегодной дани, которую те давали покоренным им хазарам и болгарам (кроме болгар добавлены беленджеры).[3] С огромным войском он двинулся на Персию, но, узнав о неприступных укреплениях, повернул обратно.

В связи с этим уместно вспомнить, что по договору, заключенному Феодосием II (408—450) с царем Вахрамом V, Визан-

---

[1] Derbend-nâmeh, стр. 2 сл.

[2] Сб. мат. для опис. местн. и плем. Кавказа, XXXII, стр. 29; Козубский, Ист. Дербента, стр. 18; D'Ohsson, y. c., стр. 48.

[3] Marquart, Streifzüge, стр. 490—491.

тия должна была платить персам 5 кентариев золота в год за охрану кавказских проходов.[1] Воспользовавшись ослаблением Персии, Византия прекратила платежи тем более, что варвары почти без помехи хозяйничали в проходах. В 464 и 466 гг. персы тщетно требовали у Византии участия в охране кавказских проходов и, в частности, в поддержании крепости Юроипаах, находившейся при Каспийских воротах и задержавшей орду, возглавленную сарагурами.[2] Вслед за укреплением положения на северной границе, Кавад возобновил требования обусловленной платы. Персы говорили византийским послам: «Для блага как персов, так и римлян мы заняли Каспийские врата, изгнав оттуда варваров силой... С той поры мы поставили там многочисленное войско, которое до сего времени и содержим, и тем доставили и вам ту выгоду, что тамошние ваши области не терпят от варваров разорения и вы владеете спокойно землями своими»... В виду этого персы требовали, чтобы Византия хотя бы денежными взносами участвовала в охране кавказских проходов от нападений массагетов, именем которых Прокопий обозначает северокавказских варваров. Хозрой сохранил в силе это требование и при заключении так называемого «вечного мира» в 531 г. добился внесения Византией соответствующих платежей.[3] Несмотря на заключение «вечного мира», персидско-византийская война возобновилась в 539 г.

Возвращаясь к вопросу о дате нашествия савиров на Агванию и начала строительной деятельности Анушпрвана, следует заметить, что первые годы правления этого царя едва ли можно признать благоприятными для совершения тех грандиозных работ, какие были произведены в Дербенте.

По всем признакам выступление савир, вызвавшее постройку оборонительных сооружений в том проходе, через который они вторгались в Закавказье, следует относить не к началу царствования Хозроя, а к несколько более позднему времени, может быть, к годам, следующим за новой войной Персии с Византией. В 531 г., по словам Прокопия, персы сильно опасались гуннов, вызванных ими же в качестве союзников и в виду этого поторопились с заключением мира. Но на этот раз страхи были напрасны; гунны, найдя войну законченной, ограничились непродолжительным набегом на византийские владения и вернулись в свою землю.[4]

По всей видимости, выбирая между 532 и 552 гг., указанными в Истории агван в качестве даты завоевания Агвании хазарами-савирами, нужно вторую цифру предпочесть первой, а следовательно, и строительную деятельность Анушпрвана относить к концу, а не к началу его царствования, так как Дербентская стена, остановившая турок, могла бы явиться не менее серьезной преградой и для савир.

---

[1] Кулаковский, Ист. Византии, II, стр. 20.
[2] Приск Панийский, перев. Дестуниса, стр. 89, 94.
[3] Прокопий, Война с персами, стр. 81—82, 116.
[4] Там же, стр. 114.

Вполне вероятно, что на ряду с устройством укрепленных линий, а в особенности пока еще их не было, Персия практиковала те же формы отношений с беспокойными соседями, что и Византия: она платила им за ненападение и за охрану своих границ от вторжения других племен. Этот-то расход, главным образом, а не только содержание пограничных гарнизонов, Персия стремилась разделить с Византией. Поэтому указание Табари о плате, которую получали болгары, видимо дагестанские (так как рядом стоит наименование беленджеры, представляющее ошибочную транскрипцию названия болгар дагестанских), и хазары — надо признать вполне вероятным. Турки, подчинившие тех и других и требуя с Персии плату, какую эти племена получали, поступали точно так же, как несколько ранее авары, обратившиеся с таким же требованием, но не к Персии, а к Византии.

В шестидесятых годах VI ст. болгаро-хазарские племена азовско-каспийского междуморья оказались под властью Турецкой державы. Несколько позже, когда этот факт стал достаточно известен, эти племена стали обозначаться именем турок точно так же, как раньше имя скифов, сарматов, готов, алан и гуннов покрывало все многообразие составляющих их подразделений с их собственными, частными наименованиями. Период турецкого завоевания в сложении самостоятельного Хазарского государства сказался самым определенным образом; турецкие элементы в культуре хазар настолько многочисленны, что для многих турецкая этническая принадлежность хазар не подлежит сомнению.

Мы теперь знаем, что хазары были не турки, а являлись одним из гунно-болгарских племен, с разгромом политического могущества савиров выступившим на первый план, как центр новой варварской организации в юго-восточном углу Азовско-Каспийского междуморья. Турецкое завоевание создало новые условия для дальнейшего исторического развития хазар: включение их в Турецкую державу на время приостановило объединение вокруг хазар туземных племен, так как все они оказались одинаково с хазарами во власти завоевателей. Однако сила хазарского племенного образования была уже настолько значительной, что представляемая ими часть Турецкой державы скоро превратилась в самостоятельную политическую величину, и возобновившийся процесс консолидации вокруг них, как ядра, сначала родственных, а затем соседних племен очень быстро привел к образованию нового могущественного Хазарского государства, история возникновения, развития и гибели которого и составит предмет нашего дальнейшего изложения в другой работе.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

395—396 Набег гуннов на Закавказье и Персию.
448 Разгром Аттилой враждебного союза акациров и назначение царем припонтийских гуннов Эллака.
453 Смерть Аттилы и распадение гуннского союза.
454 Разрушение Дербента (Чога) армянами.
ок. 463 Появление авар. Посольство сарагуров, урогов и оногуров к римлянам.
ок. 466 Поход сарагуров и акациров в Персию.
482 Первое выступление болгар на Дунае.
488 Победа остготов над болгарами.
499 Победа болгар над римским полководцем Аристом.
502 Нападение болгар на Византию.
504 Война Кавада персидского с гуннами в Закавказьи.
514—515 Участие болгар в восстании Виталиана.
516 Нападение савир на Армению, Капподокию и Галатию.
ок. 520 Переход Боспора во власть Византии.
521 Вождь гуннов (савир) Зилигд.
522 Посольство патрикия Проба к приазовским гуннам (утургурам).
527 Боарикс, вдова гуннского князя Болаха, союзница Византии.
между 527—540 Принятие гуннским князем Гродом крещения. Свержение его гуннами и захват Боспора, Кепы и Фанагории. Военная экспедиция для возвращения этих городов под власть Византии.
531 Союз савир с Византией.
540 Набег савир (хазар) на Закавказье.
548 Посольство готов-тетракситов в Византию.
550 Переговоры царя лазов Губаца и Византии с савирами о союзе. Выступление савир на стороне Персии.
551 Набег кутургуров на Византию и война утургуров с кутургурами (Хиннал и Сандилх).
552 Завоевание Агвании савирами (хазарами).
552 Разгром жуань-жуаней (авар) турками.
555 Выступление савир на стороне Византии.
558 Посольство псевдо-авар в Константинополь.
559 Вторая война утургуров с кутургурами (Заверген и Сандилх).
ок. 562 Разгром савир Хозроем Ануширваном.
между 562—579 Построение дербентской стены.
563 Первое посольство турок в Византию.

565 Аварское посольство в Константинополь с требованием увеличения подарков.
567 Союз лангобардов с аварами.
568 Утверждение авар в Паннонии.
569 Посольство Земарха к туркам. Турки на Волге.
576 Посольство Валентина. Взятие Боспора турками и утургурами.
ок. 576 Насильственное переселение агванских савир в византийские владения в Закавказьи, за р. Куру.
580 Завоевания турок в Крыму.
584 Распадение турецкой державы на две части.
588—589 Война турок с Персией (Вахрам-Чубин и Сабе).
между
580—590 Возвращение Боспора Византией.
590 Набег турок (хазар) на Закавказье.
ок. 598 Разгром турками восставших огоров.
599 Объединение турецкой державы под властью Дяньгу-Датоу (599—603), ранее кагана западных турок.
619 Крещение гуннского князя (Органы?).
619—630 Тун-шеху-каган западных турок.
623—624 Первый поход Ираклия в Закавказье.
624—625 Обмен посольствами между Византией и турками (хазарами).
625 Набег хазар под предводительством шада на Закавказские владения Персии.
626 Осада Константинополя персами и аварами. Осада Тбилиси Ираклием и джебукаганом.
626—627 Пребывание Ираклия в Агвании и начало похода в Персию.
627 Взятие Тбилиси джебукаганом.
628 Разгром персов. Смерть Хозроя Парвиза. Воцарение Ардешира. Возвращение католикоса Виро. Покорение Агвании хазарами.
629 Попытка покорения хазарами Армении.
630 Изгнание хазар из Закавказья.
630—631 Междоусобная война авар и болгар из-за ханской власти. Бегство болгар (кутургур) из Паннонии.
634 Начало войны арабов с персами.
ок. 635 Борьба Кубрата с турками и образование союза болгарских племен.
641 Смерть Ираклия и свержение Ираклиона.
ок. 645 Восстание Джеваншира агванского против Персии и объявление независимости Агвании.
651—652 Первая неудачная экспедиция арабов на Дербент. Гибель Сулеймана в стране хазар.
660 Подчинение Агвании Византии.
661—662 Завоевание Агвании арабами и начало борьбы с хазарами за Дербент.
ок. 670 Разгром хазарами болгар (в-н-н-т-р'ов).
675 Появление болгар Аспаруха на Дунае.
679 Поход Константина против болгар и вторжение болгар во Фракию.
684 Агванское посольство к Алфилитверу в город гуннов Варачан.
713 Взятие Дербента Муслимом, братом халифа Валида.
738 Поход Мервана и взятие Семендера.

КАРТА
СТЕПНОЙ ПОЛОСЫ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
И
КАВКАЗА
ПОНТИЙСКОЕ МОРЕ
МЕОТИЙСКОЕ ОЗЕРО
ОГОРЫ
ХАЗАРЫ
КУТУРГУРЫ
УТУРГУРЫ
УННОГУНДУРЫ
В-Н-Н-Т-Р'Ы
КАРКИНИТСКИЙ ЗАЛ.
НЕКРОПИЛЫ
АЛЬГАЗИРЫ
КАФА-ФЕОДОСИЯ
ГОТЫ
МАНГУП
ЭСКИ-КЕРМЕН
ХЕРСОНЕС
БОСПОР
ФАНАГОРИЯ
КЕПЫ
ГОТЫ-ТЕТРАКСИТЫ
АБХАЗИЯ
ЛАЗИКА
ЕГЕРИЯ
ИВЕРИЯ
АГВАНИЯ
АРМЕНИЯ
САВИРЫ
ЗАЛЫ
МАДЖАРЫ
ИТИЛЬ
САРКЕЛ
р. Танаис
р. Атель
КЕРАУНСКИЕ ГОРЫ
р. Кума
р. Терек
р. Баксан
р. Кура
р. Аракс
р. Кузу-Гипанис
р. Данаприс-Варух
р. Трулл
р. Истр-Дунай
ФРАКИЯ
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
ОДИССОПОЛЬ
ПИЦУНДА
ТРАПЕЗУНД
СЕВАСТИЯ
КУТАИС
г. ЭЛЬБРУС
г. ДЫХ-ТАУ
КАСПИЙСКИЕ ВОРОТА
ГАРМАЗИКА
ТБИЛИСИ
КАБАЛАКА
УТИ
ШАМКОР
САКАШЕН
ГАРДМАН
АРЦАХ
ПАРТАВ-
БЕРДА'А
ПАНТАКАРАН
БАЙЛАКАН
оз. Гокча
ВАНАНД
БАСЕН
НАХИЧЕВАНЬ
АРЧЕШ
оз. Ван
СУРХАБ
ЕНДЕРИ-СЕМЕНДЕР-ВАРАЧАН
ИНДЖИ
ТАРКИ
ЧОГА-ДЕРБЕНТ
СУР-АТ-ТИН
БЕШ-БАРМАК

TABLE DES MATIÈRES

СОДЕРЖАНИЕ

Ответственный редактор В. Мавродин. Технический редактор Л. Вакуленко. Переплет худ. Д. Двоскина. Сдано в набор 16 августа 1936 г. Подписано к печати 25 декабря 1936 г. Соцэкгиз № 1653. Известия ГАИМК № 158. Ленгорлит № 26224. Тираж 7.250 экз. Заказ № 896. Формат 62 × $94^{1}/_{16}$. Объем 10,2 уч.-авт. л.; 9,25 печ. лист. Тип. знак. в 1 бум. л. 94.400. Цена книги 3 р. 75 к., переплет 1 р. 25 к. 2-я типография ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига» «Печатный Двор» имени А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

5 руб.